

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2022

НОЯБРЬ –
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2022

**NOVEMBER –
DECEMBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zavadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. В. Антонова. Варианты русского ударения:
кодификация и узус (*паж, пан, партер*)
- 22..... А. В. Балахонов, Д. И. Панков, Ю. И. Строев, Л. П. Чурилов.
Зоологическая метафора в медицинской терминологии
- 38..... А. Л. Голованевский, Н. В. Трошина. Семантика русского слова *туда-сюда*:
корпусное исследование
- 50..... А. В. Занадворова. *Полезная дрянь и ценная фигня*.
О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи
- 63..... М. Л. Каленчук. Профессиональные произносительные варианты:
мифы и реальность

Из истории русского языка

- 71..... Е. А. Балашов. Некоторые особенности употребления слова *последний*
в русском языке XVIII–XIX веков

Язык художественной литературы

- 81..... О. И. Северская. Комар как вдохновитель и соавтор
(на примере поэзии Г. Р. Державина, А. Парщикова, Ю. Арапова)
- 94..... О. А. Селеменова. Синтаксис пейзажа в цикле И. А. Бунина
«Тень птицы»

Наука в лицах

- 106..... И. И. Фужерон. Карцевский в начале научной деятельности
(по материалам архива)

Книжные новинки

- 117..... В. И. Заика, О. В. Никитин. Вот тебе, бабушка, и коронавирус!
(О «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga V. Antonova*. Variants of Stress in Russian Language: Codification and Usage (*page, pan, parterre*)
- 22..... *Alexei V. Balakhonov, Dmitrij I. Pankov, Yuri I. Stroev, Leonid P. Churilov*. Zoological Metaphor in Medical Terminology
- 38..... *Arkadij L. Golovanevskij, Natalya V. Troshina*. The Semantics of the Russian Word *Tuda-Syuda*: A Corpus-Based Research
- 50..... *Anna V. Zanadvorova*. *Poleznaya Dryan* ('Useful Rubbish') and *Tsennaya Fignya* ('Valuable Garbage'). On Some Cases of Changing the Assessment in Informal Colloquial Speech
- 63..... *Maria L. Kalenchuk*. Professional Pronunciation Variants: Myths and Reality

From the History of the Russian Language

- 71..... *Evgenij A. Balashov*. Some Features of the Use of the Word *Poslednij* ('Last') in the Russian Language of the 18th–19th Centuries

The Language of Fiction

- 81..... *Olga I. Severskaya*. *Komar* 'Mosquito' as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parschikov, Yu. Arabov
- 94..... *Olga A. Selemeneva*. Landscape Syntax in I. A. Bunin's Cycle "The Bird's Shadow"

Science and Persons

- 106..... *Irina I. Fougeron*. Kartsevsky at the Beginning of His Scientific Career (Based on Archive Materials)

Book News

- 117..... *Vladimir I. Zaika, Oleg V. Nikitin*. COVID-19, Who Could Expect This! (On the "Dictionary of the Russian Language in the Coronavirus Era")

Варианты русского ударения: кодификация и узус (*паж, пан, партер*)

Ольга Валентиновна Антонова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), ovantonova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170023733-5

АННОТАЦИЯ: Настоящая работа посвящена изучению случаев, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе наших современников, говорящих на литературном языке; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. Речь идет как о собственно орфоэпических, так и иных словарях, к примеру толковых; как подготовленных к выпуску под эгидой Российской академии наук, так и не имеющих грифа РАН; как относящихся к последнему десятилетию, так и изданных ранее.

С другой стороны, возможна и обратная картина: словари не содержат сведений об устарелых вариантах, которые сохранились в речи образованных людей благодаря знанию текстов классической русской литературы, и в качестве рекомендованного выступает произношение, прямо противоречащее примерам из классической поэзии. Анализ подобных случаев приводит к осознанию необходимости: 1) устранения противоречий между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих на литературном языке; 2) уточнения рекомендаций в орфоэпических словарях путем дополнения их сведениями относительно статуса вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в текстах русской литературы XVIII–XX вв.; 3) отражения в словарях широко распространенных в узусе акцентных вариантов, по каким-либо причинам не попавших в поле зрения лексикографов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфоэпия, вариативность, орфоэпическая норма, орфоэпические словари, изменение нормы, ударение

для цитирования: Антонова О. В. Варианты русского ударения: кодификация и узус (*паж, пан, партер*) // Русская речь. 2022. № 6. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170023733-5.

Issues of Modern Russian Language

Variants of Stress in Russian Language: Codification and Usage (*page, pan, parterre*)

Olga V. Antonova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), ovantonova@gmail.com

ABSTRACT: This work studies the cases where the pronunciation adopted in the usage of modern literary language users sharply diverges from the accentological recommendations of the dictionaries. The article considers the cases where frequency variants of stress can even have prohibitive marks in dictionaries. The study concerns both orthoepic and other dictionaries, for example, explanatory ones; both prepared for release under the auspices of the Russian Academy of Sciences, and those not labeled by the Russian Academy of Sciences; both related to the last decade and published earlier. On the other hand, it is possible that the dictionaries do not contain information about obsolete variants that have been preserved in the speech of educated people due to knowledge of the texts of classical Russian literature, and the recommended pronunciation directly contradicts the examples from classical poetry. The analysis of such cases urges us to:

- 1) eliminate the contradictions between the normative recommendations of special orthoepic dictionaries and the usage of literary language speakers;
- 2) clarify the recommendations in orthoepic dictionaries by supplementing them with information about the status of variants that are not accepted in modern literary pronunciation, but are present in texts of Russian literature of the 18th–20th centuries;
- 3) add accent variants widespread in the usage, which for some reason did not come under scrutiny of lexicographers, to the dictionaries.

KEYWORDS: orthoepy, variability, orthoepic norm, orthoepic dictionaries, norm change, stress

FOR CITATION: Antonova O. V. Variants of Stress in Russian Language: Codification and Usage (*page, pan, parterre*). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170023733-5.

О. Нередки случаи, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе наших современников, говорящих на литературном языке; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. Речь идет как о собственно орфоэпических словарях, так и иных, к примеру толковых; как подготовленных к выпуску под эгидой Российской академии наук, так и не имеющих грифа РАН; как относящихся к последнему десятилетию, так и изданных ранее.

С другой стороны, возможна и обратная картина: словари не содержат сведений об устарелых вариантах, которые сохранились (в основном благодаря знанию текстов классической русской литературы) в речи образованных людей, и в качестве рекомендованного выступает произношение, противоречащее примерам из классической поэзии. Такие расхождения многочисленны, и в настоящей работе мы рассмотрим три их разновидности, а именно:

- а) словарная рекомендация противоречит узусу говорящих на литературном языке;
- б) словарь не содержит достаточных сведений относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в словах и словоформах, входящих в корпус текстов русской литературы XVIII — нач. XX века, широко известных читателю и зачастую попадающих в поле зрения учащихся средней и высшей школы (примечательно, что некоторые такие формы могут и вовсе отсутствовать в специализированных словарях);
- в) один из частотных вариантов может быть не отражен в словарях вследствие тех или иных причин (к примеру, акцентуация какой-либо лексемы в одном из значений прочно вошла в специализированный узус (профессиональное аргю), однако будто бы «по традиции» продолжает игнорироваться словарями, не только собственно орфоэпическими, но и толковыми и проч.; в некоторых таких случаях имеются и запретительные пометы).

Необходимо учитывать, что другой стороной отмеченного несоответствия (которое, увы, мы не будем подробно обсуждать в рамках настоящей работы, однако обязаны назвать) является расхождение лексикографических рекомендаций разных академических словарей *между собой*. Это противоречие крайне важно, т. к. приводит к следующей проблеме, которую невозможно игнорировать, а именно к проблеме *верификации результатов* различных экзаменов, содержащих задания из области орфоэпии (в том числе ЕГЭ и ОГЭ). При этом следует помнить, что для современных лексикографов, как и для их предшественников, зачастую крайне важным оказывается следование русской лексикографической традиции в целом, склонной к сознательному сдерживанию, ограничению вливания в словари новых нормативных вариантов.

Таким образом, при устранении указанных противоречий необходимо учитывать два вида расхождений:

- а) расхождения в орфоэпических рекомендациях в различных словарях;
- б) расхождение словарной информации с узусом говорящих на литературном языке.

Рассмотрим несколько таких случаев.

1. В современном русском литературном языке лексема *паж* в формах косвенных падежей ед. ч. и в подпарадигме мн. ч. имеет флексийное ударение, т. е. произносят ед. ч. *пажá*, *пажú*, мн. *пажí*, *пажéй* и проч. Такую рекомендацию дают собственно орфоэпические словари ([Касаткин (ред.) 2012], РСУ¹) и толковые словари (ТСРЯ под ред. Д. Н. Ушакова, МАС, БТС) и мн. др., к примеру:

¹ В статье используются следующие сокращения.

БОС — Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

БТС — Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.

МАС (Малый академический словарь) — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

РОС — Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020.

РСС — Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

РСУ — Зарва М. В. (ред.). Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имён. М.: ЭНАС, 2001.

ТСРЯ — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3: П — Ряшка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.

ШОС — Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

Табл. 1. Формы слова *паж* в словарях
Table 1. Forms of the word *page* in the dictionaries

Орфоэпические словари		Толковые словари		
БОС	РСУ	ТСРЯ	МАС	БТС
ПАЖ, пажá, мн. пажí, пажáм	паж, пажá, -óм; мн. пажí, -éй	паж, -á	паж, -á	ПАЖ, -á; мн. пажí, -éй

Аналогичную информацию дает Н. А. Еськова в Орфоэпическом словаре (ОС), приводя, однако, примеры форм с наосновным ударением, характерные для поэзии XIX в. [Еськова (ред.) 2015]. Ср.:

паж, пажá, мн. -í, -éй
18–19: ед. пáжа, -у, -ом, о пáже, мн. пáжи, -ей
 | И если уж дóлжно быть опыту снова,
 То рыцаря вышли, не пáжа младова. Жуковский, Кубок.

См. также [Еськова 2008: 96], где иллюстративный ряд шире.

Таким образом, на основании приведенных рекомендаций возможно понять, что большинство форм слова *паж* с флексийным ударением являются в современном языке единственно допустимыми, в то время как формы с корневым ударением господствовали в XVIII–XIX вв. При этом остается неясен статус корневых акцентуаций в наши дни, хотя тексты, о которых идет речь, широко известны читателю, относятся не только к указанному периоду, а проникают и в поэзию XX в., и входят в учебные программы по русской литературе, ср.:

И бросил графа нá двадцать шагов,
 Как маленького пáжа; как все дамы
 Привстали с мест, когда сама Клотильда,
 Закрыв лицо, невольно закричала...
 А. С. Пушкин. Скупой рыцарь (1830)

Однако если обратиться к данным НКРЯ (ruscorpora.ru), то мы сможем увидеть, что формы с флексийным ударением также были многочисленны в поэзии XIX в., причем формы мн. ч. получали такое ударение раньше и последовательнее форм ед. ч., ср.:

Пажá оттуда видит,
 Миронтон, миронтон, миронтень,
 Пажá оттуда видит,
 Он в черном весь одет.
 Н. В. Берг (1854)

* * *

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных **пажéй**,
Высокий идеал московских всех мужей.
А. С. Грибоедов. Горе от ума (1822–1824)

* * *

Ты шпорами звучишь,
Ерошишь свой тупе,
Пажáм подносишь шиш
И носишь портупей.
А. К. Толстой (1835–1840)

* * *

Стражи тут тревогу бьют,
Видно, как **пажй** в аркадах
С канделябрами бегут...
А. Н. Майков (1858–1859)

* * *

Мне как следует кади!
Эй, **пажй**, псари!
Мужиков травы, пори!
М. Л. Михайлов (1855–1862)

* * *

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись **пажй**, что стрелы,
И чрез миг его ведут.
А. Н. Майков (1866)

* * *

«Вот, — сказал он, — три вопроса:
Разрешешь — возьму в **пажй**!
А. Н. Майков (1866)

* * *

(Были тут и лицеисты,
И **пажй**, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et cetera.)
Н. А. Некрасов (1875)

Также любопытно, что формы с флексийным ударением полностью заместили наосновное лишь в середине XX в., а вплоть до 30-х гг. оба ва-

рианта существовали параллельно (в том числе в дискурсе одного и того же поэта, как, например, у М. И. Цветаевой), хотя акцент на флексии уже был преобладающим.

Ср. ударение на корне у поэтов нач. XX в.:

Он служит ей плененным **пáжем**,
Но гроб обятий невозможен;
На миг прильнула, обомлела...
Н. Д. Бурлюк (1910)

* * *

Вы родились певцом и **пáжем**
Я — с золотом в кудрях.
М. И. Цветаева (1913)

И, напротив, ударение на окончании в нач. XX в.:

Когда был жив мой старый дед,
Я был задумчивей **пажá**.
А. А. Блок (18.07.1903)

* * *

Но открыть ли, что нас свяжет,
Что **пажám** вас чтить прикажет
Королевами всего?
А. А. Блок (07.11.1905)

* * *

И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, **пажй**.
М. И. Цветаева (03.12.1911)

* * *

И вновь с заржавленным серпом
Старуха стала у крыльца,
Как встарь, когда я был **пажóm**
Без обручального кольца.
А. А. Блок (18.07.1903)

* * *

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого **пажá**.
Н. С. Гумилев (1916)

* * *

из гроба,
тише, чем мыши,
мундиры
пропив и прожив,
из гроба
выходят «бывшие»
сенаторы
и пажі.

В. В. Маяковский (1929)

Итак, несмотря на то, что в словарях формы лексемы *паж* с ударением на корне не обсуждаются нигде, кроме работ Н. А. Еськовой, кажется, что этого комментария недостаточно, т. к. из приведенной информации следует лишь, что ударение на основе было справедливо для XVIII–XIX вв., хотя приведенные примеры говорят, что в XIX в. и первой трети XX в. акцентуация таких форм была вариативной. Представляется, что рифмы и ударения, входящие в состав хрестоматийных текстов, не следует игнорировать, но не только! Они требуют более подробного комментария с указанием их статуса в современном русском языке, и характер такого комментария ни в коем случае не должен быть запретительным (к примеру, такие формы могли бы включаться в словари с пометой *допустимо устарелое (старш.)*, в поэтич. речи возможно устарелое (старш.) и проч.).

2. В словарях русского языка акцентуация падежей подпарадигмы мн. ч. лексемы *пан* расценивается неодинаково. Формы мн. ч. *паны*, *панов*, *панам* с ударением на корне в орфоэпических словарях обычно сопровождаются запретительными пометами (либо же варианты с ударением на флексии приводятся в качестве единственно возможных). В прочих словарях рекомендации менее категоричны, варианты *панов* и *панов* даются в качестве равноправных, либо наосновное окончание допускается как устарелое, ср.:

Табл. 2. Формы слова *пан* в словарях
Table 2. Forms of the word *pan* in the dictionaries

Орфоэпические словари				Прочие словари				
БОС	ОС	ШОС	РСУ	ТСРЯ	МАС	РСС	РОС	БТС
ПАН, па́на, мн. па́ны, па́нам (! не рек. па́ны, па́нам...)	пан, -а, мн. па́ны, -о́в ! не рек. мн. па́ны, -о́в	ПАН, па́на, мн. па́ны, па́нам ! неправ. па́ны, па́нам	пан,-а; мн. па́ны, -о́в	ПАН,-а, мн. ы́ (па́ны устар.)	ПАН,-а, мн. па́ны и па́ны	ПАН, -а, -а́, -о́в и (устар.) -ы́, -о́в	пан,-а, мн. па́ны, па́нов	ПАН,-а; мн. па́ны, -о́в и па́ны, -о́в

В книге, посвященной истории русского ударения, Н. А. Еськова комментирует наосновное ударение в подпарадигме мн. ч. для лексемы *пан* как устарелое, присущее поэтической речи в XIX в. [Еськова 2008: 96–97], и приводит ряд убедительных примеров, ср.:

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и **пáны** за него.
А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824–1825)

* * *

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских **пáнов** прямо
Шел в тайную палату короля.
А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824–1825)

* * *

«Изменник!» — звенели тюльпаны,
Надувшись, как важные **пáны**.
Л. Н. Трефолев (1866–1889)

При этом анализ данных НКРЯ (ruscorpora.ru) наглядно демонстрирует, что ударение на корне было не единственно возможным вариантом реализации для подпарадигмы мн. ч. у лексемы *пан* в XIX в., ср. многочисленные примеры:

Ты туфли обругал, а их бояря носят,
Бояря на тебя отмщения в том просят,
Бояря иль **паньí**. Зияет всякий пан,
Держа в руке большой венгерского стакан...
А. П. Сумароков (1757)

* * *

К концу приходит скоро перемирье,
Но Жигимонт и мы, **паньí**, хотим
Уже забыть вражду с Москвою.
А. К. Толстой. Царь Борис (1868–1869)

* * *

«Сорву!.. хоть с сатаной бороться я готов
«За огненный цветок! Сорву — и клад открою!
«И буду я богат... богаче всех **панóв!**
«И будет милая так счастлива со мною!..»
П. Д. Бутурлин (1880–1893)

Также любопытно, что ударение на основе в подобных случаях сохранялось и в поэзии XX в., ср.:

Наши братья
Шли в солдаты
Погибать за **па́нов**.
Г. Н. Оболдуев (1933)

Эй, товарищ,
С нами вдарись
Паненок и **па́нов**.
Г. Н. Оболдуев (1933)

Сейм точно улей гудит; на скамьях горделивые **па́ны**
Ссорятся, спорят и громко кричат, друг друга не слыша.
Б. А. Садовской (1918)

Данные фонетических экспериментов последнего времени подтверждают, что признание орфоэпическими словарями маргинальным корневого ударения в формах мн. ч. слова *пан* было преждевременным. В частности, к таким выводам приводит предпринятое недавно фонетическое исследование, целью которого было установление частотности выбора коренного либо флективного ударения в формах И. п., мн. ч. *паны* и Д. п., мн. ч. *панам* в речи литературно говорящих информантов. В эксперименте участвовали 120 респондентов-москвичей во втором или третьем поколении. Испытуемым предлагалось прочитать некоторые тексты большого объема (в контекст которых были включены интересующие нас слова, замаскированные таким образом, чтобы не привлекать к себе пристального внимания информантов). Информанты, как это принято в современной орфоэпической и социолингвистической практике, были разделены на три группы по возрастному критерию: старшую, среднюю и младшую. Сбор орфоэпического материала был осуществлен Е. С. Скачедубовой и Т. Н. Коробейниковой.

Результаты обработки экспериментальных данных продемонстрировали следующее, см. табл. № 3.

Поскольку в эксперименте были явно продемонстрированы узуальные предпочтения информантов, в подавляющем большинстве случаев во всех трех поколениях выбравших вариант с наосновным ударением в формах мн. ч. (*па́ны, па́нам*), и принимая во внимание, что, согласно современным орфоэпическим воззрениям, именно распространенность в речи образованных людей выделяется как один из важнейших признаков,

Табл. 3. Результаты эксперимента для форм мн. ч. *паны, панам*
Table 3. The results of the experiment for plural forms *pany, panam*

	Старш. гр.	Средн. гр.	Младш. гр.
па́ны па́ны́	80% 20%	90% 10%	100%
па́нам па́на́м	90% 10%	100%	90% 10%

необходимых для кодификации того или иного варианта [Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10], мы должны признать, что рекомендации, касающиеся выделенных форм, должны быть уточнены следующим образом:

а) необходимо возвращение форм мн. ч. *па́ны, па́нов, па́нам* и др. в специализированные орфоэпические словари без каких-либо запретительных помет;

б) статус этих форм должен быть отмечен как **предпочтительный** по сравнению с флексийным ударением мн. ч. *па́ны́, па́но́в, па́на́м*.

Таким образом, словарная статья должна содержать рекомендацию:

па́ны и па́ны́,

либо же:

па́ны и допуст. па́ны́.

3. У слова *партер* в значении ‘нижний этаж зрительного зала с местами для публики’ (или же примыкающем к нему, более старом значении ‘цветник, газон’ — в «Словаре русского языка XVIII века» [Сорокин (ред.) 2011] это значение стоит на первом месте) ударение падает на второй слог: *па́рте́р*.

В XX в. появляется третье значение, обычно сопровождающееся пометой *спорт.*, — ‘положение, когда борец лежит на ковре или, стоя на коленях, опирается на ковер руками’. Для всех трех значений в качестве нормативного указывается ударение на втором слоге, однако любопытно, что в орфоэпических словарях присутствуют и запретительные пометы разной степени категоричности, отвергающие произношение *па́ртер*. В БОС [Касаткин (ред.) 2018] такая форма имеет самую строгую запретительную помету *грубо неправ.* Ср.:

Табл. 4. Лексема *партер* в словарях
Table 4. The word *parterre* in the dictionaries

Орфоэпические словари				Прочие словари		
БОС	ОС	ШОС	РСУ	ТСРЯ	МАС	БТС
ПАРТЭ́Р , партэ́ра, мн. партэ́ры, партэ́рам (! грубо неправ. па́ртер...) \ \ пар[тэ́]р. ПАРТЭ́РНЫЙ (! грубо неправ. па́ртерный) \ \ пар[тэ́]рный.	партэ́р , -а [тэ́] ! неправ. па́ртер	ПАРТЭ́Р , партэ́ра ! неправ. па́ртер...	партэ́р [тэ́; не па́ртер] партэ́рный [тэ́; не па́р- терный]	ПАРТЭ́Р	ПАРТЭ́Р	ПАРТЭ́Р

Однако в специализированном спортивном дискурсе, в новостях спорта, в программах, посвященных единоборствам, а также в узусе литературно говорящих респондентов, имеющих отношение к профессиональному или любительскому спорту, вариант *па́ртер* в третьем значении ‘положение в борьбе’ произносится исключительно с ударением на первом слоге. Упоминание о подобной возможности автору исследования удалось найти только в Викисловаре (см. [Пример 1]).

Полностью подтвердили все сказанное выше результаты анкетирования, проведенного среди 24 информантов разного пола и возраста, владеющих литературным языком, чья деятельность так или иначе связана со спортом (преимущественно — с единоборствами). Среди респондентов не было ни одного, кто произнес бы в указанном значении слово *па́ртер* с ударением не на первом слоге. Эти данные подтверждаются многочисленными записями теле- и интернет-речи (выпуски новостей спорта на ТВ, см. [Пример 2], спортивные блоги, см. [Пример 3, 4]), в которой вариант *па́ртер*, *па́ртера*, *в па́ртере* встречается системно, вариант же, рекомендуемый словарями, встречается крайне редко и расценивается как чужеродный, ошибочный, принадлежащий человеку, не владеющему спортивной терминологией.

Таким образом, рекомендации в орфоэпических словарях должны быть уточнены, а именно:

- а) при описании акцентуации следует развести 1, 2 и 3 значения слова *партер*;
- б) при выделении 3-го значения снабдить его пометой *спорт*.
- в) для 3-го значения указать в качестве нормативного вариант ударения на первом слоге: *па́ртер*.

4. Итак, в свете всех приведенных выше сведений представляется важным:

1) устранить противоречия между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих, владеющих нормами русского литературного произношения; на это направлен ряд публикаций последнего времени, см. [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017; Антонова 2021; Каленчук, Савинов (ред.) 2021].

2) скорректировать орфоэпические рекомендации в словарях, дополнив их сведениями относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих текстах русской литературы XVIII–XX вв., широко известных читателям (так как очевидно, что некоторые подобные тексты могут оказывать большее влияние на орфоэпическую норму, чем прочие — таковы, к примеру, тексты А. С. Пушкина); также нельзя отрицать: пусть основная задача современного орфоэпического словаря — отражение *современной* нормы, но наличие исторического комментария с определением статуса каждого акцентного варианта следует считать скорее плюсом, нежели минусом;

3) отразить в словарях широко распространенные в узусе (к примеру, в профессиональной речи) орфоэпические варианты, по каким-либо причинам до сих пор не попавшие в поле зрения лексикографов.

При этом необходимо иметь в виду, что зачастую решение для каждой лексемы (а порой и для каждой словоформы) следует принимать с учетом индивидуальных научных изысканий.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.11.2022).

Пример 1. Викисловарь. <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D1%80>

Пример 2. Блог Дениса Зенкова. <https://www.youtube.com/watch?v=37VztXdp5H8&t=41s>

Пример 3. Новости спорта. <https://www.youtube.com/watch?v=xcbuWV6g7rQ&t=53s>

Пример 4. Блог Pride team. <https://www.youtube.com/watch?v=7YtzjXTrZY&t=10s>

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 704 с.

- Антонова О. В. Варианты акцентуации непроеизводных имен существительных ж. р. с основой на -а (-я) // Норма произношения в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2021. С. 26–57.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.11.2022).
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с. – С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.
- Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. Печатное издание. М.: ЭНАС, 2001. 596 с.
- Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении, № 2 (34). М., 2017. С. 9–28.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией д. ф. н. проф. М. Л. Каленчук, д. ф. н. проф. Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. 248 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. С.-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020. 896 с.
- Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 352 с.
- Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 18. (Открытие – Пена). СПб.: Наука, 2011. 261 с.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3: П – Ряшка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. 1424 стб.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

References

- Antonova O. V. [Variants of accentuation of non-derivative feminine nouns with a stem in -a (-ya)]. Pronunciation norm in usus and codification. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2021, pp. 26–57. (In Russ.)

- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015. 1007 p.
- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. III. P–R* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. III. P – R]. RAS, Institute of Linguistic Research. 4th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraphresursy Publ., 1999. 797 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 26.11.2022).
- Kalenchuk M. L. [Pronunciation norms in living speech and in dictionaries]. *Trudy Otdeleniya Istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2016, pp. 262–270. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (34). Moscow, 2017, pp. 9–28. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021. 248 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1008 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. Compiler S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Cheltsova L. K., Nechaeva I. V., Lopatin V. V. Ed. Lopatina V. V., Ivanova O. E. Moscow, AST-PRESS Publ., 2020. 896 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klas-sam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998.
- Skachedubova E. S. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. 9–11 klassy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. 9–11 grades]. Moscow, AST-Press SCHOOL Publ., 2020. 352 p.
- Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Ch. ed. by Yu. S. Sorokin. Issue 18. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 261 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 3*. [Explanatory dictionary of the Russian language. T. 3]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov Publ., 1940. 1424 col.
- Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie. Slovar' narisatel'nykh imen* [Russian verbal stress. Dictionary of common names]. Moscow, ENAS Publ., 2001. 596 p.

Зоологическая метафора в медицинской терминологии¹

Алексей Викторович Балахонов¹, Дмитрий Иванович Панков²,
Юрий Иванович Строев¹, Леонид Павлович Чурилов¹,
Санкт-Петербургский государственный университет¹, Институт лингвистических исследований РАН²
(Россия, Санкт-Петербург), Balakhonov@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170023734-6

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются названия животных, которые используются для характеристики человека в состоянии здоровья и болезни. Анализируются метафорические обозначения человека по его внешности, характеру и т. п., отраженные в словарях (ср.: *амеба*, *скорпион*, *тля* и т. п.), приводятся примеры устойчивых сравнений с использованием зоонимов (*впился как клещ*, *нем как рыба* и др.). Показано, что явление метафоризации и метонимического переноса значений общеупотребительных слов характерно для формирования терминов подъязыка медицины. Приведено несколько десятков примеров синдромов и симптомов заболеваний человека, объектов его морфологии, физиологии и патологии, в наименованиях которых используются названия животных — от стрекающих до млекопитающих (*бабочка митральная*, *рыбий рот*, *симптом лягушачьих лап* и др.).

Приведенные термины различны по своему происхождению, некоторые термины представляют собой кальку с греческого или латыни, ср.: **аракнодактилия** (греч. ἀράχνη — паук + δάκτυλος — палец) — «паучьи пальцы»; **гусиная лапка** (лат.: pes anserinus). Помимо современных терминов, даны также устаревшие названия болезней, ср.: **горловая жаба** (устар.) — ангина; **грудная жаба** (устар.) — стенокардия.

¹ Авторы выражают глубокую благодарность А. В. Занадворовой за высокопрофессиональное и доброжелательное редактирование нашей статьи, что позволило значительно улучшить авторское «медико-биологическое» изложение.

Полученные термины не содержат оценки человека (его личных качеств), объектом метафорического осмысления в подобных случаях выступает пораженная функциональная система организма (или орган). В этом отличие медицинской зооморфной метафоры от общеязыковой метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинская терминология, образные выражения, зоологические метафоры

для цитирования: Балахонов А. В., Панков Д. И., Строев Ю. И., Чурилов Л. П. Зоологическая метафора в медицинской терминологии // Русская речь. № 6. С. 22–37. DOI: 10.31857/S013161170023734-6.

Issues of Modern Russian Language

Zoological Metaphor in Medical Terminology

Alexei V. Balakhonov¹, Dmitrij I. Pankov², Yuri I. Stroev¹, Leonid P. Churilov¹,

¹Saint Petersburg State University, ²Institute for Linguistic Studies RAS (Russia, St. Petersburg),
Balakhonov@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses the animal names that are used to characterize a person in a state of health and illness. The paper analyzes metaphorical designations of a person by their appearance, character, etc., found in dictionaries (cf.: *amoeba*, *scorpion*, *aphid*, etc.), examples of stable comparisons gives using zoonyms (*stuck like a tick*, *dumb like a fish* and etc.). The article shows that the phenomenon of metaphORIZATION and metonymic transfer of the meanings of commonly used words is typical for the formation of terms in the sublanguage of medicine. We give numerous examples of syndromes and symptoms of human diseases, objects of its morphology, physiology and pathology where animal names are used — from cnidarians to mammals (*mitral butterfly*, *fish mouth*, *frog paw symptom*, etc.). The given terms are different in their origin, some terms are calqued from Greek or Latin, cf.: *arachno-dactyly* (Greek ἀράχνη — spider + δάκτυλος finger) — “spider fingers”; *goose*

foot (Latin: *pes anserinus*). In addition to modern terms, obsolete names of diseases are also given, cf.: *gorlovaya zhaba* ('toad throat') (obsolete) — tonsillitis; *grudnaya zhaba* ('cardiac angina') (obsolete) — angina pectoris. The resulting terms do not contain an assessment of a person (personal qualities), the object of metaphorical comprehension in such cases is the affected functional system of a body or an organ. This is the difference between a medical zoomorphic metaphor and a general language metaphor.

KEYWORDS: medical terminology, figurative expressions, zoological metaphors
FOR CITATION: Balakhonov A. V., Pankov D. I., Stroev Yu. I., Churilov L. P. Zoological Metaphor in Medical Terminology. *Russkaya Rech'*. No. 6. Pp. 22–37. DOI: 10.31857/S013161170023734-6.

В определенном смысле современный человек — *Homo sapiens* — это уникальный вид: речь, беспрецедентная пластичность поведения, прямохождение, очень большой мозг, технологические навыки, разнообразие социальных связей и т. д. Вместе с тем с чисто зоологической точки зрения происхождение человека — частный вопрос. По большому счету человек лишь один из 6–7 миллионов известных современной систематике видов животных, растений, грибов, эубактерий, архебактерий и цианобактерий. Говоря о нашем месте в природе, обратим внимание на то, что человек как биологический организм по эволюционной сути дела — животное. Поэтому неудивительно, что мы часто используем — как в быту, так и в медицине — слова, обозначающие какие-то особенности строения, повадок, качеств животных применительно к человеку, причем речь идет не только о приматах (которые, как ни странно, представлены в таких терминах очень бедно).

Многие зоологические метафоры уже вошли в язык и зафиксированы в толковых словарях, ср.: **Медведь**. (2. Разг. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке.); **Амёба**. (2. Разг. О безвольном, бесхарактерном человеке.); **Скорпион**. (2. Разг. Об очень злобном, ядовитом человеке); **Тля**. (2. Разг. О ничтожном, никчемном человеке.); **Червь**. (2. Разг. О жалком, ничтожном человеке (обычно униженно угождающем кому-л.)) [Кузнецов (ред.) 2004]. Они активно используются и в художественной литературе: *...не амёба, умеет добиваться чего надо* (Ю. М. Грачевский. Тюлений остров); *Не шофёр ты, а скорпион* (М. Л. Анчаров. МАЗ); *Ты ж жалеешь мне рубля, ах ты тля!* (В. С. Высоцкий. Лукоморья больше

нет); *Мухи не обидел, матушка: безвреден, яко червь пресмыкающийся...* (И. А. Гончаров. Обрыв).

Это характеристики человека, его психологического и соматического статуса, отличия от общепринятых манер поведения и проч.

Существует также много устойчивых словосочетаний, описывающих **внешность** человека: *соболиные брови, осиная талия, лошадиное лицо, рыбий (орлиный, волчий, бараний) взгляд; черты характера: ослиное упрямство, собачья преданность; особенности поведения: ходить гоголем, характеристики человеческих проявлений: звериная злоба, крокодиловы слезы, слоновья грация, муравьиное трудолюбие.*

Разумеется, это далеко не все названия животных, которые применяются к характеристике человека. Существует большое количество устойчивых сравнений, включающих в качестве образа сравнения название животного, например: *впился как клещ, голодный как собака, задирист как петух, как баран на новые ворота, нем как рыба, порхать как бабочка, слепой как крот.*

Также в литературном языке и разговорной речи широко используются глаголы, образованные от названий животных, которые по каким-либо признакам уподобляют поведение человека поведению соответствующих животных: *обезьяничать, собачиться, петушиться, свинячить* и др. Применительно к человеку в метафорическом значении употребляются и глаголы, описывающие характерные звуки, которые издают животные: *бекать, мекать, ворковать, гоготать, лаяться, кудахтать, куковать* и др., см., например: [Крысин (ред.) 2014; 2017; 2019; 2021].

Немаловажно то, что в период бурного развития европейской научной медицины, в XVII–XIX столетиях, когда формировалась основа современной медицинской терминологии, вплоть до первой четверти XX века врачи обучались исключительно в классических университетах и получали в изобилии фундаментальные знания по зоологии, занимаясь ею практически. Так, врач Н. Ф. Кашенко (1855–1935) внес крупный вклад в палеонтологию и 23 года руководил в Императорском Томском университете зоологической кафедрой. В честь него назван вид лесостепного сурка *Marmota baibacina kastschenkoi*. Ряд открытий новых видов и даже родов в зоологии беспозвоночных совершили медики, например, терапевт У. Ослер (1849–1919) и патолог П. Лангерганс (1847–1888). Профилирование медицинского образования и его выход за пределы классических университетов начались лишь в 1920-х годах, и то не во всех странах создание «отдельно стоящих» медвузов стало господствующей тенденцией. Там, где это произошло, зоологическая подготовка врачей, увы, свелась лишь к изучению ими основ паразитологии. Соответственно, и пристрастие классиков медицины прошлого к «зоотерминам» у современных врачей ослабло.

Заметим, что в русском медицинском подязыке среди приведенных ниже названий симптомов встречаются как заимствования-кальки с других языков (более старые названия с латинского, греческого или немецкого, для XX века характерны английские кальки), так и собственно русские (см. далее).

Явление метафоризации и метонимического переноса значений общеупотребительных слов характерно для формирования терминов языка науки. Используются они и в медицине. Как пишет А. А. Шарапа, полученные термины не содержат оценки человека (его личных качеств), объектом метафорического осмысления в подобных случаях выступает пораженная функциональная система организма (или орган) (см. [Шарапа 2007]). В этом отличие медицинской зооморфной метафоры от общеязыковой метафоры.

В лингвистических исследованиях представлены универсальные категории, порождающие метафоры. Исследователями выделяются биоморфные, (ботанические, зооморфные, антропоморфные), социоморфные, географические (пространственные), метеорологические, онтологические и др.

Метафоры, участвующие в терминообразовании, исследователи классифицируют на следующие типы: номинативные и предикативные, эпифоры и диафоры, дидактические, идентифицирующие и открывающие типы метафор, которые основываются на более узкой классификации по внешнему сходству и функции» [Шарапа 2007; 39]. При этом необходимо отметить, что различные ученые могут относить одни и те же метафоры к разным типам.

Мы относим медицинские метафоры к образной номинации. Метафорические переносы в подязыке медицины осуществляются в определенном направлении от одной семантической сферы к другой. В данном случае перенос из сферы «животное» направлен на сферу «человек». Такой перенос является одним из регулярных типов метафорических переносов в языке.

Названия болезней, синдромов, симптомов и проч., приводимые в этой статье, мы взяли из собственного клинического опыта, подсказок коллег, нескольких монографий: [Балахонов 2001; Лазюк (ред.) 1991], словарей медицинских и биологических терминов: [Балахонов 2017; Бородулин (ред.) 2022; Мчедлидзе 2007; Федоров 2007; Чурилов Л. П., Колобов А. В., Строев Ю. И. (ред.) 2010], а также лингвистических работ [Телия 1988; Гринев-Гриневич 2008; Нугуманова 2008].

Мы не рассматриваем огромное количество названий форм патологии, данных по их возбудителям (напр., названия различных гельминтозов, протозойных инфекций и проч.), — мы использовали только образные выражения. В основе большинства приведенных терминов лежит метафора

(часто метонимия (орган — болезнь)). Не все указанные нами выражения с лингвистической точки зрения являются метафорами (некоторые термины являются заимствованиями из греческого и латинского языков — и это еще один способ появления таких терминов), но все же мы считаем уместным привести их в общем списке.

Сведения об авторах «зоомедицинских» названий часто просто неизвестны или противоречивы, поэтому мы, за редкими исключениями, не указываем авторов термина.

Ниже представлена зоомедицинская терминология, сгруппированная по таксономическому принципу.

СТРЕКАЮЩИЕ (CNIDARIA)

Голова медузы (caput Medusae) — расширение подкожных вен в области пупка при циррозе печени.

Полипсы (др.-греч. πολύποδες — многоногий) — различные по происхождению аномальные разрастания тканей в виде ворсинчатых или грибовидных образований, чаще на слизистых оболочках.

Коралловый камень — монолитный камень в почке, слепком повторяющий ее полостное строение.

ЧЕРВИ (VERMES)

Мы понимаем, что в современной систематике такой таксономической единицы нет, но во времена формирования научной медицины она существовала, поэтому ничего более точного здесь мы предложить не можем.

Червячка симптом — плотность и извилистость артерии при ее атеросклеротическом поражении, определяемая при пальпации.

МОЛЛЮСКИ (MOLLUSCA)

Кохлеарный (греч. kochlos — улитка) — относящийся к улитке внутреннего уха.

Контагиозный моллюск (лат. molluscum contagiosum) — вызываемое поксвирусами MCV I-IV (преимущественно — у детей и подростков) заболевание кожи с образованием розоватых поверхностных узелков с вдавленным центром, нередко имеющим перламутровый (как раковины моллюсков) отлив.

Улитки форма — на рентгенограмме: вид язвы желудка при ее рубцевании.

ЧЛЕНИСТОНОГИЕ (ARTHROPODA)

Паукообразные (Arachnida)

Арахнодактилия (греч. ἀράχνη — паук + δάκτυλος — палец) — «паучьи пальцы», аномалия развития при синдроме Марфана, марфаноидном фенотипе, гомоцистинурии: удлинение и утончение пальцев рук и ног.

Арахноидит (греч. ἀράχνη — паук + ...itis — часть сложных слов, обозначающая воспалительный процесс) — воспаление мягких мозговых оболочек головного или спинного мозга с преимущественным поражением паутинной оболочки.

Паутинки симптом — просвечивающие сквозь кожу лица расширенные капилляры, имеющие вид звездочки или паутинки.

Насекомые (Insecta)

Бабочка митральная — напоминающий по форме летящую бабочку цианоз на спинке носа и щеках при белом носогубном треугольнике; типично для митрального порока (митральное лицо — *facies mitralis*).

Бабочки позвонок — аномалия развития: передняя или задняя расщелина позвонка; возникает вследствие недостаточного слияния центров отдельных окостенений.

Бабочки симптом — эритема на спинке носа, скулах и щеках, по очертаниям напоминающая бабочку; характерна для красной волчанки.

Бабочки синдром, ребёнок-бабочка (буллезный эпидермолиз) — кожа у больных детей от рождения нежная и хрупкая, как крылья бабочки, повреждается от любого прикосновения с образованием болезненных пузырей.

Изъеденный молью — вид черепа при очаговом остеопорозе на рентгенограмме (сопровождает гиперпаратироз — болезнь Реклингхаузена, а также миеломную болезнь — болезнь Рустицкого — Калера); также этой метафорой пользуются для обозначения вида печени на рентгенограмме при обширных и сливающихся метастазах.

Пчелиные соты — вид костей черепа на рентгенограмме при гиперпаратирозе; также вид микропрепарата легких при отеке легких, когда трансудат в альвеолах располагается вдоль стенок легочных пузырьков, придавая им «граненый» вид.

Пчелиных сот симптом — полосы неправильной формы в фиброзном слое барабанной перепонки, образующие ячейки; возможно, признак отосклероза.

Ракообразные (Crustacea)

Рак (карцинома) — злокачественная опухоль эпителиальной ткани; термин «карцинома» (греч. *καρκίος* краб, рак + ...-ωμα — окончание в названии опухолей) для опухоли ввел Гиппократ, потому что она внешне напоминает краба из-за наличия выростов, направленных в разные стороны.

Раковый пупок — складки париетальной плевры с втяжением в центре при солитарных новообразованиях в легких.

ИГЛОКОЖИЕ (ECHINODERMATA)

Эхиноциты — эритроциты шиповатой формы.

ХОРДОВЫЕ (CHORDATA)

Оболочники (Tunicata) — в нашем списке не представлены (что совсем неудивительно — скорее всего, большинству врачей с ними не приходилось сталкиваться). Бесчерепные (Acrania) тоже не отметились каким-либо симптомом, зато сами позаимствовали название из медицины: так, Европейский ланцетник (*Branchiostoma lanceolatum*) формой тела похож на ланцет — хирургический инструмент с обоюдоострым лезвием.

Позвоночные

Круглоротые (Cyclostomata)

Ничем себя в медицинской терминологии не проявили.

Рыбы (Pisces) — Хрящевые (Chondrichthyes) и Костные (Osteichthyes)

Ихтиоз (греч. ἰχθύς — рыба + ...osis — часть сложных слов, обозначающая процесс или его результат) — разновидность кератоза, характеризующаяся поражением обширных участков кожного покрова в виде чешуек сероватого цвета.

Рыбий рот — 1) форма губ при приступе тетании; 2) воронкообразное сужение митрального клапана при ревматизме; 3) суженное ротовое отверстие при склеродермии.

Рыбье лицо (faciem piscaria) — аномалия развития: лицо с резко суженным ротовым отверстием (при ихтиозе, эксфолиативном дерматите Риттера).

Рыбьи позвонки — остеопороз при синдроме Иценко — Кушинга.

Угри — воспалительное кожное заболевание с закупоркой волосяных фолликулов и их инфицированием, название связано с угреподобным видом выделений при выдавливании содержимого фолликула.

Земноводные (Amphibia)

Брюшная жаба (устар.) — приступы болей в животе, обусловленные дискинезией кишечника.

Горловая жаба (устар.) — ангина.

Грудная жаба (устар.) — стенокардия.

Лягушачьих лап симптом (симптомы Волковича, описаны отечественным хирургом Н. М. Волковичем (1858–1928) — 1) вынужденное положение больного на спине с разведенными и согнутыми ногами при симфизите или переломе переднего отдела таза; 2) атрофия или атония мышц правой половины живота, наблюдаемые при хроническом аппендиците.

Лягушачий живот — распластанный живот при гипотонии брюшных мышц, асците, у детей первого года жизни — при рахите.

Лягушки поза — патологическая поза новорожденного при глубокой недоношенности.

Финляндская жаба (ангина Симановского — Плаута — Венсана) — ангина с поверхностными язвами миндалин, покрытыми грязно-зеленым налетом с гнилостным запахом.

Пресмыкающиеся (Reptilia)

Аспидная кожа (некоторые аспидные змеи — Elapidae — имеют на теле рисунок, состоящий из чередования красных, желтых, черных колец) — ворсинчатые и бородавчатые разрастания кожи аспидно-черного цвета при гемохроматозе (нарушениях обмена железа), аргирозе (возникающем в результате продолжительного контакта с соединениями серебра).

Головы кобры симптом — овальное расширение конечного отдела мочеоточника, по очертаниям напоминающее голову кобры.

Крокодиловых слёз синдром — признак поражения лицевого нерва: слёзотечение во время еды на стороне поражения.

Панцирное сердце — обызвествлённые спайки между листками перикарда.

Шея черепахи — неповоротливая шея при гипотирозе, микседеме.

Птицы (Aves)

Гусиная кожа — пилomotorный рефлекс.

Гусиная лапка (лат.: pes anserinus) — сращение сухожилий портняжной, полусухожильной и тонкой мышц бедра.

Гусиная печень — вид печени при ее стеатозе (ожирении); название дано по аналогии с видом этого органа у гусей, которых откармливают для приготовления из их печени деликатеса французской кухни — паштета foie gras (франц.: жирная печень); гуси эти в действительности представляют модель данного заболевания.

Журавлиный клик — звуковой феномен при выслушивании сердца с пролапсом митрального клапана.

Зоб — выраженное стойкое увеличение щитовидной железы в виде припухлости на передней поверхности шеи, сопровождающееся расстройством ее функции и нередко — нарушениями обмена веществ и общего состояния организма.

Клювовидный таз — выявляемое рентгенографически обезображивание таза при болезни Реклингхаузена.

Крыловидная шея — боковые кожные складки на шее при синдроме Шерешевского-Тернера (моносомии по X-хромосоме).

Крыловидные лопатки — наблюдаются при миопатиях вследствие слабости спинных мышц, например, при астенической форме грудной клетки.

Куриная грудь (лат. pectus carinatum) — сильное килевидное выступание реберных хрящей вместе с грудиной при узкой груди, боковые части грудной клетки при этом корытообразно втянуты.

Куриная лапка — деформация кисти при утолщении ладонного апоневроза со сгибательной контрактурой пальцев (контрактурой Дюпюитрена).

Куриная слепота — нарушение сумеречного зрения при авитаминозе А или заболевании сетчатой оболочки глаза либо зрительного нерва (у кур и некоторых других дневных птиц отсутствует сумеречное зрение).

Петушинная походка — симптом позднего сифилиса с поражением спинного мозга.

Перепелки симптом — признак, выявляемый при аускультации (выслушивании звуков) больных с митральным пороком; напоминает ритм пения перепела.

Птеригиум (крыловидная плева) (греч. pterygion — похожее на крыло) — разросшаяся крыловидная складка кожи или конъюнктивы.

Птичьи глазки — дерматоз в виде небольших округлых язв на пальцах рук у лиц, работающих со щелочами, кислотами.

Птицеголовые карлики — характерный внешний вид пациентов с карликовостью при синдроме Секкеля и Геллермана — Штрейффа.

Совиный глаз — ацидофильные включения, состоящие из вирионов, в клетках при цитомегаловирусной инфекции.

Утиная походка — походка вперевалку, типичная при гиперпаратирозе.

Утка сидячая — рентгенологическая тень сердца при аортальном пороке; напоминает сидячую утку.

Шея лебедя — деформация пальцев рук при ревматоидном артрите.

Шпора — разрастание костной ткани на нижней или задней поверхности пяточной кости.

Млекопитающие (Mammalia)

Сумчатые (Marsupialia)

Кенгуру метод (метод кожа к коже) — техника выхаживания, практикуемая при преждевременных родах, в которой ребенок находится кожа к коже со взрослым.

Плацентарные (Placentalia)

Буйволиный (бычий) горбик — один из признаков болезни Иценко — Кушинга (адренокортикотропиномы гипофиза), надшейные скопления жировой ткани в затылочной области.

Булимия (греч. βούς — бык + λιμός — голод) — «бычий голод», патологическое чувство голода; наблюдается при гиперинсулизме, поражениях головного мозга. Ср.: «волчий голод» в бытовой речи.

Бычье сердце (cor bovinum) — увеличенное сердце при амилоидозе сердечной мышцы, при сложном аортально-митральном пороке.

Волчанка (системная красная волчанка) (Lupus erythematosus, лат. Lupus — волк) — системное аутоиммунное заболевание с неорганоспеци-

фическими аутоантителами; один из характерных признаков — лицевая сыпь, которая напомнила автору термина, итальянскому хирургу Роджеро деи Фругарди (ранее 1140 — ок. 1195) следы волчьих укусов.

Загнанной собаки дыхание — (тахипноз, дыхание Корригана) — поверхностное и частое дыхание при рестриктивной вентиляционной дыхательной недостаточности, напр., при крупозной пневмонии.

Заячья губа — одно- или двусторонняя расщелина верхней губы.

Звериный вид — выражение лица при выраженном гипотирозе.

Конская стопа — 1) симптом тетании; положение стопы при судороге нижних конечностей; 2) недоразвитие костей плюсны и фаланг пальцев стопы.

Конского хвоста синдром — сочетание асимметричных параличей стоп, отсутствия ахилловых рефлексов и болей в области ног и промежности с нарушением функции тазовых органов; вызывается поражением корешков спинного мозга, расположенных в зоне поясницы и названных конским хвостом из-за внешнего с ним сходства.

Кошачье мурлыканье — пальпаторный феномен дрожания в области сердца при стенозе устья аорты или устья легочной артерии.

Кошачьего зрачка симптом (симптом Белоглазова) — приобретение зрачком овальной формы при сдавливании с боков глазного яблока через 10–15 минут после биологической смерти (описан в 1903 г. М. М. Белоглазовым).

Кошачьего крика синдром (синдром Лежбена) — частичная делеция короткого плеча 5-й хромосомы; проявляется комплексом симптомов, включая своеобразный, из-за недоразвития гортани и нижней челюсти, крик новорождённых детей (описан в 1963 г. французским педиатром и генетиком Ж. Лежбеном).

Кошачьего писка симптом — при респираторном дистресс-синдроме у недоношенных детей.

Кошачьей когтистой лапки симптом — возникает при повышении тонуса разгибателей рук у новорожденных при поражении ЦНС.

Кошачьих царапин болезнь — инфекционный доброкачественный лимфоретикулёз, заражение происходит при попадании бактерии *Bartonella henselae* с выделениями кошек на царапину или место укуса; также переносится кошачьими блохами.

Кролика гормон — гормон адреналин; термин предложил американский патофизиолог У. Б. Кеннон (1871–1945) в связи с индукцией адреналином чувства страха.

Лающий кашель — сухой кашель, который проявляется резко и напоминает звук лая; указывает на прогрессирование воспаления рядом с голосовой щелью.

Легавой собаки поза — больной лежит на боку с согнутыми и приведенными к животу ногами; характерна для острого периода менингита.

Леопарда синдром — высыпание мелких круглых, черных и коричневых пигментных пятен на коже (кроме лица) у больных со стенозом легочной артерии.

Леопардовой шкуры симптом — множественная синячковая и мелкоточечная геморрагическая сыпь при нарушениях количества и функций тромбоцитов.

Льва гормон — гормон норадреналин; название дано У. Б. Кенноном (см. выше), ввиду провокации норадреналином гнева и ярости.

Львиное лицо — искажение черт лица и нарушение мимики из-за утолщения кожи и образования в ней гранулём при проказе.

Макаки ушная раковина — аномалия развития: утолщение и деформация нисходящей части завитка, свободный край которой не сформирован; нисходящая часть завитка образует обращенный кзади угол.

Медвежья болезнь — послабление кишечника при испуге, страхе, стрессе (подобно медведю, опорожняющему кишечник для отпугивания врага).

Морской свинки лицо — характерная внешность людей, перенесших глубокие ожоги лицевой области; в Великобритании существует сообщество пациентов, перенесших ожоги лица, под названием «Клуб морских свинок».

Мышиный запах (запах волка) — запах мочи или пота у новорождённого при фенилкетонурии из-за выделения производных фенилпировиноградной кислоты.

Мышь суставная — появление в полости сустава свободно располагающихся образований (например, обломков) из костной, костно-хрящевой или хрящевой ткани.

Обезьянней кисти симптом — приведение большого пальца к ладонной поверхности при поражении ЦНС у новорожденных.

Обезьянья оспа — зоонозное инфекционное заболевание, вызываемое ортопоксвирусом, передается от животных к человеку. Термин стал крайне популярен в mass media в 2022 г. и вызвал дискуссии об уместности стигматизации больных подобным зооморфным названием недуга.

Обезьянья складка — поперечная кожная складка на ладони при синдроме Дауна.

Овечий кал — вид испражнений при спастическом колите, при язвенной болезни двенадцатиперстной кишки.

Поросычьи глаза — типичное выражение и внешний вид пациентов при спорадическом раннем (врожденном) кретинизме (болезни Фатге).

Походка гиппопотама — тяжеловесная походка при микседеме.

Ритм галопа — различные формы экстратонов (дополнительных тонов) сердца, выявляемые при аускультации; встречается при некоторых поражениях миокарда и клапанов сердца.

Свинка (эпидемический паротит) — инфекционное заболевание, вызываемое парамиксовирусом MuV: формируются воспаление и отек околоушных слюнных желёз, при сильном увеличении которых лицо становится шире и напоминает мордочку поросенка.

Сиреномелия (синдром русалки) (Sirenia — отряд водных млекопитающих + греч. melos — конечность, часть тела) — аномалия развития в виде сращения нижних конечностей.

Слоновая болезнь (слоновость, элфантиаз) — значительное увеличение объема нижних конечностей (иногда также мошонки и половых губ), обусловленное стойким лимфостазом; характерно для паразитарного заболевания филяриатоза, наблюдается также при наследственном синдроме Нонне — Милроя — Мейге.

Собачья лихорадка — лептоспироз, вызываемый возбудителем *Leptospira canicola*.

Сучье вымя — гидроаденит апокринных потовых желез, обычно в аксиллярной области (зоне подмышечной впадины).

Тигровое сердце (лат.: cor tigrinum) — жировая дистрофия миокарда при дифтерии и митохондриальных формах кардиомиопатий; на разрезе сердца при этом под эндокардом видны тонкие желто-белые полосы, напоминающие тигровую шкуру.

Тюленьих ластов симптом — Z-образная деформация кистей при ревматоидном артрите.

Фокомелия (φόκη — тюлень + греч. μέλος — конечность, часть тела) — аномалия развития: отсутствие или значительное недоразвитие проксимальных отделов конечностей, вследствие чего стопы и (или) кисти кажутся прикрепленными непосредственно к туловищу.

Хоботка синдром — тоническое сокращение мышц вокруг рта, при котором губы постоянно вытянуты вперед.

Хрюкающий выдох — экспираторные шумы при дыхательных расстройствах у новорожденных.

Не правда ли, в тезаурусе медиков имеются замечательные, образные, точные термины, по которым можно понять и запомнить важный диагностический признак при той или иной форме патологии!

Удивительно, но в образных названиях болезней практически не представлены какие-либо черви (только упомянутый симптом червячка). Их можно обнаружить лишь среди терминов нормальной анатомии: это всем известный **червеобразный отросток** (аппендикс) и мало кому

известный в немедицинском мире **червь мозжечка** (*vermis cerebelli*, часто сокращенно называемый просто *vermis*). Есть еще червеобразные мышцы (*musculi lumbricales*) — по четыре в каждой кисти и стопе. И все! Почему всем известные черви остались вне внимания врачей? Возможно, это связано с тем, что существует огромное количество паразитарных заболеваний — гельминтозов, которые получают название по виду или роду конкретного паразитического червя, поэтому на «червячную» образность симптомов иных заболеваний у врачей уже не остается воображения.

Однако есть и названия, которые вызывают удивление. Так, например, кошачьим ухом оториноларингологи иногда называют ушную раковину, в которой ее верхняя часть отогнута и свешивается в форме складки, закрывая латеральную поверхность раковины. Но практически у всех кошек уши совсем не такие.

Пожалуй, название такой врожденной аномалии, вызванной частичной трисомией хромосомы 22, как синдром кошачьего глаза (кошачьих зрачков), тоже не самое удачное: один из признаков аномалии — отсутствие части глазной оболочки (колобома) — для кошек совсем нехарактерен. К тому же отметим, что у больных людей с этим синдромом колобома встречается лишь в половине случаев. Да и путаница возникает, ибо в судебной медицине и реаниматологии давно и широко известен симптом кошачьего глаза (см. выше), связанный с диагностикой биологической смерти.

Не повезло и волкам. При остеохондрозе шейного отдела иногда говорят о волчьей шее: чтобы посмотреть направо или налево, человеку нужно развернуться всем телом; дескать, у волка шея тоже якобы не поворачивается и он разворачивает весь корпус, чтобы посмотреть вбок. Сложно сказать, откуда пошло это выражение, но убедиться в том, что шея у волка поворачивается, теперь может каждый, найдя соответствующие картинки и видеофильмы в интернете. Аналогичная ситуация и с волчьей пастью — расщелиной нёба. У волка нет расщепления нёба.

Заметим, что в русском медицинском подъязыке приведенные выше симптомы — стилистически нейтральны, общеупотребительны (нередко они на равных правах функционируют с другими названиями без зоонимных компонентов, обычно латинскими), как правило — однозначны и понятны всем врачам. Отнесение их, например, к медицинскому жаргону было бы неправомерным.

Кто же стал «чемпионом» по частоте упоминаний? Если брать крупные таксономические единицы, то это млекопитающие, птицы и членистоногие, что, впрочем, неудивительно — эти группы животных и их особенности знают даже люди, далекие от зоологии. Если спуститься на уровень ниже и сравнивать упоминание родов и видов, то здесь лидируют кошки.

Главное, что наблюдательность и знание особенностей строения и поведения очень многих животных делают честь врачам, с чем зоологи и филологи не могут не согласиться!

Литература

- Балахонов А. В.* Ошибки развития. Изд. 2-е, перераб. и дополн. СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2001. 288 с.
- Балахонов А. В.* Большой толковый словарь биологических терминов (с включением основных медицинских терминов). СПб.: ООО «Контраст», 2017. 912 с.
- Бородулин В. И.* (ред.). Медицинский энциклопедический словарь. М.: Оникс 21 век, 2002. 704 с.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 146 с.
- Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
- Крысин Л. П.* (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–4. М.: Издательский Дом ЯСК, 2014; 2017; 2019; 2021.
- Кузнецов С. А.* (ред.). Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
- Лазюк Г. И.* (ред.). Тератология человека. М.: Медицина, 1991. 480 с.
- Мчедлидзе Т. П.* Оториноларингологический словарь. СПб.: Диалект, 2007. 504 с.
- Нугуманова А. А.* К вопросу о происхождении метафор. Вестник Башкирск. ун-та, 2008; 13 (2). С. 286–289.
- Телия В. Н.* Вторичная номинации и ее виды // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988, с. 202.
- Федоров В. Д.* (сост.). Большой словарь медицинских терминов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 959 с.
- Чурилов Л. П., Колобов А. В., Строев Ю. И.* (ред.). Толковый словарь избранных медицинских терминов (эпонимы и образные выражения). СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2010. 336 с.
- Шарапа А. А.* Метафоризация как разновидность семантического образования медицинских терминов // Тезисы доклада на Международной научно-практической конференции «Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития». Минск, БГМУ, 2007. С. 39–42.

References

- Balakhonov A. V. *Oshibki razvitya* [Errors of development]. 2nd edition, amended. St. Petersburg, ELBI-SPb Publishers, 2001. 288 p.

- Balakhonov A.V. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' biologicheskikh terminov (s vklyucheniem osnovnykh medicinskih terminov)* [Gross explanatory dictionary of biological terms (including basic medical terms)]. St. Petersburg: Kontrast Ltd Publisher, 2017. 912 p.
- Borodulin V. I. (ed.). *Medicinskii enciklopedicheskii slovar'* [Medical encyclopedic dictionary]. Moscow, Oniks 21 Vek Publisher, 2002. 704 p.
- Churilov L. P., Kolobov A. V., Stroev Yu. I. (eds). *Tolkovyi slovar' izbrannykh medicinskih terminov (eponimy i obraznye vyrazheniya)* [Explanatory dictionary of selected medical terms (eponyms and figurative expressions)]. St. Petersburg, ELBI-SPb Publishers, 2010. 336 p.
- Fedorov V. D. (ed.). *Bol'shoi slovar' medicinskih terminov* [Gross dictionary of medical terms]. Moscow, ZAO Centrpoligraf Publisher, 2007. 959 p.
- Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Izd. centr Akademiya, 2008. 304 p.
- Lazyuk G. I. (ed.). *Teratologiya cheloveka* [Human Teratology]. Moscow, Meditsina Publishers, 1991. 480 p.
- Mchedlidze T. P. *Otorinolaringologicheskii slovar'* [Otorhinolaryngological dictionary]. St. Petersburg, Dialekt Publishers, 2007. 504 p.
- Nugumanova A. A. *K voprosu o proishozhdenii metafor* [To the question of the origin of metaphors]. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2008, 13 (2), pp. 286–289.
- Sharapa A. A. [Metaphorization as a kind of semantic education of medical terms]. Abstracts of the report at the International Scientific and Practical Conference “Technologies for teaching Russian as a foreign language and diagnostics of speech development”. Minsk, BSMU, 2007, pp. 39–42.
- Teliya V. N. [Secondary nomination and its types]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 202 p.
- Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Goslitzdat Publishers, 1940. 146 p.

Семантика русского слова *туда-сюда*: корпусное исследование

Аркадий Леонидович Голованевский¹, Наталья Викторовна Трошина²,
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (Россия, Брянск),
golovanevski@mail.ru¹, natalya_troshina@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170023735-7

АННОТАЦИЯ: В статье на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) анализируется семантика русского дейктического наречия *туда-сюда*. Семантическая структура слова, по данным толковых словарей, включает три блока значений: первый — локативные значения, второй — значения образа действия, третий — значения *туда-сюда* в роли сказуемого. Наблюдение над языковым материалом из НКРЯ выявило не зафиксированные словарями значения исследуемого слова. Так, локативное значение динамического спектра может замещаться статическим при выражении словом *туда-сюда* значения ‘в разных местах’; в роли предиката *туда-сюда* может сближаться с *так себе* или выступать эвфемизмом, замещающим табуированный глагол; а спектр значений образа действия расширяется за счет смыслов ‘беспорядочно, без разбору’, ‘безбедно’, ‘полностью, целиком’. В проанализированном корпусе текстов выявлены у слова *туда-сюда* значение маркера-аппроксиматора (заменителя всего перечисления или его части), а также временное и дискурсивное значения. Показано, что в случае субстантивации наречие *туда-сюда* отражает включение в речь говорящего элементов чужой речи или выступает номинацией, конденсирующей смысл контекста. При анализе семантики слова *туда-сюда* выявлены типичные контексты употребления, в которых реализуются указанные смыслы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *туда-сюда*, наречие, Национальный корпус русского языка, семантика, русский язык, полисемия

для цитирования: Голованевский А. Л., Трошина Н. В. Семантика русского слова *туда-сюда*: корпусное исследование // Русская речь. 2022. № 6. С. 38–49. DOI: 10.31857/S013161170023735-7.

Issues of Modern Russian Language

The Semantics of the Russian Word *Tuda-Syuda*: A Corpus-Based Research

Arkadij L. Golovanevskij¹, Natalya V. Troshina², Bryansk State Academician I. G. Petrovski
University (Russia, Bryansk), golovanevski@mail.ru¹, natalya_troshina@mail.ru²

ABSTRACT: The article analyzes the semantics of the Russian deictic adverb *tuda-syuda* as exemplified in the main sub-corpus of the Russian National Corpus (RNC). According to explanatory dictionaries, the semantic structure of the word includes three clusters of meanings: the first one is locative meanings, the second one is the meanings of manner, the third one is the meanings of *tuda-syuda* as a predicate. Observations on the language material from the RNC have revealed the meanings of the word under analysis that are not recorded by the dictionaries. So, the locative meaning of the dynamic spectrum can be replaced by the static one when the word *tuda-syuda* expresses the meaning ‘in different places’; acting as a predicate, *tuda-syuda* can be close in meaning to *tak sebe* or function as a euphemism replacing a taboo verb. The range of the meanings of manner expands due to the meanings ‘randomly, without discrimination’, ‘fairly well-to-do’, ‘completely, entirely’. In the body of the analyzed texts the word *tuda-syuda* reveals a meaning of an approximation marker (a substitute for the entire enumeration or its part), as well as a temporary and a discursive meaning. It is shown that in the case of substantivisation the adverb *tuda-syuda* reflects the inclusion of elements of somebody else’s speech into the speaker’s or acts as a nomination that condenses the meaning of the context. The analysis of the semantics of the word *tuda-syuda* has revealed typical contexts in which these meanings are realized.

KEYWORDS: *tuda-syuda*, adverb, the Russian National Corpus, semantics, the Russian language, polisemy

FOR CITATION: Golovanevskij A. L., Troshina N. V. The Semantics of the Russian Word *Tuda-Syuda*: A Corpus-Based Research. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 38–49. DOI: 10.31857/S013161170023735-7.

Русское наречие *туда-сюда* занимает особое место в системе дейктических пространственных наречий. Будучи композитным образованием, оно синтезирует в своей семантической структуре значения, присущие словам, его составляющим. Но спектр значений *туда-сюда* выходит далеко за рамки локативных смыслов.

По данным толковых словарей русского языка [Евгеньева (ред.) 1988; Кузнецов (ред.) 1998; Чернышев (гл. ред.) 1963; Ожегов, Шведова 1998], у слова *туда-сюда*, имеющего разговорный характер, отмечается три блока значений:

1. Локативные значения: а) 'в ту и другую сторону, в разные места, стороны'; б) 'в одном направлении и обратно'.

2. В значении сказуемого: а) значение 'поступать так или иначе, таким или иным образом, по-всякому', указанное в [Чернышев (гл. ред.) 1963], конкретизируется в [Евгеньева (ред.) 1988] — 'о том, кто пытается говорить что-л., убедить кого-л. и т. п.'; б) 'более или менее сносно'; в контексте устойчивого сочетания «ещё туда-сюда» реализуется значение 'еще ничего, можно вынести, вытерпеть' (как вариант — 'ничего, согдится, сойдёт').

3. Значения образа действия: а) 'более или менее сносно'; б) 'так и этак, так и сяк' — данное значение отмечено в [Чернышев (гл. ред.) 1963] у слова *туда-сюда* и синонимичных ему *туда, сюда; и туда и сюда*.

Анализ семантики *туда-сюда* в предложениях из основного корпуса НКРЯ (1247 документов, 1986 вхождений — на 17.02.2022 г.) показывает, что значения слова в части примеров не укладываются ни в одно из названных.

1. Локативные значения

Слова *туда, сюда*, составляющие композит *туда-сюда*, относятся к дейктическим пространственным наречиям, указывающим на направление движения, поэтому очевидно, что основными для слова *туда-сюда* являются именно локативные значения. Отметим, что, по данным корпуса, употребление *туда-сюда* в локативных значениях составляет более трех четвертей всех его вхождений.

В обоих приведенных выше локативных значениях слово выражает динамические отношения и связано с тем, что говорящий определяет вектор движения относительно своего местонахождения. Но при этом значение ‘в ту и другую сторону, в разные места, стороны’ (назовем его локативным-1) не предполагает конкретизации одного направления и указания на движение назад (пример 1), а значение ‘в одном направлении и обратно’ (назовем его локативным-2) указывает на заданное направление, причем конечная (финишная) точка реализации первого движения становится отправной (стартовой) точкой обратного движения (пример 2):

- (1) *Стал кидаться **туда-сюда**, спрашивал людей, показывал руками, что потерял жену, крупная такая женщина, с веснушками* (Василий Шукшин. Печки-лавочки. 1970–1972);
- (2) *А качели всё носили его **туда-сюда**, и ритм их движения пронизывал тело и настойчиво требовал соучастия* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый мир, 2000).

Дифференциация локативных значений определяется различиями в семантике компонента *сюда*: в значении локативном-1 *сюда* сближается с *туда*, в результате чего *туда-сюда* синонимично *и туда, и туда*; в значении локативном-2 *сюда* близко к *обратно*, и поэтому *туда-сюда* синонимично *туда и обратно*. Значение локативное-2 в большей мере соответствует семантике слов, составляющих композит *туда-сюда*: ‘туда нареч. В то место, в ту сторону; противоп. сюда’, ‘сюда нареч. В это место, в эту сторону; противоп. туда’ [Евгеньева (ред.) 1988: 424].

Анализ употребления слова в материалах основного корпуса НКРЯ позволил выявить основные типы синтаксических конструкций, в которых реализуются локативные значения:

1. *Туда-сюда* в роли обстоятельства (в том числе входит в состав обособленного обстоятельства):

- (3) *И ходят эти лифты **туда-сюда** не синхронно* (Андрей Пермяков. Петушки — Москва. Поехал // Волга, 2016).
- (4) *Пришлось даже сесть для удобства, вода **туда-сюда, туда-сюда** по вальям листьям подорожника* (Галина Щербакова. Реалисты и жлобы. 1997).

2. *Туда-сюда* входит в состав обособленного определения:

- (5) *Сотни и сотни людей, спящих **туда-сюда** с тюками и тележками* (Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов. 1997).

3. *Туда-сюда* в роли синкретичного члена предложения (обстоятельство места + несогласованное определение). Синкретизм синтаксических функций *туда-сюда* отмечается в предложениях, где наречие распростра-

няют члены предложения, выраженные отглагольными существительными, общее предметное значение которых «обуславливает их потребность в атрибутивном распространителе, а общее глагольное свойство (действие) — в обстоятельственном» [Бабайцева 2011: 261]:

- (6) *Нелюбезное утро, слякоть и снег. Я в театре. Звонки **туда-сюда**. Читка. Яростный шеф* (Вениамин Смехов. Театр моей памяти. 2001).

Рассмотрим локативные значения в конструкциях с обстоятельством, т. к. именно эти модели являются исходными для понимания семантики *туда-сюда* (в т. ч. и в обособленных членах, и в случае синкретизма синтаксических функций).

1. В контексте глаголов движения / перемещения (*бежать, бродить, гонять, ездить, метаться, мотаться, плавать, сновать, ходить, шататься, шляться* и др.) реализуются значения локативное-1 и локативное-2.

Возможная множественность направлений, отраженная в значении локативное-1, маркируется употреблением перечислительного ряда локативов (пример 7) или соотносением с пространством, в котором не задано направление (пример 8):

- (7) *И **гонял**, как неменяемый, **туда-сюда**, то в родзал, то в операционную, то в манипуляционную* (Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений». 2010);
(8) *Комната наполнилась вонючим дымом, заряд разбил окно, **метался туда-сюда*** (С. П. Капица. Мои воспоминания. 2008).

Значение локативное-2, напротив, актуализируется в контекстах, где движение реализуется в условиях заданного направления туда-обратно, чаще всего в пространстве с заданными границами (плавание по дорожке бассейна, хождение по коридору, дефиле на подиуме, движение по рельсам, движение поршня, лифта и др.):

- (9) *Она справилась с однообразной работой, которая ей не нравилась, хоть и приносила деньги («Ходить **туда-сюда по подиуму** — что за бред!»)* (Юлия Пешкова. Скарлетт // Домовой, 04.10.2002);
(10) *Но когда никого не было дома, он включал все лампочки и ходил по коридору **туда-сюда, туда-сюда**, и на него падали из иллюминаторов самолетов скрипки, шахматные доски, «Анны Каренины» и таблицы логарифмов* (Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом. 2000).

Кроме того, значение локативное-2 реализуется:

- в пространственно-динамических моделях ОТ — ДО, ИЗ — В, НА — С (пример 11);

- в контекстах с «маркерами» ритмичности — существительными, обозначающими предметы-символы ритма или возвратно-поступательного движения (часы, маятник, качели, кресло-качалка, выключатель, дверь в купе, задвижка и др.), и глаголами с соответствующей семантикой (*качать(ся)*, *покачивать(ся)*, *раскачивать(ся)* и др.) (12–13):

- (11) *В прихожей лежал мягкий дремотный полумрак, слегка отблескивал паркет у порога, и он начал расхаживать **туда-сюда** — пять шагов от двери до зеркала и столько же обратно* (Василь Быков. Бедные люди. 1998);
- (12) *Держится за дверную ручку, дверь скрипит и стонет, а Витек все шатается, **туда-сюда**, как маятник* (Сергей Кубрин. Розовый танк // Волга, 2015);
- (13) *На двери у нас сначала были набиты крюки для качелей, и меня **качали туда-сюда**...* (Инна Пруссакова. «Я родилась в Ленинграде...» // Звезда, 2003);

2. Локативное-1 значение реализуется в контексте глаголов зрительного восприятия, относящихся к глаголам смотрения, которые выражают идею целенаправленного и активного восприятия (*смотреть*, *глядеть*, *посматривать*, *поглядывать* и др.):

- (14) *Да, да, я уже тебе сказать. Ходи осторожно... так... без всякий дела. **Смотри туда-сюда**...* (А. И. Пантелеев. Ночные гости. 1944).

3. В контекстах с эллиптическими моделями возможны оба локативных значения; акцент делается на словоформах, которые обозначают субъект действия и направление. Отсутствие сказуемого передает оттенок быстроты, интенсивности движения:

- (15) *Я в гараже возле «Мэйсиса», на Шестой, свою тачку бросил, а пришел — хозяина нет, пошел его искать, там какие-то мастерские, подсобки... **Я туда-сюда, тык-пык, да, наверно, не в ту дверь**...* (Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // Звезда, 2002).

4. *Туда-сюда* в значении локативном-2 входит в устойчивое сочетание *туда-сюда-обратно*, соотносимое с прецедентным текстом якобы детской загадки про качели. В НКРЯ отмечены 5 случаев употребления такого употребления; два из них соотносимы с прецедентным текстом, например:

- (16) *Не коснувшись ногами земли, мы взмыли вверх: **туда-сюда-обратно** — дух захватывает!* (Ирина Муравьева. Документальные съемки. 1997–1998).

«Непрецедентное» использование сочетания *туда-сюда-обратно* связано с указанием на возвратно-поступательное движение (пример 17) или быстроту реализации движения (18):

- (17) *Лампу Серж подёргал туда-сюда-обратно для виду — и нырк под приставной столик операционной медсестры с ножной стороны операционного стола* (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки. 2009);
- (18) *Это ведь туда-сюда-обратно, поел, почитал и упал лицом в подушку* (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом». 2009).

5. Особо следует отметить употребление *туда-сюда* в значении, не зафиксированном словарями: 'в разных местах'. Наречие может указывать не на направление движения, а на место — в сочетании с глаголами, к которым, согласно современным синтаксическим нормам, не примыкают зависимые слова-локативы, отвечающие на вопрос «куда?». Замена динамического локативного значения статическим типична для конструкций, свойственных разговорной речи:

- (19) *Между тем дома хватились Дуни. Искать ее туда-сюда — нет нигде. Все переполошились. Никто не мог придумать себе, куда она девалась* (М. П. Погодин. Суженый // Московский вестник, 1828).

2. Туда-сюда в значении сказуемого

Анализ контекстов употребления *туда-сюда* в значении 'поступать так или иначе, таким или иным образом, по-всякому' показал, что предикат в данном значении указывает на попытку добиться чего-либо, при этом, как правило, попытка остается нерезультативной:

- (20) *Я туда-сюда, нет, ничто не в помощь без голубчика моего Петра Михеича* (М. П. Погодин. Невеста на ярмарке. 1827–1832).

Значение 'о том, кто пытается говорить что-л., убедить кого-л. и т. п.' указывает на речевое действие субъекта, что в исследуемых контекстах подтверждается использованием прямой и несобственно-прямой речи. Добавим, что указанное значение реализуется часто в контекстах, где ситуация развивается вопреки мнению, желанию говорящего. При этом *туда-сюда* может быть маркером

- выражения несогласия с собеседником (пример 21),
- попытки избежать ответа (22),
- попытки оправдаться (23),
- попытки убедить собеседника (24):

- (21) *Особенный он у тебя, сын-то. Оставайся». — Я — туда-сюда. Как так — оставайся? А мужик?* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле. 2001);
- (22) *И прямо задают вопрос: «Где Михаил Сергеевич?» Зять туда-сюда. «Ты не вилай. Говори, где М. С.?»* (А. С. Черняев. Дневник. 1988);

- (23) *Пошто ты меня обманул — у крылечка не дождался? Барин **туда-сюда**, — оплошка-де вышла. Извини, пожалуйста* (П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка. 1938);
- (24) *Шульц **туда-сюда**, как же так, вы отказываетесь от слова* (А. С. Черняев. Дневник. 1983).

Сказуемое, выраженное словом *туда-сюда* в значении ‘более или менее сносно’, содержит оценку предмета речи с точки зрения говорящего. Именно он квалифицирует ситуации, действия, признаки и т. д. как подходящие, терпимые или наоборот:

- (25) *Пока еще были кое-какие деньжонки, жить было **туда-сюда**...* (С. С. Заяцкий. Великий перевал. 1926).

Значение ‘еще ничего, можно вынести, вытерпеть’ отмечается у *туда-сюда* в контекстах, где реализуются сопоставительные отношения (сопоставление может быть эксплицитным или имплицитным). Одна часть конструкции — с устойчивым сочетанием *еще туда-сюда* — характеризует предмет, ситуацию, признак, действие и т. п. как то, что является вполне приемлемым, подходящим, то, что можно вынести, вытерпеть. Другая часть конструкции указывает на то, что является неприемлемым, неподходящим, что нельзя вынести, вытерпеть. В большей части проанализированных примеров средствами выражения сопоставительных отношений являются союзы А, НО; базовая модель сопоставления условно может быть представлена как «*X еще туда-сюда, а (но) Y...*»:

- (26) — *Говорить по-французски я **еще туда-сюда**, а уж читать совсем не могу* (Екатерина Маркова. Каприз фаворита. 1990–2000);
- (27) *Фонологическая глава **еще туда-сюда**, но всё остальное очень слабо и отдает ветошью, простительной для людей поколения Леви-Брюля* (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону. 1920–1938).

И даже при отсутствии союзов сопоставление проявляется не менее ярко:

- (28) *Потому что от слова «юморист» его уже тошнит. «Иронический поэт» — **еще туда-сюда**. Почувствовали разницу?* (Владимир Вишневский: «Я в этой жизни рано стал ребенком» // Сельская новь, 16.12.2003).

Отметим, что часть примеров употребления *туда-сюда* в роли сказуемого из НКРЯ не соответствует ни одному из описанных выше значений. Так, предикат *туда-сюда* может сближаться с *так себе* — ‘ничего особенного собой не представляющий, средний, не имеющий ярко выраженных качеств’ [Евгеньева (ред.) 1988]:

- (29) *М-да, комплимент туда-сюда, с весьма ограниченной областью применения* (Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // Октябрь, 2001).

Кроме того, в примерах отмечено эвфемистическое употребление предиката *туда-сюда*, замещающего один из табуированных глаголов:

- (30) *Хорошо, когда у хозяев есть машинка, меньше хлопот, но «Зингер» надежней, пришьет так пришьет, а для дивана это существенно — дети скачут, взрослые туда-сюда...* (Екатерина Завершнева. Высотка. 2012).

3. Семантика образа действия

В наречиях образа действия «представлены разнообразные частные виды общего значения качественности и свойственности» [Шведова (ред.) 1980: 702]. Как было показано выше, толковые словари отмечают два частных значения образа действия у слова *туда-сюда*: ‘более или менее сносно’ и ‘так и этак, так и сяк’. Анализ материалов НКРЯ позволил выделить еще некоторые смыслы:

1. ‘Беспорядочно, без разбору’:

- (31) *Правда, вот в моей памяти сохранилась казнь кавказских разбойников из того типа, о которых так остроумно было сказано, что в понедельник немножко резал, во вторник много резал и в воскресенье туда-сюда резал, этих казнили, но в очень ограниченном числе* (В. В. Шульгин. Последний очевидец. 1971).

2. ‘Безбедно’:

- (32) — *Это вот как называется: пацан немного поднялся, сделал себе типа того что особняк — три этажа, сауна, все дела. Начал жить туда-сюда* (Василий Гулин. Евроизба-2002 // Столица, 15.04.1997).

3. ‘Полностью, целиком’:

- (33) *«Онегина», который затертый лежал во дворике у общего телевизора, перечитал туда-сюда насквозь* (С. Г. Боровиков. «В русском жанре-51» // Волга, 2015).

4. Туда-сюда как маркер перечисления

В устной повседневной речи *туда-сюда* может утрачивать свое лексическое значение и приобретать прагматическое. В потоке речи *туда-сюда* становится одним из средств компрессии текста: говорящий использует слово как языковую единицу, заменяющую элементы дальнейшего возможного перечисления. В этом плане *туда-сюда* сближается с *то да сё* (*то-сё*), *пятое-десятое*, *все такое (прочее)* и с другими словами и сочетаниями, которые, по замечанию Н. В. Богдановой-Бегларян, можно квали-

фицировать как маркеры-аппроксиматоры, заменители всего перечисления или его части [Богданова-Бегларян 2014: 14].

Наречие *туда-сюда* употребляется для перечисления разнообразных обстоятельств, ситуаций (примеры 34–35), разных предметов (36), дел (37):

- (34) *А дело было так: закрутил тот с одной — театр, портвейн, **туда-сюда**, и — бац — муж с работы возвращается* (Александр Снегирев. Бетон // Новый мир, 2014);
- (35) *Приехали незнакомые совсем, а уезжали как свои парни. Телефоны, дружба, помощь в главке, **туда-сюда**...* (Виктор Ремизов. Воля вольная // Новый мир, 2013);
- (36) *У меня сейчас пока с деньгами туговато. — Анька вздохнула. — Памперсы, коляска, **туда-сюда*** (Андрей Житков. Супермаркет. 2000);
- (37) *А они поселок на нем построили и плиты эти как камни на стройке пользовали — в фундамент там покласть, **туда-сюда*** (Г. С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы // Волга, 2014).

Добавим, что в слове *туда-сюда* заложено неопределенное указание на разные предметы, обстоятельства, дела и т. п., которые трудно назвать или не стоит называть. При этом иногда говорящий рассчитывает на то, что собеседник догадается, что именно скрывается за этой неопределенностью, и сможет восстановить в сознании то, о чём умалчивается. В таких контекстах маркер-аппроксиматор полностью заменяет собой возможный перечислительный ряд:

- (38) — *Всё, пора-пора, меня уже ждут, ну, **туда-сюда**, ты понимаешь... — и он опять подмигнул* (И. С. Богатырева. Вернуться в Итаку. 2008).

5. Временное значение

По наблюдениям В. Ю. Апресян, русскому языку свойственно использование пространственных дейктических слов для обозначения времени [Апресян 2012]. *Туда-сюда* не исключение. Типичные конструкции для реализации временного значения *туда-сюда* — сложносочиненные предложения с союзом И, реализующие указание на быструю смену событий. При этом в контексте прошедшего анализируемое наречие используется для описания действия, которое совершилось гораздо быстрее, чем это мыслилось (пример 39), а в контексте будущего использование *туда-сюда* связано с указанием на то, что событие / действие совершится / произойдет спустя небольшой промежуток времени (в значении 'еще немного') (пример 40):

- (39) *На вокзал Витька пришел за сорок минут до отправления. Купил газетку, сел в зале ожидания. **Туда-сюда** — и поезд объявили* (Дмитрий Карапузов. Витька // Волга, 2012);
- (40) *Карши ловить, приволочки рвать — и весь доход. А время идет. **Туда-сюда**, и запретка. Люди ловят, сдают, а мы при своих интересах* (Борис Екимов. Высшая мера. 1995).

6. Субстантивированное *туда-сюда*

Проведенный анализ показал, что в одних случаях субстантивированная единица *туда-сюда* отражает включение в речь говорящего элементов чужой речи (цитатность употребления маркируется кавычками), при этом акцент с содержания слов перемещается на факт их произнесения:

- (41) *Из окон двух параллельных крыльев ДАСа торчали люди, правый корпус слаженно орал «Туда!», левый не сдавался — «Сюда!». Смысла в этой перепалке не было ни на грамм, зато какой азарт! Игра в «туда-сюда» продолжалась до тех пор, пока не приехала милиция, но финала мы с Нинкой дожидаться не стали, двинули оформляться* (Екатерина Завершнева. Высотка. 2012).

В других случаях субстантиват *туда-сюда* становится номинацией, конденсирующей смысл предыдущего (пример 42) или последующего (43) контекста, в котором описывается ситуация; в таких конструкциях частотны соотносительные указательные местоимения:

- (42) *Каждое утро он сдавал в сейф свои документы, а вечером брал обратно. Хочешь не хочешь, а **такие** ежедневные «туда-сюда» трепали нервы* (Константин Симонов. Так называемая личная жизнь / Четыре шага. 1956–1965);
- (43) *С **этим туда-сюда** еще можно согласиться: одни давали, другие брали* (Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике. 1976–1999).

7. *Туда-сюда* как дискурсивное слово

Туда-сюда может использоваться как слово, которое не участвует в задаче смыслового задания. Включенное в спонтанную, неподготовленную речь, оно сближается с дискурсивными словами и может рассматриваться как десемантизированный элемент дискурса:

- (44) *[Костя, муж] А ты — старик, **туда-сюда**, после праздников, уезжаю, **туда-сюда*** (Л. С. Петрушевская. Чинзано. 1973).

Таким образом, проведенный анализ контекстов из НКРЯ показывает сложную семантическую структуру наречия *туда-сюда*. Доминирующие в семантике локативные значения динамического спектра, разнообразные значения слова-предиката и многочисленные оттенки общей семантики образа действия, прагматически обусловленные значения маркера-аппроксиматора, субстантивата, временное и дискурсивное значения — все эти специфические свойства семантики слова *туда-сюда* делают его полифункциональным элементом дискурса и обуславливают его высокую частотность в современной разговорной речи.

Литература

- Апресян В. Ю. Тут как показатель темпоральной близости // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 11. М.: РГГУ, 2012. С. 1–17.
- Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке: монография. М.: Флинта; Наука, 2011. 496 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). 2014. С. 7–20.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С–Я. М.: Русский язык, 1988. 796 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.02.2022).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. XV. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 648 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.

References

- Apresyana V. Yu. [*Tut* 'here' as a temporal proximity marker]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the annual international conference "Dialogue"]. Vol. 1. Main conference program, Issue 11. Moscow, RSUH Publ., 2012, pp. 1–17. (In Russ.)
- Babaitseva V. V. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: monografiya* [The system of sentence parts in modern Russian language: monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 496 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V. [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 3 (27), 2014, pp. 7–20. (In Russ.)
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol.]. Vol. XV. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 648 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 796 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 17.02.2022).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 944 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. I. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.

Полезная дрянь и ценная фигня. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи

Анна Владимировна Занадворова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), annazann@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170023736-8

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу группы существительных с оценочным значением, которые широко используются в непринужденной устной и письменной речи (применительно к большому ряду объектов — предметам, людям, ситуациям и др.): *барахло, белиберда, галиматья, глупости, говно, дерьмо, дребедень, дрянь, ерунда, лабуды, мура, муть, мутотень, фигня, хлам, хрень, чепуха* и др. В статье сравниваются толкования этих слов в нормативных толковых словарях русского языка и в Толковом словаре русской разговорной речи (ТСРР). На примерах из разговорной речи и из блогов показаны случаи употребления этих слов в нейтральных и даже положительных контекстах. Часто нейтральное употребление связано с использованием слова в предметном значении, которое не отмечается нормативными словарями, но фиксируется в ТСРР (**ХРЕНЬ. 1.** DEF: о любом предмете или веществе, название которого говорящий забыл или по каким-л. причинам не хочет употребить...). Об изменении оценки свидетельствуют также сочетания этих слов с прилагательными, имеющими положительную семантику *классный, дорогой, ценный, полезный* и др.: *ценная хрень, полезная фигня, нужная ерунда* и т. п. Однако подобные словосочетания могут указывать также и на совмещение в высказывании двух точек зрения — объективной оценки и субъективного отношения говорящего, тогда оценочный компонент в рассматриваемых словах сохраняется, ср.: *дорогостоящая хрень, полезная гадость, ценный хлам* и др.

А. В. Занадворова. *Полезная дрянь и ценная фигня*. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи
A. V. Znadvorova. *Poleznaya Dryan' ('Useful Rubbish') and Tsennaya Fignya ('Valuable Garbage')*. On Some Cases...

Экспрессия, заложенная в этих словах, не исчезает совсем, а трансформируется, вместо отрицательной оценки она может маркировать непринужденность речи, выражать иронию и самоиронию, характеризовать индивидуальную речевую манеру говорящего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разговорная речь, непринужденная речь, устная речь, непринужденная письменная речь, оценочность, экспрессивность

для цитирования: Занадворова А. В. *Полезная дрянь и ценная фигня*. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи // Русская речь. 2022. № 6. С. 50–62. DOI: 10.31857/S013161170023736-8.

Issues of Modern Russian Language

Poleznaya Dryan' ('Useful Rubbish') and *Tsennaya Fignya ('Valuable Garbage')*. On Some Cases of Changing the Assessment in Informal Colloquial Speech

Anna V. Znadvorova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), annazann@gmail.com

ABSTRACT: The paper examines the group of nouns with evaluative meaning that are widely used in informal oral and written speech to reference a wide range of entities, such as objects, people and situations: *barakhlo*, *beliberda*, *galimat'ja*, *gluposti*, *govno*, *der'mo*, *drebeden'*, *drian'*, *erunda*, *labuda*, *mura*, *mut'*, *mutoten'*, *fignia*, *khlam*, *khren'*, *chepuha*, etc. (meaning 'rubbish', 'junk', 'crap', 'rubbish', 'idiocy', 'filth' etc.). The meanings of these words in normative explanatory dictionaries are compared to the interpretations provided by the Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech (EDRC). As illustrated by examples from colloquial speech and blogs, these words may be used in neutral and even positive contexts.

Neutral usage is often observed when such a noun is used in a substantive sense that is absent from normative dictionaries but covered by the EDRC (e.g. **HREN'**. 1. DEF. on any object or substance the name of which the speaker has forgotten or is unwilling to use for some reason ...). The assessment shift is also supported by adjectives with positive semantics (*classnyj, dorogoj, tsennyj, poleznyj*) appearing next to such nouns: *tsennaja hren'*, *poleznaja fignya*, *nuzhnaja erunda* (*valuable stuff, useful thingy, helpful trash*) etc. However, such collocations may also indicate combinations of two different viewpoints: an objective assessment and a subjective opinion of the speaker, — in such cases, the evaluative component is still preserved: cf. *dorogostojashhaja hren'*, *poleznaja gadost'*, *tsennyj hlam* (*expensive junk, healthy crap, valuable garbage*) etc. The expressive nature of these words does not disappear altogether but rather is transformed — instead of the negative assessment it can mark the casualness of speech, express irony or self-irony, characterize individual speech manner of the speaker.

KEYWORDS: colloquial speech, informal speech, oral speech, informal written speech, appraisal, expressiveness

FOR CITATION: Zandvorova A. V. *Poleznaya Dryan'* ('Useful Rubbish') and *Tsennaya Fignya* ('Valuable Garbage'). On Some Cases of Changing the Assessment in Informal Colloquial Speech // Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 50–62. DOI: 10.31857/S013161170023736-8.

Об экспрессивности, свойственной разговорной речи, писали многие исследователи. Часто экспрессия проявляется в употреблении оценочных слов, в гиперболизации речи, как пишет Л. А. Капанадзе: «Оценки в КЛЯ¹ связаны с логической стороной мышления и работой обобщающей мысли, оценки в РР — с чувствами, смутной работой души. Именно поэтому в РР в качестве оценок часто выступают гиперболы разного рода, литоты, метафоры, которые хорошо выражают именно субъективность говорящего по отношению к выражаемому. Еще Ш. Балли писал о тенденции к преувеличению как к черте, наиболее характерной для разговорной речи. Преувеличиваются размеры, интенсивность, степень чего-то» [Капанадзе 1988: 152]. Это подтверждается и данными Толкового

¹ Понятие КЛЯ — кодифицированный литературный язык противопоставляется РР — разговорной речи.

словаря разговорной речи — количество слов, в той или степени включающих оценочный компонент, очень велико [Крысин (ред.) 2014; 2017; 2019; 2021; 2022].

Оценочные слова в непринужденной речи не раз попадали в поле зрения лингвистов. Рассматривались случаи, когда у безоценочных слов появлялись оценочные значения, см., например, работы [Гловинская 2010; Розина 2014; Капанадзе 2005] и др. Интересно также рассмотреть и обратный процесс, когда у оценочных слов стирается или ослабевает оценочный компонент.

В данной статье предполагается рассмотреть особенности употребления группы слов, имеющих (по крайней мере в одном из значений) явное выражение отрицательной оценки. Это слова: *абракадабра, ахинея, барахло, белиберда, бредятина, галиматья, глупости, говно, дерьмо, дичь, дребедень, дрянь, ерунда, ерундовина, лабуда, лажа, мура, муровина, муть, мутотень, фигня, фиговина, фиготень, хлам, хрень, хреновина, хренота, хренотень, чепуха, чепуховина, чушь...*

Статья написана на материале Толкового словаря русской разговорной речи [Крысин (ред.) 2014; 2017; 2019; 2021; 2022], записей живой разговорной речи, блогов, данных Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Перечисленные выше слова имеют, как правило, несколько значений. Оценочный компонент может присутствовать во всех значениях, а может в некоторых значениях нейтрализовываться. Эти слова имеют достаточно широкую сочетаемость и могут быть приложимы к объектам различного рода.

Часто именно **предметные** значения подобных слов могут употребляются нейтрально, без отрицательной оценки. В толковых словарях кодифицированного литературного языка такие предметные значения, как правило, специально не выделяются. Ср. данные Большого толкового словаря (БТС) [Кузнецов (ред.) 1998]:

Байда. *Разг.-сниж.* Трепотня, пустые разговоры; ерунда.

Белиберда. *Разг.-сниж.* Вздор, бессмыслица, чепуха.

Ерунда. *Разг.* 1. Вздор, чепуха, нелепость. 2. О чём-л. несущественном, маловажном.

Дрянь. *Разг.* 1. собир. То, что негодно, ненужно; мусор, хлам. ... 2. То, что является плохим, скверным, низкого качества. 3. *в функц. сказ.* О том, что плохо, скверно. 4. О плохом, ничтожном, скверном человеке.

Мура. *Разг.-сниж.* О том, что не имеет значения; чепуха, ерунда.

Муть. ... 5. *Разг.* Ерунда, чушь.

Фигня. *Разг.-сниж.* О чём-л. не заслуживающем внимания, доверия.

Слова *лабуда, халабурда, хрень* в БТС отсутствуют.

В Толковом словаре разговорной речи эти слова описываются более подробно. У некоторых из них даже выделяется безоценочное значение, ср., например, первые значения у слов *хрень* и *фигня*:

ХРЕНЬ. 1. DEF: о любом предмете или веществе, название которого говорящий забыл или по каким-л. причинам не хочет употребить.

2. DEF: о чём-л. непонятном, бессмысленном, незначительном или неприятном (со стилистической пометой: STYL: *сленг., неодобр. или пренебр.*) [Никишина 2022: в печати].

ФИГНЯ. 1. DEF: о любом предмете (используется как обозначение предмета, название которого говорящий забыл или не хочет произносить по каким-л. причинам); *то же, что хрень* (в 1 знач.).

2. DEF: *то же, что хрень* (во 2 знач.) (со стилистической пометой: STYL: *сленг., неодобр. или пренебр.*) [Никишина 2022: в печати].

Например: *Надо вон ту синюю **фигню** [вентиль] повернуть/ тогда откроется//* (Запись устной речи, 2015); *А вот эта полосатая лежит **байда**/ нет? Или вон та полосатая **байда**? Ну/ вот/ какая-то тряпка полосатая//* (Разговор двух девушек о выборе одежды, 2008); *Пока не травятся/ тока и успевают вон на этой экзотике зарабатывать... зарабатывать// До первого ЧП/ так сказать// Дело-то/ если честно/ опасное// Там же... там же учиться надо долго/ чтоб вот эту всю **хрень** готовить уметь// Там есть такая рыба/ вот её не так порежешь/ и она яд выделяет//* (К/ф «Изображая жертву», 2006).

Предметное значение имеет синтаксические ограничения на реализацию. Оно не может встречаться в предикативных конструкциях вроде «это — X». В таких конструкциях реализуется как раз оценочное значение (в таких контекстах эти слова часто сопровождаются усилительными словами *полная, совершенная, первостатейная, редкостная, жуткая* и т. п. ерунда, дрянь, фигня, хрень и т. п.)².

Указанное предметное значение появляется обычно в контекстах в сочетании со словами *эта, всякая, какая-то*: *Опять-таки, для лагеря нужна **всякая халабурда**. Котлы, палатки, накидки от дождя; В результате он накупил нам мороженого, шоколада и **прочей чепухи** из барного ассортимента и с удовольствием смотрел, как мы это всё уплетали под своё девчачье чирикание* (А. Данилина. Путеводитель по граблям. Маршрут № 1).

То есть эти слова начинают использоваться как слова с широкой опустошенной семантикой — *вещь* и *штука*. (Ср. ШТУКА¹. 1. DEF: употребляется

² Надо заметить, что и в позиции предиката эти слова могут употребляться в положительных контекстах, ср.: *Ежедневник — это крайне **полезная фигня!***; (о паста-машине) *Это **классная фигня**. Просто замечательная. Всем **фигням** **фигня**, ответственно заявляю, она меня **вштырила** даже круче, чем **хлебопечка*** (Живой журнал, 2013).

для указания на предмет, который говорящий не хочет называть или не знает, как назвать ... [Крысин (ред.) 2022: в печати].

Иногда эти слова используются для обозначения предмета, который говорящий не хочет называть, например, потому что вещь не имеет какого-то официального названия или ему просто лень вспоминать слово. Этот поиск слов и замена их не вполне точными расплывчатыми обозначениями очень характерна для разговорной речи, об этом писала Л. А. Капанадзе в разделе, посвященном особенностям номинации в монографии «Русская разговорная речь» [Капанадзе 1973: 442–483].

Об этом пишет и Е. В. Какорина в прагматической зоне к словарной статье **МУРА**: «PRAGM: для разговорной речи типично употребление слова *мура* в качестве “опустошенного” слова: ... — может использоваться для заполнения интонационной “дыры” или облегчения поиска слова: *У нас все ингредиенты/ кроме этой.../ ну как её/ муры такой... посыпки//*. Подобные слова легко взаимозаменяемы: *Куда мы это (эту вещь/ белиберду/ дрянь/ ерунду/ музыку/ муру/ хрень/ штуку...) денем?»* [Какорина 2017: 354].

Как мы видим, в толкованиях многих слов из этой группы оценочное и предметное значение слов совмещены.

БЕЛИБЕРДА. ...

2. DEF: разнородные мелкие вещи, не представляющие ценности, собранные вместе [Крысин (ред.) 2014: 107].

А в некоторых статьях компоненты толкования с отрицательной и с нейтральной оценкой соединяются через «а также», т. е. в конкретном высказывании может реализовываться только один из указанных компонентов:

МУЗЫКА. ...

DEF: о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть [Какорина 2017: 351].

МУРА. ...

3. DEF: о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть [Какорина 2017: 354].

МУТОТА¹. ...

4. DEF: о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть [Какорина 2017: 362]

МУТЬ¹.

3. DEF: о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть [Какорина 2017: 364]

ХАЛАБУРДА.

DEF: о чём-л. несущественном, негодном или о том, что говорящий не хочет называть или не знает, как назвать [Крысин (ред.) 2022: в печати]

В указанных примерах компонент толкования «то, что не нравится говорящему, раздражает его» отсутствует: *Слушай/ подай пожалуйста вон ту муру/ макароны помешать//* (Записи устной речи. 2010); *Езжу покупаю всю эту байду* [специальные средства для ухода за волосами] *спецом на Домодедовскую в магазин для парикмахеров* (Форум, 2005);

Часто эти слова приходят на помощь говорящему, когда он что-то перечисляет и запас подходящих слов в его арсенале истощился, а также используется в качестве своего рода обобщающего слова, родового понятия: *Мы можем купить и надувной бассейн, и шезлонг и всю эту дачную чепуху, но куда ставить*); *Оживление вызвал магазин сувениров: тролли, муми, лоси и прочая милая дребедень, которая покупается в каждом туристическом городе* (Блоги, 2018–2021).

Ср. также замечание Е. В. Какориной в прагматической зоне к статье МУРА: «В конструкциях с перечислением, занимая место в конце фразы, оно может выполнять роль недостающего родового обозначения: *Мы ни магнита/ ни браслета/ ни бус/ никакой муры этой не купили в итоге//*» [Какорина 2017: 354].

Об отсутствии оценочности в некоторых контекстах свидетельствует также сочетаемость таких слов со словами положительной семантики: *ценный, вкусный, дорогой, редкий, полезный, приятный, милый* и др.: *Наушники и полезная фигня для путешествий с детьми; Очень вкусная фигня за 15 минут. У фигни есть название — пирожное «Картошка»; Руки сами так и тянутся набить корзину интернет-магазина всякой приятной ерундой;* (о компьютерной игре) *На выходе получается адрес в памяти, по которому располагается нужное нам значение здоровья, патронов, денег и прочей ценной лабуды; Какой сейчас полезной дряни можно купить на тыр 200 что бы на следующий год всем рассказывать как я по дешевке, по старым ценам удачно отоварился;* (подпись под фотографией) *Да, нравится мне эта редкая, дорогая хрень; Вызвал техподдержку: из-за обрыва [проводов] сгорела какая-то дорогостоящая фигня на чердаке, ее поменяли; Сунулся в одну дверь, в другую — везде валяется какой-то ценный хлам, дельтапланы по стенкам висят, станки всякие стоят — мастерская, одним словом* (Блоги, 2017–2022); *Какие лучше брать маски или бальзамы (в общем “всякую полезную гадость для волос помимо шампуня”); Дополнительные материалы со всякими скетчами, набросками и прочая интересная муть для интересующихся* (Форум, 2015).

Кроме слов с положительной семантикой эти слова в нейтральном употреблении сочетаются также с относительными прилагательными: *кухонный, спортивный, компьютерный* и т. п. или сопровождаются описательными характеристиками — *для спорта, для готовки* и т. п., ср.: *А еще и я вношу личную посильную лепту, скупая по мере финансовых возможностей всякую **кухонную фигню**... Извините, вырвалось! ...всякую **кухонную... фигию**!*; (в музее) *Какая **прикольная персидская хрень**. Хрен пойми что, Иран, конец XIX — начало XX века. Общая длина 970 мм; Обожаю готовить какую-нибудь **дачную ерунду** с тушенкой... паутинку [лапшу] или булгур или еще что* (Блоги, 2019–2022); *Вот все думаю/ что парню своему на двадцать третье дарить// «Стандартный подарок»/ или бритву/ или какую-нибудь **фигию для бритья**!* (Запись устной речи, 2015).

И даже слова, принадлежащие к сфере телесного низа, которые на первый взгляд не могут употребляться в положительных контекстах, иногда в них употребляются. Рассмотрим слова *говно* и *дерьмо*.

В нормативных толковых словарях эти слова описываются не очень подробно и кроме прямого имеют еще одно резко отрицательное оценочное значение. Ср., например, толкования из Большого толкового словаря (БТС) [Кузнецов (ред.) 1998]:

Говно. ... 2. *Презрит*. О том, что является отвратительным, скверным, гадким.

Дерьмо. ... 2. *Презрит*. О том, что отвратительно, скверно.

Нейтральные и положительные значения у этих слов не отмечены и в описательном словаре разговорной речи, ср. значения (помимо прямого), которые в нем представлены:

ГОВНО. ... 2. *перен.* DEF: о ком-чём-л. крайне неприятном, вызывающем раздражение или отвращение. ... 3. *перен.* DEF: о чём-л. крайне низкого качества или не имеющем ценности, значимости [Крысин (ред.) 2014: 330].

ДЕРЬМО. ... 2. *перен.* DEF: о ком-чём-л. плохом, ничтожном. ... 3. *перен.* DEF: о чём-л. крайне низкого качества или не имеющем ценности, значимости [Крысин (ред.) 2014: 453].

Хотя примеры подобного употребления приводятся, ср. (пример к 3 знач.) — *А чё/ тебе крышки к банкам что ли нужны? Да я тебе этого **дерьма** мешок привезу!* (Запись устной речи, 2004). [Крысин (ред.) 2014: 453].

Однако в реальной речевой практике подобные примеры нейтрального и положительного употребления этих слов встречаются достаточно часто: *Я там накупила **говна**, которым до сих пор пользуюсь и очень **довольна**, да. И сувенирные шапки были в 10 раз дешевле чем на рынке...; Энциклопедия*

полезного говна. Саморазвитие наше всё; (о распродаже) Лёша куда идти не хотел — он микроволновку тащил и ругался. Я одна пошла, короче. И, знаете, там столько всякого **нужного и полезного говна** — удержаться невозможно; **Столкновение всякого интересного говна** посмотрела (и не говна тоже). Попозже обо всем расскажу; Привет! хочу пригласить вас в мой первый тг канал-дневник подросткового **интересного говна**: панки, анархисты, траблы с едой и с башкой, да и в общем... (Блоги, 2017–2022); Вчера психанул/ накупил всякого **компьютерного дерьма** на 50 тыщ// (Запись устной речи, 2021).

Конечно, заряд экспрессии в этих словах все равно остается, но здесь выбор подобных слов говорящим/ пишущим маркирует непринужденный стиль речи, служит для выражения иронии и самоиронии, а также может быть показателем индивидуальной речевой манеры говорящего.

Однако интересно, что совсем не всегда сочетаемость со словами положительной семантики ведет к нейтрализации отрицательного оценочного значения. Рассмотрим следующие примеры:

Высокотехнологичная хрень. Дорого, а ресурс ДВС мизерный; **Всё это конечно очень интересно, но по сути игра всё равно не цепляет; Высокотехнологичная хрень!**; (о водонагревателе) **Лично мне не нужна дорогостоящая фигня, которая используется две недели в год** (Блоги, 2019–2022).

Здесь мы видим как бы стереоскопическую оценку ситуации с разных сторон, то есть определение показывает «объективную» оценку ситуации, например, *дорогой, высокотехнологичный, полезный* и др., в то время как оценочное слово показывает отношение говорящего (т. е. пишущий, к примеру, понимает, что водонагреватель вещь нужная и полезная, но считает такую покупку неоправданной). Отношение это считывается также и из общего контекста высказывания.

(В блоге о детях) **В карманах с улицы мы приносим песок, камешки, ягодки, палочки, запчасти от сломанных машинок и еще многой всякой, но крайне ценной ерунды** (Блоги, 2017). В этом примере также видно столкновение двух точек зрения, двух оптик — родительской и детской. С точки зрения родителя все эти веточки и машинки — ерунда, захламляющая дом, но родитель в то же время понимает, что для ребенка это важно и ценно.

Особенно часто подобное оксюморонное сочетание включает в себя слово «полезный», т. к. полезное часто неприятно, невкусно, не нравится говорящему, но в то же время он осознает его ценность для здоровья.

Сажу пью обезжиренный кефир (полезное дерьмо). Закусываю батонном. С шоколадной пастой. А чо, я тож человек — имею право на жизненные радости!; **Самое обидное, что всякую полезную дрянь часто впихивают, не обращая внимания на протесты; Все три качества сразу еда имеет редко.**

Наиболее распространена вкусная питательная вредная еда или **питательная полезная гадость**; У нас любая **полезная гадость** с айхерба глотается со свежееотжатым яблочным соком; Уполз глотать таблетки и пить всякую **полезную гадость** (Блоги, 2017–2022).

И напротив, сочетание *вкусная гадость* (*дрянь, говно*) показывает, что говорящий осознает ее вред, несмотря на ее вкусовые качества: *Есть такая категория пицци, которую я бы назвал **вкусная гадость**; Это хороший заменитель для чипсов, потому что чипсы еще та **вкусная дрянь***; (из комментариев к обсуждению) *А вот скажем Горшок, который жил в свое удовольствие, жрал всякое **вкусное говно** из супермаркета, пил что угодно, кололся героинчиком, спал по три часа в сутки...* (Блоги, 2017–2022).

Указанная группа слов неоднородна. Хотя все они могут употребляться в широких контекстах для оценки предметов, людей или ситуации, они имеют некоторую специфику употребления.

Рассмотрим группу слов, которые изначально имели предметное значение — слова *барахло* и *хлам*.

В БТСе структура значений этих слов совпадают — первое значение и обоих слов предметное, второе — переносное. Оба значения несут отрицательную оценку, ср.:

Барахло. 1. О подержанных или старых, пришедших в негодность вещах; хлам.... 2. *Бранно*. О ком-, чём-л., никуда не годном, скверном.... <Барахлишко; ср. *Смягчит*. (1 зн.).

Хлам. 1. *собир.* Негодные старые вещи; старьё, рухлядь. 2. О ком-, чём-л. ничтожном, нестоящем.

В ТСРР, однако, у слова *барахло* выделяется также дополнительное значение (знач. 2), не имеющее яркой отрицательной оценки, ср.:

БАРАХЛО́.

1. DEF: старьё, старые вещи.

2. DEF: **любые бытовые вещи, окружающие человека**.

3. *перен.* DEF: о ком-чём-л. плохом, негодном или недостойном [Крысин (ред.) 2014; 81].

Слово *хлам* в ТСРР в интересующих нас значениях отсутствует.

Если сравнить с толкованием слова *барахло* в МАСе, то можно увидеть, откуда возникло это нейтральное разговорное значение.

Барахло. *Прост.* 1. *собир. Пренебр.* Вещи домашнего и личного обихода, обычно подержанные; домашний скарб. 2. *собир.* Негодные вещи; хлам. 3. *Презр.* и *бран.* О ком-, чем-л. плохом, дрянном [Евгеньева (ред.) 1999].

Слово также повысило свой стилистический статус — перешло из разряда просторечий в разговорную лексику (подобный переход не единственный случай, а достаточно массовое явление, см. об этом также у [Пестова 2021]).

Вот примеры нейтрального и положительного употребления этого слова: *Пустые полки — это кайф! Потом можно пойти и купить **новенькое барахло** на лето; Предлагаю завести отдельную тему, куда можно скидывать фото **барахла**, которое может пригодиться для съёмки: костюмы, аксессуары, «оружие», реквизит и прочее; Я лично перед отъездом прячу особо **ценный хлам** или пишу на нем что это нужное и не трогать* (Блоги, 2018–2020).

Интересно, что слово *барахлишко* отмечается в ТСПР только в одном, нейтральном значении (совпадающем со значением 2 у слова *барахло*), *'бытовые вещи, принадлежащие кому-либо'*, ср.: *В номере вытряхнула из сумки с тщианием уложенное **барахлишко**, которое приобрела здесь: босоножки, блузка, колготки, темные очки, белье, косметика...* (Е. Шкловский. Другая).

Слова в указанных контекстах не становятся стилистически нейтральными, но здесь экспрессия отрицательной оценки трансформируется — выражает непринужденность, фамильярность, самоиронию.

Итак, в рассмотренной группе слов, имеющих яркую экспрессивную окраску, выражающих отрицательную оценку и использующихся в различных контекстах (применительно к широкому классу объектов — к предметам, людям, ситуациям и т. п.), можно зафиксировать многочисленные случаи нейтрального и даже положительного употребления. Часто это происходит, когда подобные слова употребляются в предметном значении (*подай эту **хрень**, **лабуда** для бритья* и т. п.). В некоторых словарных статьях такое значение выделяется со следующей формулировкой: *'о любом предмете или веществе, название которого говорящий забыл или по каким-л. причинам не хочет употребить'*. Однако оценочность и предметность не жестко связаны; возможны, естественно, случаи, когда присутствует и предметность, и отрицательная оценка, или напротив, положительная оценка беспредметного. В толкованиях слов из этого класса часто используется формулировка: *'о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть'*. Однако в конкретном высказывании актуализируется часто только один из двух компонентов значения, т. е. эти слова нередко употребляются в нейтральных контекстах, когда говорящий подыскивает нужное слово, или завершают перечисление ряда схожих объектов, заменяют родовое слово, которое часто в разговорной речи отсутствует (*Мы можем купить и надувной бассейн, и шезлонг и всю эту **дачную чепуху**; У нас все ингредиенты/ кроме этой.../ ну как её/ **муры** такой... посыпки/*).

- А. В. Занадворова. *Полезная дрянь и ценная фигня*. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи
A. V. Zanađvorova. *Poleznaya Dryan' ('Useful Rubbish') and Tsennaya Fignya ('Valuable Garbage')*. On Some Cases...

Об изменении оценки свидетельствуют в том числе сочетания этих слов с прилагательными, имеющими положительную семантику *класный, дорогой, ценный, полезный* и др.: **ценная хрень, полезная фигня, нужная ерунда** и т. п. Однако подобные словосочетания могут указывать также и на совмещение в высказывании двух точек зрения — объективной оценки и субъективного отношения говорящего, и тогда оценочный компонент в рассматриваемых словах сохраняется, ср.: *дорогостоящая хрень, полезная гадость, ценный хлам* и др.

Экспрессия, заложенная в подобных словах, не исчезает совсем, а трансформируется, и вместо отрицательной оценки она может маркировать непринужденность речи, выражать иронию и самоиронию, характеризовать индивидуальную речевую манеру говорящего.

Литература

- Гловинская М. Я. Глава 3. Формирование оценочных значений у безоценочных слов // Современный русский язык: Система — норма — узус (отв. ред. Л. П. Крысин). М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 140–150.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.12.2022).
- Какорина Е. В. Словарные статьи ГОВНО, ДЕРЬМО, МУЗЫКА, МУРА, МУРОВИНА, МУТО-ТЕНЬ¹, МУТЬ¹ // Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А — И; Вып. 2. К — О). М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 330; 2017. С. 351, 354, 362, 364.
- Капанадзе Л. А. Специфические виды номинаций в разговорной речи // Русская разговорная речь (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973. С. 442–483.
- Капанадзе Л. А. Способы выражения оценки в устной речи // Разновидности городской устной речи (отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев). М.: Наука, 1988. С. 151–155.
- Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: 2005. 334 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А — И; Вып. 2. К — О; Вып. 3. П — Р; Вып. 4. С — Т). М.: Языки славянской культуры, 2014; 2017; 2109; 2021; (Вып. 5. У — Я) СПб.: Нестор-История, 2022; в печати.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. С.-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.
- Никишина Е. А. Словарные статьи ФИГНЯ, ФИГОТЕНЬ, ХРЕНЬ, ХРЕНОТЕНЬ, ХРЕНОВИНА // Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 5. (У — Я) СПб.: Нестор-История, 2022; в печати.
- Пестова А. Р. Изменение стилистического статуса сниженной лексики в свете лексикографических и корпусных данных // Русская речь. 2021. № 6. С. 50–68.
- Розина Р. И. «Перевертыши» в разговорной речи // Znaczenie — Text — Kultura. Prace ofiarowane Profesor Elżbiecie Janus. Warszawa, 2014, pp. 105–110.

References

- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. III. P–R* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. III. P – R]. RAS, Institute of Linguistic Research. 4th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraphresursy Publ., 1999. 797 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 26.11.2022).
- Glovinskaya M. Ya. [Chapter 3. Formation of estimated values for non-estimated words]. *Sovremennyyi russkii yazyk: Sistema – norma – uzus* [Modern Russian language: System – norm – usage. Ed. by L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2003, pp. 140–150. (In Russ.)
- Kakorina E. V. [The dictionary entries GOVNO, DER'MO, MUZYKA, MURA, MUROVINA, MUTOTEN¹, MUT¹]. *Tolkovyyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of Russian colloquial speech]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, YASK Publishing House; Vol. 1. A – I, 2014, pp. 330, 453; Vol. 2. K – O, 2017, pp. 351, 354, 362, 364. (In Russ.)
- Kapanadze L. A. [Specific types of nomination in colloquial speech]. *Russkaya razgovornaya rech'* (pod red. E. A. Zemskoi, D. N. Shmeleva) [Russian colloquial speech (ed. by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev)]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 442–483. (In Russ.)
- Kapanadze L. A. [Ways of expressing evaluation in oral speech]. *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi* (otv. red. E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev) [Varieties of urban oral speech (E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev, eds.)]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 151–155. (In Russ.)
- Kapanadze L. A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and meanings. Selected works on the Russian language]. Moscow, 2005. 334 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of Russian colloquial speech]. Vol. 1. A – I, Vol. 2. K – O, Vol. 3. P – R, Vol. 4. S – T; ed. by L. P. Krysin. Moscow, YASK Publishing House, 2014, 2017, 2019, 2021; Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. Compiler S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Nikishina E. A. [The dictionary entry FIGNYa, FIGOTEN', KhREN', KhRENOTEN', KhRENOVINA]. *Tolkovyyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of Russian colloquial speech]. Vol. 5. U–Ya; ed. by L. P. Krysin. Sankt-Petesburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022, in print. (In Russ.)
- Pestova A. R. [Change in the stylistic status of derogatory words based on lexicographic and corpus data]. *Russkaya Rech'*, 2021, no. 6, pp. 50–68. (In Russ.)
- Rozina R. I. ["Shifters" in colloquial speech]. *Znachenie – Text – Kultura. Prace ofiarowane Profesor Elzbiecie Janus*. Warszawa, 2014, pp. 105–110. (In Russ.)

Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170023737-9

АННОТАЦИЯ: Отсутствие системных научных исследований о вариантах ударения, используемых в узком профессиональном кругу, порождает большое количество «мифов» и ошибочных трактовок при попытках лексикографов описать этот участок акцентологической системы. Известно, что одной из ярких особенностей звучащей речи, используемой в профессиональном общении, является особое место ударения, отличное от нормативного: *áлкоголь, астрóном, атóмный, дóббыча, искрá, компáс, наркомáния, осóужденный, прúговор, шáсси*. Анализ различных произносительных словарей показывает противоречивость информации, приписываемой профессиональным произносительным вариантам. Происходит смешение двух разных явлений. Одни факты действительно относятся к сленгу как профессионально ограниченному способу звукового оформления общенародных слов: например, медики произносят *áлкоголь, манíя, фобíя* и др., шахтеры *рúдник, дóббыча*, физики *атóм*. Но под определение *профессиональное* попадают и те случаи, которые не относятся к речи людей, объединенных общностью профессии, а являются просторечными вариантами, свидетельствующими о недостаточном культурном уровне говорящего. Так, например, словоформа *блюдá*, трактуемая в некоторых словарях как вариант, свойственный «профессиональному общению поваров, официантов и др.», или вариант *мáльчиковый*, рассматриваемый некоторыми авторами как профессиональный вариант в речи продавцов. Необходимы представительные социолингвистические эксперименты, что позволит не только

выявить реально функционирующие в живой речи профессиональные варианты, но и отделить их от других языковых явлений. Результаты подобных исследований несомненно приведут к резкому уменьшению в словарях вариантов с пометой *профессиональное*, а количество запретительных помет увеличится за счет маркирования просторечных и устаревших вариантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русское произношение, варианты произношения, словари, нормативные варианты, профессиональные варианты

для цитирования: *Каленчук М. Л.* Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность // *Русская речь*. 2022. № 6. С. 63–70. DOI: 10.31857/S013161170023737-9.

Issues of Modern Russian Language

Professional Pronunciation Variants: Myths and Reality

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: It should be noted that the lack of systematic scientific research on stress variants used in a narrow professional circle generates a large number of ‘myths’ and erroneous interpretations when lexicographers try to describe this section of the accentological system. It is known that one of the striking features of sounding speech used in professional communication is a special place of stress, different from the normative one: *álkogol’*, *astrónom*, *atómnyi*, *dóbycha*, *iskrá*, *kompás*, *narkomaníya*, *osúzhdennyi*, *prígovor*, *shássi*. The analysis of various pronouncing dictionaries shows the inconsistency of the information attributed to professional pronouncing variants. There is a mixture of two different phenomena. Some cases can be related to professional slang: for example, doctors pronounce *álkogol’*, *maníya*, *fobíya*, etc., miners *rúdnik*, *dóbycha*, physicists *atóm*. However, sometimes the words that should be marked as ‘sub-standard language’ are attributed to the professional slang category. For example, the word *blyudá*, interpreted in some dictionaries as a variant peculiar

to 'professional communication of cooks, waiters, etc.' or *mál'chikovyi*, considered by some authors as a professional variant in the speech of sellers.

Representative sociolinguistic experiments could allow not only to identify professional variants that actually function in live speech, but also to separate them from other linguistic phenomena. The results of such studies will undoubtedly lead to a sharp decrease of variants with the professional mark in the dictionaries, and the number of prohibitive litters will increase due to the labeling of colloquial and obsolete variants.

KEYWORDS: Russian pronunciation, pronunciation variants, dictionaries, normative variants, professional variants

FOR CITATION: *Kalenchuk M. L. Professional Pronunciation Variants: Myths and Reality // Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 63–70. DOI: 10.31857/S013161170023737-9.*

1. Известно, что национальный язык является сложной системой, в состав которой входят устный и письменный варианты литературного языка, территориальные и социальные диалекты, просторечие. Описывая социальную дифференциацию языка, обычно выделяют различные социолекты (варианты языка, страты) — совокупности языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе — профессиональной, сословной, возрастной и т. д. Профессиональные языковые синонимы общенародных единиц используются людьми, которых сближает общее дело, одна специальность. Для обозначения профессиональных подсистем употребляются термины: *профессиональные языки, профессиональные говоры, профдиалекты* и др.

Специфика профессиональной речи в основном проявляется в лексике и (в гораздо меньшей степени) в произношении. Одной из ярких особенностей звучащей речи, используемой в узком профессиональном кругу, является особое место ударения, отличное от нормативного: *álкоголь, астрóном, атóмный, дóбыча, искрá, компáс, наркомáния, осужденный, при́говор, шáсси* (нормативное *алкогóль, астронóм, áтомный, íскра, кóмпас, наркомáния, осуждённый, приговóр, шассí*) и мн. др.

К сожалению, в отечественной науке нет серьезных исследований по проблеме профессионального ударения ни на описательном, ни на теоретическом уровне. А между тем этот участок звуковой системы русского языка ставит целый ряд вопросов, ответы на которые весьма неоднозначны.

2. Орфоэпические словари, сообщая информацию о месте ударения в слове, отмечают особые варианты ударения, характеризующие профессиональную сферу употребления. При этом авторы «Орфоэпического

словаря русского языка» под ред. Р. И. Аванесова замечают, что пометы, связанные с профессионально ограниченными акцентологическими вариантами, «даются в словаре на основе известного количества зафиксированных фактов, за исчерпывающий характер которых составители не могут ручаться», например, **дубля́ж**, -а // в профессионал. речи дубля́ж; **аммиа́к**, -а // у химиков аммиака́; **фле́йтовый** // у музыкантов флейто́вый и т. д. [Аванесов (ред.) 1983: 6].

Анализ различных произносительных словарей показывает противоречивость информации, приписываемой профессиональным звуковым вариантам. Как известно, под профессиональными вариантами ударения понимаются такие произношения, особое ударение в которых принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Подобные акцентологические варианты не являются нормативными, они по сути дела относятся к профессиональному сленгу. Но современный словарь ударений должен фиксировать подобные факты и давать им оценку. И тут возникает определенная проблема: массив примеров, традиционно относимых словарями к профессиональным, состоит из двух совершенно разных групп. Одна из них действительно относится к сленгу как профессионально ограниченному способу звукового оформления общенародных слов. В таких случаях особый код, используемый людьми одной специальности, является своеобразным сигналом узнавания «своего». Так, например, медики произносят *а́лкоголь*, *ма́ния*, *фо́бия* и др., шахтеры *ру́дник*, *до́быча*, физики *ато́м*, *ато́мный вес*, астрономы называют себя *астро́номами*. Но под определение профессиональное попадают и те случаи, которые не относятся к речи людей, объединенных общностью профессии, а являются просторечными вариантами, свидетельствующими о недостаточном культурном уровне говорящего. Так, например, словоформа *блю́да* (нормативное *блю́да*), трактуемая в некоторых словарях как вариант, свойственный «профессиональному общению поваров, официантов и др.» [Резниченко 2008: 51], или вариант *ма́льчиковый* (нормативное *мальчи́кóвый*), рассматриваемый некоторыми авторами как профессиональный вариант в речи продавцов [Соловьева 2008: 10]. Если использование профессиональных вариантов связано с потребностью подчеркнуть принадлежность к определенной социально ограниченной группе людей, то появление просторечных акцентологических вариантов указывает на низкий культурно-образовательный уровень человека.

А можно ли разработать процедуру, позволяющую определить, является ли тот или иной акцентологический ненормативный вариант действительно профессиональным или просторечным? Как кажется, алгоритм должен быть следующим: если функционирование определенного варианта ограничено общением людей одной специальности и не используется за пределами этого круга людей, то это профессионализм.

Так, например, *наркомания* и *клаустрофобия* не говорят не медики. А вот произношение *скоростя́*, *шоферá*, которые приписывают речи автолюбителей [Резниченко 2018], употребляют недостаточно образованные люди разных специальностей, следовательно, это не профессиональные варианты, а просторечные, нелитературные.

Проиллюстрируем это примерами из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru):

- 1) Теперь уже, садясь в лодку, он приторачивал свою мичманку ремешком под подбородком, говоря при этом с серьезной гордецей: «Не то ветром сорвет, *скоростя* теперь вон какие!» (из речи моряка).
- 2) Так он из наших коров враз чемпионов наделает, такие *скоростя* не всякий конь дает... (из речи колхозника).
- 3) Работал он не спеша, подметал со вкусом, бормотал под нос: «*Скоростя* с метлой в руках никому не нужны» (из речи дворника).

3. Словари используют разные типы помет, отмечая профессиональные варианты ударения: *проф.*, *спец.*, *у медиков*, *у юристов*, *в проф. общении* и т. д. При этом эти пометы могут использоваться в одном и том же словаре, и авторы не оговаривают, есть ли между ними разница и какая именно.

Например, в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Н. А. Еськовой [Еськова (ред.) 2015] используются следующие пометы: *профессион.* (*авиадиспетчерá*, *конструкторá*, *грейдерá*, *бамперá*, *бойлерá*, *вентилья́*, *вызова́*, *принтусá* и др.) и *в профессион. речи* (*брамселья́*, *промысла́*, *скульпторá*, *шоферá* и др.). Чем руководствуются авторы словаря, используя параллельно две эти пометы и не указывая, имеется ли между ними содержательное различие? Кроме того, некоторые профессиональные варианты ударения снабжаются одновременно и запретительными пометами разной степени строгости: *неправ. профессион.* (*áлкоголь*, *взводá*, *выходá*, *грузá*, *добыча*, *дорбдовый*, *краны́*, *лифты́*, *торта́*, *шáсси* и др.) и *не рек. профессион.* (*болéй*, *землечёрпальный* и др.). Как трактовать эту информацию? Запрет на употребление того или иного варианта произношения относится именно к профессиональной сфере общения? Или наоборот — вариант табуируется в непрофессиональном типе речи, а в ограниченном профессиональными рамками допустим? Это вызывает следующий вопрос — а профессиональные варианты ударения, не снабженные в словаре запретительными пометами, считаются литературными?

В отдельных случаях в [Еськова (ред.) 2015] имеются не просто указания на профессионально ограниченную сферу общения, а вариант ударения приписывается конкретной специальности: у медиков — *афазия́*, *ветеринария́*, *кардиография́*, *клаустрофобия́*, *клеттомания́*, *логопедия́*, *маммография́*, *томография́*; у химиков — *аммиака́*, *каучукá*; у моряков *мая́ка*,

боцманá, рапóрт; у музыкантов *флейто́вый* и т. д. Никаких объяснений тому факту, что произношение *скульпторá* называется просто профессиональным, а *боцманá* связано именно с речью моряков, не приводится.

Суммируя сказанное выше, можно заметить, что подача помет, связанных с профессионально ограниченными акцентологическими вариантами в [Еськова (ред.) 2015], выглядит непродуманной и во многом случайной. К сожалению, тем же грешат и другие акцентологические и орфоэпические словари.

4. В некоторых случаях пометой *профессиональное* отмечают слова, уже давно функционирующие как общенародные и, возможно, никогда и не имевшие социальной ограниченности в употреблении. Рассмотрим эту проблему на конкретном примере.

Различные произносительные словари, распределяя акцентные варианты *характёрный* — *харáктерный*, указывают, что первый вариант нормативный, а второй относится к профессиональному общению деятелей театра [Аванесов (ред.) 1983; Еськова (ред.) 2015; Резниченко 2008; 2018; Соловьева 2008 и др.].

Но современные толковые словари и некоторые другие квалифицируют соотношение между *характёрный* — *харáктерный* по-другому. В некоторых случаях лексикографы не видят «привязанности» одного из вариантов к профессионально ограниченной речи, считают, что оба акцентных варианта синонимичны. *Харáктерные* и *характёрные* роли — «типические роли людей, принадлежащих к определенной среде» [Ожегов, Шведова 2005: 860]. «*Характёрная* роль — то же, что *харáктерная* роль [Шведова (ред.) 2005: 1061]. В других лексикографических изданиях произношение *харáктерный* в указанном значении вообще не фиксируется: *характёрный* — «Отмеченный ярко выраженным социальным, бытовым, внешним своеобразием. *Характёрные* роли. *Характерный актер* (исполняющий такие роли)» [Евгеньева (ред.), 1984, т. 4, с. 593]. В «Большом толковом словаре русского языка» авторы разделяют слова *характёрный* и *харáктерный*, показывая, что они отличаются не только местом ударения, но и значением, то есть являются омографами. **Характёрный** — 1. Обладающий ярко выраженными своеобразными чертами. 2. Типичный, свойственный кому-либо, чему-либо. **Харáктерный** — в сценическом искусстве: свойственный определенному народу, эпохе, общественной среде; выражающий определенный психологический тип [Кузнецов (ред.) 2002: 1439]. Также рассуждает и М. А. Штудинер в «Словаре образцового русского ударения»: *характёрный* (типичный) — *характёрный* жест, *характёрная* черта; *харáктерный* (в сценическом искусстве) — *харáктерный* актер, *харáктерная* роль, *харáктерный* танец [Штудинер 2009: 527].

Анализ вышеприведенной информации позволяет высказать весьма неожиданное предположение. Авторы многих словарей смешивают ва-

рианты ударения, свойственные речи профессионально ограниченной части социума со словами, тематически привязанными к определенной жизненной, в том числе профессиональной сфере. Указание на то, что ударение *характерный* имеет отношение к сценическому искусству, не означает, что так произносят только деятели театра! Такое объяснение делает понятными некоторые весьма странные решения отдельных лексикографов. Так, например, в [Соловьева 2008] произношение *новорожденный* отнесено почему-то к речи акушеров, а вариант *каталог* — библиотекарей [Резниченко 2018]. И уж совсем фантастическая информация в последнем из указанных словарей — нормативному варианту *мышление* соответствует профессиональное ударение *мы́шление*, свойственное речи некоторых гуманитариев. Действительно, акушеры чаще других имеют дело с *ново-рожденными*, библиотекари с *каталогами*, гуманитарии достаточно часто пользуются термином *мышление*. Но из этого не следует, что ненормативные варианты характеризуют именно профессиональную речь этих людей, несмотря на то, что названные указанными словами реалии связаны с их профессиональной деятельностью. Неизвестно, проводились ли какие-либо исследования, позволяющие зафиксировать подобную информацию в словарях, но в научной литературе данных об этом не обнаружено.

Суммируя все сказанное выше о профессиональных вариантах ударения, необходимо заметить, что отсутствие системных научных исследований о вариантах ударения, используемых в узком профессиональном кругу, порождает большое количество «мифов» и ошибочных трактовок при попытках лексикографов описать этот участок акцентологической системы. Необходимы представительные социолингвистические эксперименты, что позволит не только выявить реально функционирующие в живой речи профессиональные варианты, но и отделить их от других языковых явлений. Результаты подобных исследований несомненно приведут к резкому уменьшению в словарях вариантов с пометой *профессиональное*, а количество запретительных помет увеличится за счет маркирования просторечных и устаревших вариантов.

Литература

- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С–Я, 1984. 782 с.
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, изд. 10, испр. и доп. / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, изд. 4, доп. М.: ИТИ Технологии, 2005. 944 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2008. 944 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2021. 368 с.
- Соловьева Н. Н. Как сказать правильно? Орфоэпические нормы русского литературного языка. М.: Мир и образование, 2008. 96 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2005. 1175 с.
- Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.

References

- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, Russkii Yazyk, 1983. 703 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms], 10-th ed., rev. and add. / S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, AST, 2015. 1008 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. V 4 t. 2-e izd., rev. and add. Moscow, Russkii Yazyk, 1981–1984. T. 4. 782 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Moscow, AST-PRESS, 2012. 1001 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb., Norint Publ., 2002. 1536 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], 4th ed., add. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2005. 944 p.
- Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow: AST-PRESS Kniga Publ., 2008. 944 p.
- Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. 5–9 kl. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2021. 368 p.
- Shtudiner M. A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya* [Dictionary of exemplary Russian accent]. Moscow, Airis-Press Publ., 2004. 576 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 1175 p.
- Solov'eva N. N. *Kak skazat' pravil'no. Orfoepicheskie normy russkogo literaturnogo yazyka* [How to say it correctly? Orthoepic norms of the Russian literary language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2008. 96 p.

Из истории русского языка

Некоторые особенности употребления слова *последний* в русском языке XVIII–XIX веков

Евгений Алексеевич Балашов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), eblshv@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170023738-0

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена употреблению слова *последний* в русском языке периода XVIII–XIX веков в сочетаниях, не характерных для современного русского языка. Рассматриваются такие сочетания, как *до последней возможности*, *до последних границ*, и подобные им. Автор исходит из предположения, что анализ нетривиальных контекстов позволяет лучше описать не только сочетаемостные возможности слова *последний*, но и его семантику для современного носителя русского языка. Так, на собранном материале можно видеть, что слово *последний* некогда имело и функции интенсификатора, причем лишённого негативной коннотации, возникающей, например, в сочетаниях типа *последнее дело*. Выдвигается предположение, что с появлением и развитием негативной коннотации слова *последний* связана замена его на квазисинонимичное слово *крайний*: *последние меры* → *крайние меры*, *последний срок* → *крайний срок*. В качестве материала использовались данные Национального корпуса русского языка, отдельное внимание уделяется текстам Ф. М. Достоевского, что мотивировано исследовательскими интересами автора. Слово *последний* у Достоевского используется, как правило, в сочетаниях *в/до последней степени X-а*, что позволяет автору фокусировать внимание читателя на ощущениях героев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XVIII века, русский язык XIX века, лексическая сочетаемость, фразеология, семантика, язык Ф. М. Достоевского

для цитирования: Балашов Е. А. Некоторые особенности употребления слова *последний* в русском языке XVIII–XIX веков // Русская речь. 2022. № 6. С. 71–80. DOI: 10.31857/S013161170023738-0.

From the History of the Russian Language

Some Features of the Use of the Word *Poslednij* ('Last') in the Russian Language of the 18th–19th Centuries

Evgenij A. Balashov, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), eblshv@yandex.ru

ABSTRACT: The article focuses on the use of the word *poslednij* (last, latest, least) in the Russian language of the 18th–19th centuries in combinations that do not seem typical for the modern native speakers, i. e., such as *do poslednej vozmozhnosti* (to the utmost, lit. to the last opportunity), *do poslednikh granits* (till the last breath, lit. to the last borders) and the like. The main assumption is that the analysis of non-trivial contexts can lead us to a better description of not only the combinatorial potential of the word but also its semantics for a modern Russian native speaker. So, as exemplified in the collected material, it can be seen that the word *poslednij* also used to have the intensifying function without any negative connotations, as, e.g., in combinations *poslednee delo* (the least [worst] thing). It is suggested that the negative connotation of the word *poslednij* which appeared and became more and more evident over time could motivate its replacement with the quasi-synonymous word *krajnij* (extreme, utter): *poslednie mery* (last measures) → *krajnie mery* (extreme measures), *poslednij srok* (deadline, lit. the last date) → *krajnij srok* (deadline, lit. the extreme date). The article uses data of the Russian National Corpus as the material, and pays special attention to the texts of F. M. Dostoevsky, which is motivated by the research interests of the author. Dostoevsky often uses the word *poslednij* in combinations

v/do krajnej stepeni X-a (to the last degree of X), which allows the author to focus the reader's attention on the characters' feelings.

KEYWORDS: Russian language of the 18th century, Russian language of the 19th century, lexical collocations, phraseology, semantics, Dostoevsky's individual style
FOR CITATION: Balashov E. A. Some Features of the Use of the Word *Poslednij* ('Last') in the Russian Language of the 18th–19th Centuries. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 71–80. 10.31857/S013161170023738-0.

Слово *последний*, как кажется на первый взгляд, не меняло своего значения в истории современного русского языка. В САР у слова *Послѣдній* выделяются только два значения [САР: 1014]: 1. *Послѣ всѣхъ слѣдующій; конечный, остальной*; 2. *Нижшій, худшій*. С некоторыми оговорками эти значения можно и считать основными — первое образует семантическое ядро слова, а второе предполагает коннотативное переосмысление первого (ср. представление качества *хороший* как условно дискретной шкалы, где первый — лучший, а последний — худший). В обоих значениях слово *последний* используется и современными носителями языка. Сегодня лексикографы фиксируют большее число значений этого слова как для языка XVIII века [Петрова (гл. ред.) 2011: 165–167], так и для русского языка XXI века [Герд (ред.) 2011: 88–91] — при сопоставлении разница между выделяемыми значениями оказывается несущественной. Но можно ли, руководствуясь только данными словарей, заключить, что слово *последний*, не меняя своего значения, сохранило и свою сочетаемость с XVIII века? Интуитивно ответ на этот вопрос должен быть положительным, однако, вопреки ожиданиям, в НКРЯ обнаруживаются и такие примеры, как:

- 1) *Все старание господина Голядкина было как можно плотнее закутаться, зарыться в шинель и нахлобучить на глаза шляпу до **последней** возможности* (Ф. М. Достоевский. Двойник. 1846);
- 2) *...хозяина, который в свою очередь уже совсем успел потеряться и сбиться с **последнего** толка после исполинских, но тщетных усилий разглядеть и упестрить разговор...* (Ф. М. Достоевский. Белые ночи. 1848).

Подобная сочетаемость аномальна и с точки зрения современных норм. Ср. примеры из того же автора, где сочетаемость представляется совершенно нормальной и сегодня, поскольку такие сочетания фразеологизованы и вполне могут считаться коллокациями [Баранов, Добровольский 2011: 67]:

- 3) *Усталость отняла у меня **последние** силы; глаза мои закрывались от слабости* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди. 1846);

- 4) Я разбил **последнюю** ее надежду (Ф. М. Достоевский. Белые ночи. 1848).

Итак, стоит рассмотреть функционирование слова *последний* в различных контекстах: описывая нестандартную сочетаемость этого слова с точки зрения современного носителя русского языка, можно выявить и значения, в которых оно сегодня не используется. Также для иллюстрации некоторых наших тезисов мы обратимся к текстам Достоевского, чтобы показать индивидуальные особенности использования этой лексемы.

Слово *последний* в большинстве случаев выступает как указатель, выделяющий объект, событие, человека, меру и т. п. из числа прочих по порядковому принципу, например:

- 5) Ее **последняя** статья меня очень увлекла.

Также *последний* может описывать и период времени, который, с точки зрения говорящего, все еще продолжается или представляется актуальным:

- 6) **Последнее** время мы часто гуляем в парке.

Таким образом, слово *последний* хорошо сочетается либо с дискретными объектами, либо с такими явлениями, которые в наивной картине мира традиционно делятся на части или фазы, например течение времени. Также можно выделить и контексты, имплицитно или эксплицитно включающие точку зрения говорящего, в которых допускается выделение последнего элемента не только до, но и после исчерпания перечня. Ср. следующие примеры:

- 7) Я помогу/помог вам в **последний** раз.
8) После того прозвенел/прозвонит **последний** звонок, дети покинули/покинут стены школы навсегда.
9) Сережа, как обычно, придет/пришел **последним**.

В примерах 7–9 говорящий знает или думает, что предстоящее или прошедшее событие больше никогда не повторится. В тех вариантах, где употреблено будущее время, мы имеем в виду *норму* в наивно-бытовом понимании, то есть ожидания говорящего, основанные на приобретенном и накопленном жизненном опыте. Так, в примере 7 говорящий сам «устанавливает правило», согласно которому готов помочь собеседнику один и только один раз (вне зависимости от того, сколько раз он помогал адресату сообщения до момента этого высказывания). В примере 8 говорящий руководствуется принятыми в обществе нормами, усвоенными из личного опыта. В примере 9 говорящий полагается на свой прошлый опыт и, зная привычку Сережи приходить последним, предполагает, что так и будет на этот раз.

Сочетаемость в разобранных выше примерах следует, как мы уже говорили, из основного значения слова *последний*. Рассмотрим такие примеры, где подобная логика нарушается.

- 10) *От этого зависит не только направление, но и самое существование Союза, демократические начала которого развились до **последних** пределов* (К. Д. Ушинский. О народности в общественном воспитании. 1856);
- 11) *Но человек, блуждая воображением, не только слишком увеличивает некоторые скорби и мучения, которых он при **последнем** конце дней своих не чувствует; но воображает еще и то, что случается с телом по совершенном отделении от него души* (С. Платонов [перевод трактата Е. Булгара с греческого]. Рассуждение против ужасов смерти. 1805);
- 12) *В наше время чувствительность доведена до **последнего** совершенства; она сделалась искусством, посредством коего женщины умеют казаться пригожее и любезнее* (Смесь // Вестник Европы, 1811);
- 13) *Правду многія хвалятъ, а къ себѣ въ домъ не пускаютъ; а и такія есть, которыя за нею до самаго конца слѣдуютъ, но когда уже правда къ **посльднему** страху придетъ, то первыя какъ ложныя други отъ нея отрицаются, а другія политики сказываютъ, будто бы они еѣ и не знаютъ* (С. С. Волчков. Придворной челоуѣкъ [перевод книги Грациана с французского]. 1742).

В первую очередь в примерах 10–13 привлекает внимание избыточность сочетаний слова *последний* с другими словами. Ощущение смысловой избыточности возникает потому, что понятие, сочетающееся со словом *последний*:

а. уже содержит в себе значение единичного объекта (ср. конец, предел);
б. включает в себя указание на границы, в рамках которых это понятие существует — например, концептуализирует превосходную степень чего-либо (ср. совершенство и т. д.), которая не подразумевает более детального членения;
либо это понятие употребляется в контексте, эксплицитно указывающем на одно из вышеперечисленных свойств а, б. Объяснить логику подобных употреблений, которой руководствовался носитель русского языка XVIII–XX веков, можно, если допустить, что слово *последний* имело свойство выступать интенсификатором, лишенным тем не менее негативной коннотации — ср. употребления, характерные для современного русского языка, где такая коннотация есть:

- 14) *Обирать бедных — **последнее** дело;*
- 15) *Даже **последний** подлец не стал бы поступать так.*

По всей видимости, появлением и развитием негативной коннотации слова *последний* и мотивировано табу на его употребление в речи суверенных людей или тех, чья деятельность связана с риском для жизни, тем же обусловлена замена его квазисинонимичным *крайний*. Кроме того, обратившись к внутренней форме слова *крайний*, легко видеть, что метафора, на основании которой осуществляется замена, предполагает концептуализацию объекта как имеющего края. Иными словами, осознает это говорящий или нет, но даже при использовании им эвфемизма *крайний* референтный перечень оказывается так или иначе исчерпанным. Особенность же такого употребления состоит в том, что, следуя логике образа, то, что оказывается «после крайнего», должно не продолжать перечень, а отсылать к новому. В этой связи можно привести несколько примеров устоявшихся коллокаций: *крайний срок*, *крайние меры*, *в крайней степени*, *в крайнем случае*. Характерно, что НКРЯ обнаруживает соответствующие сочетания со словом *последний* только для первых трех коллокаций, ср.:

- 16) *Более всех виноват дядя, выславший вам деньги целым месяцем позже **последнего срока*** (А. А. Фет. Мои воспоминания / Часть I. 1862–1889);
- 17) *Тогда я рѣшился на **послѣднюю мѣру**, то-есть кинулся къ хозяину и убѣдилъ его провести меня въ чуланъ другимъ ходомъ* (А. В. Дружинин. Заметки петербургского туриста. 1856);
- 18) *<...> надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игрой насильств и прихотей; чтоб по одному произволу власти никто из **последней степени** не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; <...> чтоб, следственно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим именем и преимуществами своего состояния* (Д. И. Фонвизин. Рассуждение о непременных государственных законах. 1778–1783).

Коллокация *в крайнем случае*, где *крайний* используется в значении ‘исключительный, не предполагаемый нормальным развитием событий’, встречается уже в XVIII веке, например, у Фонвизина:

- 19) *Сия умеренность распространялась и до государственных налогов. **В крайних случаях** зрели вы его прощающего все долги, когда почистал он поборы весьма тягостными* (Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию. 1777).

Предположительно, невозможность замены *крайний* на *последний* в примере 19 и обнаруживает основное различие между этими словами.

Приведенное выше рассуждение, как нам кажется, позволяет до некоторой степени объяснить и особенности сочетаемости слова *последний* в языке

XIX века, поскольку в его семантику входит и та сфера, которая покрывается словом *крайний* в современном просторечии и в ряду устоявшихся конструкций. Тем не менее даже при таком взгляде на проблему некоторые контексты из корпуса могут потребовать дополнительных комментариев.

В качестве иллюстрации рассмотрим примеры из Ф. М. Достоевского. Обращает внимание обилие примеров с использованием таких сочетаний, как *в последней степени, до последней степени*, и подобных им.

- 20) *Чувства мои обладают какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно так выразиться; моя натура терпелива до последней степени, так что взрыв, внезапное проявление чувств бывает только уж в крайности* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова. 1849);
- 21) *Тогда убитый, потрясенный Аркадий, никак не ожидавший подобной развязки, бросил все, всех докторов на свете, и пустился домой, в последней степени испуга за Васю* (Ф. М. Достоевский. Слабое сердце. 1848).

И действительно, несмотря на большую распространенность таких конструкций, характерную для стилистики XIX века в целом, Достоевский использует их ощутимо чаще. Если мы рассмотрим период с 1846 до 1880 гг. в НКРЯ, когда Достоевский писал свои произведения, то обнаружим 50 случаев употребления им подобных сочетаний, в то время как на все тексты этого периода приходится 199. Подобная частотность на фоне текстов современников автора позволяет говорить о характерной черте стиля Достоевского.

Когда речь идет о степени выраженности признака, качества; физического или душевного состояния, завершенности процесса, слово *последний*, как правило, не используется современными носителями языка. У Достоевского сочетание *последняя степень* могло использоваться именно в таких случаях. Заметим, что подобные сочетания есть и у других авторов XVIII–XIX вв.:

- 22) *Страсть, его увлекавшая, доходила сразу до последних границ, а от самой силы своей скоро обессилевала* (В. А. Соллогуб. Тарантас. 1845);
- 23) *Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет* (Д. И. Фонвизин. Недоросль. 1782).

Однако Достоевский использует подобные конструкции, по всей видимости, не просто как речевое клише, но для фокусирования внимания читателя на состоянии героев. Таким образом, пункт *в* (см. выше) получает у Достоевского функциональную нагруженность, ср. следующие примеры:

- 24) *Одним словом, халат был до последней степени грязен; но оценил я его вполне уже на месте* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома. 1862);

- 25) *Что ж касается Ежовикина, то он был в самой **последней степени** восторга* (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели. 1859);
- 26) *Тогда его гонитель, разгоряченный донельзя, вынул свой длинный батистовый платок и начал им выхлестывать из-под стола ребенка, присмирившего до **последней степени*** (Ф. М. Достоевский. Елка и свадьба. 1848);
- 27) *Marie дошла до **последней степени** страха за свою жизнь* (Ф. М. Достоевский. Бесы. 1871–1872).

В примерах 24–27 такие понятия, как *загрязненность*, *восторг*, *смирение* и *страх*, представляются как нечто, могущее быть разделено на *степени*, однако подобные качества обычно не представляются в настолько детализированном виде. Самое употребление Достоевским этой конструкции противоречит бинарной логике качества ‘быть грязным’. Тем не менее в языковом выражении для подобных качеств допускается градация ср.: *халат был **совершенно/полностью** грязен*, но речь в таком случае идет об уместности появления в таком халате, а не о степени его загрязнения, или также возможное *халат был еще **грязнее**, чем вчера*. То же можно сказать и об испытываемых героями чувствах: Ежовикин испытывал или не испытывал восторг; ребенок или присмирел, или нет; Marie или испытывала страх, или нет. У Достоевского указанные качества представляются как будто в виде шкалы, где *последняя степень* представляет собой естественный предел. Соответственно, по пересечении указанной границы должно произойти качественное изменение, которое будет иметь уже другое наименование и описываться иными лексическими средствами.

Существуют и другие контексты со словом *последний*, заслуживающие подробного рассмотрения. Для начала вернемся к примеру 1, где употреблена конструкция *до последней возможности*. Из контекста следует, что *возможность* здесь также представляется не как единичное явление, ср. *вдруг появилась возможность поехать за город*, но как одна из степеней действия *натягивания*, ср. *натянул шляпу до упора*. Подобные примеры аномальной сочетаемости, как 28–29, встречаются только у Достоевского:

- 28) *Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до **последней** стены дошел...* (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья. 1864);
- 29) *Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до **последней** желчи, но на таких условиях, в каких я вижу его, не хочу им быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать)* (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья. 1864).

Такие употребления можно рассматривать как собственно авторские фразеологизмы, созданные по продуктивной модели языка XIX века:

до *последнего X-а*, где вместо X допустима подстановка слова, напрямую или метафорически обозначающего состояние субъекта или объекта. Подобные индивидуальные способы заполнения вакантного компонента X и свидетельствуют о переосмыслении автором готовой языковой конструкции. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры из Достоевского, в которых прослеживается авторская рефлексия не только в отношении предмета рассуждения, но и самого языка:

- 30) *Социализм есть последнее, крайнее до идеала развитие личности, а не норма, то есть сознательно развитые единицы личностей, в высшей степени, соединенные тоже в высшей степени во имя красоты идеала, и дойдет до убеждения, сколько разумного, столько и всем человеком (то есть самого непосредственного), — что самое высшее распоряжение собой — это пожертвовать даже собой* (Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей. 1864–1865);
- 31) *Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал, следовательно, уж по одной логике, по одному лишь тому, что в природе все математически верно, следовательно, и тут не может быть иронии и насмешки, — есть будущая жизнь* (Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей. 1864–1865).

Если до сих пор слова *последний* и *крайний* маркировали степень проявления признака, то в примерах 30–31 автор рассуждает уже о самой личности, человеке, причем в положительном ключе, не затрагивая негативных коннотаций этих слов.

Подводя итоги этой небольшой статьи, заметим, что первой задачей было найти подтверждение высказанному в начале предположению о том, что существуют контексты, которые позволяют выявить дополнительные значения слова *последний*, что способствует его более подробному семантическому описанию. Кроме того, обнаружение и анализ подобных контекстов позволяют в определенной степени пролить свет на особенности лексической сочетаемости и употребления лексики в русском языке XVIII–XIX вв. Основываясь на таком, безусловно неполном, описании сочетаемостного потенциала отдельно взятого слова, мы можем сделать выводы также и об идиолекте конкретного носителя языка того времени, в данном случае крупного и значительного писателя.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 19. Порок — Пресс. М.: Наука, 2011. 710 с.

- Добровольский Д. О. Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус // Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 43–86.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
- Лихачев Д. С. Небрежение словом у Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Т. 2. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. С. 30–41.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Петрова З. М. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 19. (Пенат – Плангерд). СПб.: Наука, 2011. 239 с.
- САР – Словарь академии Российской. Ч. IV. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1793.
- Шарапова Е. В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского: Дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. М.: 2018. 229 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslang.ru/doc/diss/sharapova.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- Gracián B. *L'homme de cour, traduit & commenté par le sieur Amelot De la Houssaie* [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=JVf4lzGFO4gC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.05.2022).

References

- Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p.
- Dobrovolskii D. O. [Compatibility factors: semantics, pragmatics, usus]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 2 (10), pp. 43–86. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 750 p.
- Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language]. Vol. 19. Porok – Press. Moscow, Nauka Publ., 2011. 710 p.
- Gracián B. *L'homme de cour, traduit & commenté par le sieur Amelot De la Houssaie*. Available at: https://books.google.ru/books?id=JVf4lzGFO4gC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 05.10.2022).
- Likhachev D. S. [Dostoevsky's neglect of words]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 30–41. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 05.10.2022).
- Petrova Z. M. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Issue 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 239 p.
- Sharapova E. V. *Anomal'naya sochetayemost' intensifikatorov v yazyke F. M. Dostoevskogo*. Diss. kand. fil. nauk [Anomalous compatibility of intensifiers in the language of F. M. Dostoevsky. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 229 p. Available at: <http://ruslang.ru/doc/diss/sharapova.pdf> (accessed 05.10.2022).
- Shmelev D. N. *Sovremenniy russkii yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Vocabulary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 335 p.

Комар как вдохновитель и соавтор (на примере поэзии Г. Р. Державина, А. Парщикова, Ю. Арабова)

Ольга Игоревна Северская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

DOI: 10.31857/S013161170023739-1

АННОТАЦИЯ: В статье Комар рассматривается как сатирический персонаж, традиционно связанный в литературе и фольклоре с представлениями о вредоносности, жестокости, воинственности, жадности и бахвальстве и характерный как для поэзии XVIII века, так и для современных поэтических произведений. Анализируется образ Комара в заглавиях посвященных ему стихов Г. Державина, А. Парщикова и Ю. Арабова, определяется его ролевой, субъектный и объектный статус, категориальное значение имени. Рассматриваются также жанровые особенности и квазижанровая ироническая семантика похвального слова и оды Комару. Исследуются интертекстуальные связи этих «комариных» текстов, в которых комар предстает посланником эроса, зачинателем войны, воином и предводителем войска, противником в бою, вельможей и мучителем вельмож, тираном и жертвой одновременно, являясь в образе боевого корабля и самолета, бумеранга, сварочного аппарата и переломленной книги. Особое внимание уделяется мотивам кровосмещения, инцеста, находящим отражение в сплетении цитат и аллюзий. Автор приходит к выводу, что Комар может быть не только объектом поэтической рефлексии, но и субъектом множества поэтических высказываний, говорящим с поэтами одно и то же.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ комара; сатирическая поэзия; ода; похвала; заклинание; интертекстуальность; речевые и литературные жанры; заглавие

для цитирования: Северская О. И. Комар как вдохновитель и соавтор (на примере поэзии Г. Р. Державина, А. Парщикова, Ю. Арабова) // Русская речь. 2022. № 6. С. 81–93. DOI: 10.31857/S013161170023739-1.

The Language of Fiction

Komar ‘Mosquito’ as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parschikov, Yu. Arabov

Olga I. Severskaya, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

ABSTRACT: The article considers *Komar* (*a mosquito*) as a satirical character, traditionally associated with ideas of harmfulness, cruelty, militancy, greed and bragging in literature and folklore, which is characteristic of both 18th-century poetry and modern poetic works. The author analyzes the image of *Komar* in the titles of poems-dedications by G. Derzhavin, A. Parshchikov and Yu. Arabov, determines its roles, subject and object status and categorical meaning of its name. Furthermore, the article considers genre features and quasi-genre ironic semantics of the laudatory words and odes to *Komar*. The authors explore intertextual connections of ‘mosquito’ texts, where *Komar* is portrayed as a messenger of eros, a war initiator, a warrior and an army leader, an enemy in a battle, a nobleman and a tormentor of the nobles, a tyrant and a victim at the same time. It appears in the form of a warship and an airplane, a boomerang, a welding machine and a broken book. The study pays particular attention to the incestual motives, which are reflected in the interweaving of quotations and allusions. The author comes to the conclusion that *Komar* can be not only an object of poetic reflection, but also the subject of many poetic statements, projecting the same ideas as the poets.

KEYWORDS: image of the *Komar* ‘Mosquito’; satirical poetry; ode; praise; incantation; intertextuality; speech and literary genres; title

FOR CITATION: Severskaya O. I. *Komar* 'Mosquito' as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parschikov, Yu. Arabov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 81–93. DOI: 10.31857/S013161170023739-1.

Комару, занимающему одно из центральных мест в литературной и фольклорной энтомологии, посвящено множество культурологических работ (см. «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка» [Смирнов (ред.) 2020: 274–285, 303–336]; [Иохельсон]; [Ожередов и др. 2020]) и филологических научных исследований [Смирнов (ред.) 2020]. В русской языковой картине мира *комар* становится символом малости и незначительности [Вознесенская 2013: 100]. Его образ характерен для русской сатирической литературы XVIII–XIX вв. (в частности, для поэзии А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина и басен И. А. Крылова), где комару приписываются аллегорические значения «малого, ничтожного, вредящего большому и значительному» и «гротескного несоответствия малых размеров и огромного самомнения, бахвальства, гордыни» [Супрунова 2020: 48, 51], а сам он имеет статус вредного насекомого. В литературе XIX–XX вв. комар уже нередко героизируется и романтизируется (достаточно вспомнить оборачивающегося комаром князя Гвидона из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина, героя-комарика, одерживающего победу над Пауком в «Мухе-Цокотухе» К. И. Чуковского, романтические образы комара в поэзии О. Мандельштама, С. Есенина, В. Набокова, В. Высоцкого, Б. Окуджавы и др. [Смирнов (ред.) 2020: 35, 86–99, 150–153; Комар]).

Идею поиска корреляций между представлением комара в поэзии XVIII и XX вв. подсказало «Закливание комара» Ю. Арабова, в котором содержатся отсылки как к другу-современнику, так и к великому предшественнику: комара, который его «всю ночь *по-державински*, не спеша, пускал <...> в дело», автор «заклинает <...> *Парщиковым*». Посмотрим, как с этим текстом могут быть связаны «Похвала комару» Г. Р. Державина и «Комар» А. Парщикова.

Первое, что обращает на себя внимание: у Г. Р. Державина *Комар* — это фактически имя собственное, статус придает имени прописная буква, у А. Парщикова и Ю. Арабова *комар* пишется со строчной — как имя нарицательное, т. е. имя класса и его типичного представителя одновременно, что уже придает образу оттенок архетипичности. Второе, что следует учесть: во всех трех текстах комар появляется сразу, в заглавии, которое определяет и его отношения с автором и текстом, и жанр высказываний об этом персонаже.

Как известно, заглавие рассматривается и как номинативная единица, «имя текста», своего рода пароль, обеспечивающий доступ к содержанию, и как предикативная, высказывание о тексте, в образном плане представляющее его как метафора или метонимия [Веселова 1998: 4–6, 9; Хорева 2017: 18]. Одновременно заглавие представляет собой «ключевой знак авторского присутствия в тексте», будучи «определенным культурным и психолингвистическим кодом, напрямую связанным с мировоззрением автора» [Хорева 2017: 18, 22]. Это своего рода медиатор между автором и читателем, миром реальным и поэтическим: «Заглавие соотносит с некими внеположенными тексту явлениями сначала себя, а затем — через себя — и сам текст. В результате семантическая структура текста значительно усложняется за счет тех смыслов, которые заглавие привносит “извне”», — замечает Н. А. Веселова [Веселова 1998: 12–13], относя к «внетекстовой реальности» не только действительный мир и знание о нем, но и общекультурный контекст. Функцию связи с внешним миром и с миром текстов абсолютизируют, с точки зрения исследователей, заглавия в поэзии 1980–90-х [Веселова, Орлицкий 1998: 114; Колеватых 2008: 5]. При этом в современных заглавиях, сохраняющих функцию отсылки к жанру, «утверждаются и авторские иронические “квазижанры”, позволяющие выразить индивидуальные представления о мире» [Веселова, Орлицкий 1998: 116]. Это будем учитывать в дальнейшем анализе.

В «Похвале Комару» Г. Р. Державина жанр заявлен прямо. Похвала — один из литературных лирических жанров, бытовавший и в виде самостоятельных текстов, и как «малое жанрообразование» в форме похвальных слов, существующих как отдельные тексты, оформленные по законам риторики, внутри других произведений [Трофимова 2017: 78–79]. С лингвистической точки зрения «похвала — это тип речевого высказывания, посредством которого выражается положительная оценка действий и поступков адресата или результата его деятельности, а также оценка вещно-событийного мира человека», при этом «адресат <...> может быть как осведомлён относительно высокой ценности объекта, так и впервые проинформирован об этом говорящим», а похвала может быть прочитана и в «ироничном режиме» [Волынкина 2016: 200–201].

Для понимания истинного смысла «жанроуказующего» заглавия в нашем случае важно учесть и специфику державинских хвалебных поэм: «Новаторство Державина в оде проявилось прежде всего в том, что он создал, как уже говорилось, “забавный русский слог”. <...> Главным достижением Державина было разрушение межджанровых перегородок, соединение оды и сатиры, хвалебного, высокого начала с критическим, низким», — замечает Н. В. Батурина [Батурина]. «Похвала Комару» и была задумана Г. Р. Державиным и воспринималась его современниками как «сатира», о чем свидетельствовал Я. К. Грот, на которого ссылается

В. А. Западов: «Чрезвычайное обилие комаров над болотистым грунтом Званки на берегах Волхова подало Державину повод сказать о ней однажды: *Здесь царство комарье, Царица в нем Дарья*, т. е. жена его; этим же объясняется происхождение настоящей шуточной пьесы. Комар есть один из любимых предметов русского народного остроумия, как показывает множество относящихся к нему замысловатых поговорок и загадок, и у Державина встречаются здесь иногда образы, несколько сходные с теми, которые создала народная фантазия» [Западов 1957: 447]. По мнению В. А. Западова, своей «Похвалой Комару» Г. Р. Державин продолжает традицию пародирования, заложенную «вздорными одами» А. П. Сумарокова, «используя форму классицистической оды для создания бытового микрообраза» [Западов]. Объектом пародии становится буквально все: громоздкая форма, тяжеловесный метафорический язык, гиперболизм образов оды, ее каноническая трехчастная структура, ссылки на авторитет предшественников — Пиндара, Гомера, Вергилия, Ломоносова и др., идеализация героя с его последующим низвержением... И именно иронический, сатирический модус, наиболее востребованный при современном прочтении Г. Р. Державина [Полякова 2008], объединяет державинское «квазипохвальное» слово о Комаре с посвященными ему текстами А. Парщикова и Ю. Арабова.

У А. Парщикова «Комар» — это название одной из глав поэмы «Я жил на поле Полтавской битвы». Заглавие не содержит указания ни на жанр, ни на иронию. Однако и «похвальность» (в риторическом рисунке, высоком стиле обращений к герою, «наследившему» в высоких поэтических жанрах и сакральных топосах: *Ты, комар, звенел в поэме, в Петербурге, в Вифлееме*, героизации и романтизации насекомого — воина и мечтателя и т. п.), и ирония (в сопоставлениях высокого и низкого, образных — Лиги Наций и инцеста, правителя и зека и др., и стилистических — *жалил автора Аморес, не жалел свиньи в помоях*) имплицитно проецируются на заглавие текстом, где они на речевом уровне представлены эксплицитно. По жанру текст А. Парщикова — это метонимия от «Похвалы Комару» Г. Р. Державина, это уже не «квазипохвала», а косвенная «квазипохвала».

Ю. Арабов, создавая свое «Заклинание комара», избирает другой жанр: жанр ритуально-магической речи, который А. В. Сидоренко определяет (вслед за Н. И. Толстым и С. М. Толстой) как «прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме — требования, приказа, побуждения, просьбы, мольбы, предупреждения, запрещения, угрозы» [Сидоренко 2018: 264] и относит к «отгонным» текстам. Ирония Ю. Арабова связана не с жанром (он в прямом смысле слова отгоняет и «заклинает» своим текстом навязчивое насекомое), а с ситуацией, в которой автор оказывается наедине и вступает в бой, сражается с прототипом своего «героя». Но, как можно предположить, он иронически осмысливает и «квазипохвалу» комару, представляя свое «Заклинание» своего рода «антипохвалой».

Если у А. Парщикова комар в заглавии заявлен главным действующим «лиро-эпическим героем» — деятелем и с автором у него «партнерские» отношения, то у Ю. Араובה и Г. Р. Державина он, скорее, объект их поэтического внимания. Это распределение отражает и синтаксическая структура заглавий.

У А. Парщикова номинатив в заглавии соответствует позиции субъекта действия. Что касается Державина, то у него заглавие отражает субъектно-объектные отношения, возникающие между поэтом, автором «похвалы», и объектом его творческого поклонения, адресатом «похвального слова». Ю. Арабов же в структуре заглавия объединяет два «комариных» состояния: субъектное и объектное, этому способствует генитивная конструкция, делающая возможным видение комара и адресатом поэтических заклятий и молений (*Заклинаю тебя, <...> чтоб не летал*), и заклинателем поэтов и поэзии (*Это ты поэта сгубил, комар*).

Текст Г. Р. Державина, безусловно, нужно рассматривать как прецедентный по отношению к «комариным экзерсисам» А. Парщикова и Ю. Араובה. Хотя и сам мэтр кивает на Вергилия с его «Комаром»:

Стройся, лира, восхищенна,
Слышь Вергиля вновь, вселенна:
Я пою днесь комара!

и попутно сознается, что пишет «Похвалу Комару» в подражание, в деревне, для забавы, задавая шуточный, ироничный тон и призывая собратьев по перу последовать его примеру:

Стихотворцы! став парадом,
С лирами, с свирельми, рядом,
Чсть воздайте Комару,
И согласным восклицаньем,
Звоном, грохотом, бряцаньем,
В бубны бейте: туру-ру.

Жанр «Похвалы» предполагает восхваление вождей и воинов, в этих ипостасях у Г. Р. Державина Комар и является читателям.

Вспомнив про великана Микромегаса, поймавшего комаров, Г. Р. Державин пишет:

Я с гигантом рок ровняю,
С комарами — силы царств.

Комар у него то *алчбой крови — вождь известный* (ср. со звучащим в «Похвале» риторическим вопросом: *Не равняется ли чванством <...> С первым вождем сей герой?*), то *вельможа, что упал <...> из высоких вниз чинов*.

О. И. Северская. Комар как вдохновитель и соавтор (на примере поэзии Г. Р. Державина, А. Парщикова, Ю. Арабова)

O. I. Severskaya. *Komar* 'Mosquito' as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parschikov, Yu. Arabov

Вместе с тем комары «любезны» автору и тем, что досаждают вельможам: *Дают случай к дерзновенью Гордых целкать в нос и шлык*, а китайским мандаринам портят обед (и, кстати, этот мотив мы найдем и у Ю. Арабова, в его «Заклинании» комар отвечает перед Всевышним за то, что *испортил обед* поэту, ср. с *испортить обедню* 'помешать кому-л. в каком-то деле, навредить'):

Им рабы их на коленях
Подают там на ступенях
С насекомыми тьмы блюд.
Лица радостны их, взоры;
Сребро, золото и фарфоры
С комарами им несут.

Так возникает тема *тирана и жертвы*, которые меняются местами.

Что касается «военных похвал», то Комар у Г. Р. Державина *как Марс несется на войну и преславлен войной*, которую ведет весьма своеобразно:

Так, не храбрых воев свойством
И не личным он геройством
Города, страны берет;
Но лишь издали пужаньем,
Вводит в скуку, в страх жужжаньем
И врасплох всех кровь пьет.

В Комаре автор «Похвалы» видит и символ назойливых речей о героических победах:

А геройства звуку, грому,
Славы тщетныя содому
Точный образ есть Комар:
Зефир порхнет — к небу вьется,
Борей дунет — и свернется,
Он чудовище и пар.

(и этот *пар*, но, заметим на полях, уже в несколько другом значении, проникает и на парщиковское поле Полтавской битвы — комар там *паром вьется по стране с названьем "У"*).

Толпы комаров у Г. Р. Державина способны побеждать армии, перенося заразу, — известен факт ущерба, нанесенного армии Александра Македонского малярийными комарами, на который, возможно, и намекает автор (а современный читатель вспомнит о насморке, который называют причиной проигрыша Наполеоном сражения при Ватерлоо, или о стихах И. Шевчука, в которых насморк мешает Бисмарку победить французов и с которыми ассоциируется упомянутый Ю. Арабовым *поэт, что Бисмарка*

с насморком рифмовал). Сравниваются стаи комаров и с ордами татар, калмыков (Ю. Арабов подхватит этот мотив, сражаться с комарьём у него будет брjúквa, морквa).

Но ярче всего образ комариной стаи как духа войны, вырывающегося из бездны ада. Не случайна в этом контексте и ссылка на Мильтона, у которого в «Потерянном рае» на комариный рой походят ведомые Люцифером восставшие ангелы в борьбе с Богом. Хотя Комар может сражаться и на стороне светлых сил: у Г. Р. Державина *Комар агнца, мир сберег*, а поэт, в свою очередь, это *комар в райском чертоге*.

С Комаром в «Похвале» Г. Р. Державина связаны и другие библейские ассоциации, например, *комариная туча* спускается на землю, как *гнев небесной десницы на Египет*, а затем превращается в *огненный столп*, освещающий путь в землю обетованную.

Посмотрим, как мотив воинствующего комара развивают А. Парщиков и Ю. Арабов.

У А. Парщикова комар — зачинатель битв (*начинается война, комаровичей весна*), за которыми он наблюдает из поднебесья:

Ты, комар, висишь над битвой,
<...>
воин, поднятый на пиках,
на ногах своих великих
над сражением <...>,

или же комар принимает в битве участие:

паром вьется
в виде что ли пехотинца
энского полка эпохи
Северной войны,

а комариная лава летит над гуляющим Стокгольмом / казаком краеугольным, / к северному королю:

Он заглатывал пилюлю.
А вы перед монархом
вывели своим манером
кровеносную систему,
как разбитая об стену
вдрызг бутылка каберне, —
капля в каждом комаре!

Вы казались человеком
шведу...

У Ю. Арабова комар — тоже *зачинатель любой войны*, но этой констатацией поэт и ограничивается, военную тему напрямую не развивая. Однако подхватывает от Г. Р. Державина мотив комариной стаи, переносящей на крыльях дух войны из ада: *комар* для него — похоже, один из всадников Апокалипсиса:

Под утро
мой комар исчез,
оставив в воздухе след копыт.

Другие параллели обнаруживаются в трактовке образа комара как посланника эроса, идущего от мифологии, где комар ассоциируется с мужским началом.

Г. Р. Державин на это намекает, говоря, что комары делают возможным флирт, позволяя прикоснуться к ручке прелестницы:

У красавицы спесивой
Сметь с улыбкою учтивой
С нежной их согнать руки...

а вьющийся перед зарею столп комаров у него становится знаком:

Идти девам в хороводы,
Воспевать любви их жар.

У Ю. Арабова комар кусает уже

мужчин — в запястья,
а женщин — в плечи
и бедра,
надрезанные, как арбуз.

А. Парщиков же превращает комара в любовника Марфы Кочубей (вспоминая о «кровосмесительной» связи Мазепы с крестницей):

Умирал — но обожая
Марфу. Губы освежая
Марфой,

и делает изящную отсылку к «Искусству любви» Овидия (комар у него *жалил автора «Аморес»*).

Совокупление, кровосмешение — это черты образа комара, отражающего его сущность, у всех троих авторов.

Как же выглядит комар в трех текстах?

Г. Р. Державин утверждает: «Ты, Комар, во всем *Схож с военным кораблем*» —

Ты на парусах летаешь,
Страшны громы испускаешь,
Жжешь свирепо и язвишь;
Ты снабжен кормой и носом
И с предлинным тож насосом
Часто на мелях сидишь,
Грязнув в патоке, в сметане,
И на зимнем твоём стане
Замерзаешь тож, как он;
А тепло лишь дхнет весною,
Ты попутною порою
Сам средь моря фараон!

У А. Парщикова *комар* превращается в *воздушный корабль* — треугольный самолетик. У Ю. Арабова он напоминает формой бумеранг, *переломленный в середине, как книга*, он идет *в пике*, как самолет, но под утро его образ «причаливает к земле»:

В дюнах варяжских гнили
баркас, что к берегу был прикручен,
да *лодка* в две деревянные силы
своих уключин.

Переломленная книга упомянута Ю. Арабовым не случайно: во всех трех текстах — масса отсылок к чужим произведениям, имен писателей (лирическому герою Ю. Арабова, например, снится сон о божьем суде над поэтом и комаром, явленный в перифразах стихотворения «На смерть поэта» М. Ю. Лермонтова), рассуждений о комаре как вместилище образов.

Г. Р. Державин, для кого *песни вечно будут Эхом звучным комара*, размышляет, позволять ли поэзии видеть в комарах души, витающие в вечности, — в том числе и души вещей, воплощающихся все в новых образах. Всеохватность державинского образа Комара отмечает и В. А. Западов: «Оказывается, что мир движется комаром (*И предтеча всем — Комар*)» [Западов].

Для А. Парщикова *комар* — *мечтатель* и *переключатель* поэтических фантазий, он *всему эквивалентен, пустотами несметен*:

В комаре ли, в Вавилоне,
свиты тысячи мелодий,
кровь правителя и зека,
лошади и человека,
Лига Наций наш комар,
он — инцест, пунцовый шар!

У Ю. Арабова комар летает *с рукояткой сварщика*, и тексты правда «свариваются» друг с другом во многих местах. Швы почти не видны. Но вот у Ю. Арабова *висят паутины / будто стекло расстреливали из рогаток*, а паутина снята даже не с текста Г. Р. Державина, а с его отсылки к Вергилию (заведя шуточный рассказ о комаре, тот *сплел покуда зачин, паутине тонкой подобный*). У Г. Р. Державина черная комариная туча превращается в «подсвещенный зарею столп». У А. Парщикова:

хором Солнце заслоняя,
как фата, сияет стая,
разворот и — черным крапом
вы качаетесь под небом, —

налицо обратное движение, и не только здесь наблюдается конверсия образа: у А. Парщикова *комар* вооружен *стилетом* и *поднят на пики*, у Г. Р. Державина сам *комар* — *пикинёр*.

И Ю. Арабов, и А. Парщиков предлагают нам ритмическую вариацию державинского стиха о комаре и стилизуют звучание лексики: у Ю. Арабова нет славянизмов, но появляется *морква* (старославянская родственница современной *моркови*), а А. Парщиков использует славянизмы *небеси* (*Что такое небеси? Закруглень на скруглень, точка, тачка без оси*) и *облак* (*Облак твой легко умел строить формы наших тел*).

Получается, что комар действительно перелетает из текста в текст, от автора к автору, перенося капельки добытой «крови» слов и стиха. И тем самым, представленный во всех заглавиях и сравниваемых текстах комар становится своего рода «соавтором» создаваемого за счет цитат и аллюзий интертекста.

Литература

- Батурина Н. В. Жанр оды в творчестве Г. Р. Державина [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/678333> (дата обращения: 01.08.2022).
- Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.
- Веселова Н. А., Орлицкий Ю. Б. Заметки о заглавии в русской поэзии 1980–90-х гг. // Арион. 1998. № 1. С. 114–120.
- Вознесенская М. М. Блоха в кармане да вошь на аркане. О насекомых в русской фразеологии // Русская речь. 2013. № 3. С. 97–104.
- Волынкина С. В. Ролевой репертуар оценочного жанра похвалы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 200–204.
- Западов В. А. Комментарий: Державин «Похвала Комару» // Державин Г. Р. Стихотворения / Под ред. Д. Д. Благого. Л.: Сов. Писатель, 1957. С. 447–448.

- Западов В. А. Трансформация жанра оды в поэзии Г. Р. Державина [Электронный ресурс]. URL: <https://students-library.com/library/read/45818-transformacia-zanra-ody-v-poezii-grderzhavina-raboty-avzapadova-o-derzavine> (дата обращения: 01.08.2022).
- Иохельсон В. И. Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах [Электронный ресурс]. URL: <https://yaranga.su/komari-gadi-1/> (дата обращения: 01.08.2022).
- Колеватых Г. М. Заглавие в русской поэзии 1980–1990-х гг. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2008. 19 с.
- Комар — не назойливое насекомое, а художественный персонаж [Электронный ресурс]. URL: <https://animalreader.ru/komar-ne-nazoilivoe-nasekomoje-a-hudozhestvennyj-personazh.html> (дата обращения: 01.08.2022).
- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А., Титу В. С. Комары в чукотской мифологии: к семантике мифологемы // Современная научная мысль. 2020. № 6. С. 165–172.
- Полякова Р. В. Г. Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 16–24.
- Сидоренко А. В. Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 261–277.
- Смирнов А. И. (ред.). Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 400 с.
- Супрунова Д. А. «Паук обедать позвал муху...» (вредные насекомые в русской басне... XVIII — первой половины XIX века) // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. С. 48–57.
- Трофимова Н. В. Похвала в древнерусском воинском повествовании // Русская речь. 2017. № 1. С. 78–84.
- Хорева Л. Г. Заглавие как знак авторской картины мира // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 16–24.

References

- Baturina N. V. *Zhanr ody v tvorčestve G. R. Derzhavina* [The genre of ode in the work of G. R. Derzhavin]. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/678333> (accessed 01.08.2022). (In Russ.)
- Iokhel'son V. I. *Naturalisticheskiy syuzhet o proiskhozhdenii komarov i drugikh gadov v sibirsko-amerikanskikh mifakh* [Naturalistic story about the origin of mosquitoes and other reptiles in Siberian-American myths]. Available at: <https://yaranga.su/komari-gadi-1/> (accessed 01.08.2022). (In Russ.)
- Khoreva L. G. [The title as a sign of the author's picture of the world]. *Novyi filologicheskiy vestnik*, 2017, no. 4, pp. 16–24. (In Russ.)
- Kolevatykh G. M. *Zaglaviye v russkoi poezii 1980–1990-kh gg.* Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Title in Russian poetry of the 1980–1990s. Abstract of cand. philol. sciences diss.]. Yelets, 2008, 19 p.

О. И. Северская. Комар как вдохновитель и соавтор (на примере поэзии Г.Р.Державина, А. Парщикова, Ю. Арабова)

O. I. Severskaya. *Komar* 'Mosquito' as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parschikov, Yu. Arabov

- Komar – ne nazoylivoe nasekomoe, a khudozhestvennyy personazh* [The mosquito is not an annoying insect, but an artistic character]. Available at: <https://animalreader.ru/komar-ne-nazoylivoe-nasekomoe-a-khudozhestvennyiy-personazh.html> (accessed 01.08.2022). (In Russ.)
- Ozheredov Yu. I., Yarzutkina A. A., Titu V. S. [Mosquitoes in Chukchi mythology: to the semantics of mythology]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2020, no. 6, pp. 165–172. (In Russ.)
- Polyakova R. V. [G. R. Derzhavin: to the concept of modern reading of poetic creativity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 2008, no. 7, pp. 16–24. (In Russ.)
- Sidorenko A. V. [Spell as a speech and folklore genre in children's speech]. *Slavyanskii al'manakh*, 2018, no. 1–2, pp. 261–277. (In Russ.)
- Smirnov A. I. (ed.). *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kul'tury i yazyka*. Kollektivnaya monografiya [The world of insects in the space of literature, culture and language. Collective monograph]. Moscow, Knigodel Publ.; Moscow State University Publ., 2020, 400 p. (In Russ.)
- Suprunova D. A. ["A spider called a fly for dinner ..."] (harmful insects in a Russian fable of the 18th – first half of the 19th century)]. *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kul'tury i yazyka. Kollektivnaya monografiya (otv. red. Smirnov A. I.)* [The world of insects in the space of literature, culture and language. Collective monograph (ed. by Smirnov A. I.)]. Moscow, Knigodel Publ.; Moscow state university Publ., 2020, pp. 48–57. (In Russ.)
- Trofimova N. V. [Praise in the Old Russian military narrative]. *Russkaya rech'*, 2017, no. 1, pp. 78–84. (In Russ.)
- Veselova N. A. *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The title of a literary text: ontology and poetics. Abstract of cand. philol. sciences diss.]. Tver', 1998. 24 p.
- Veselova N. A., Orliitskiy Yu. B. [Notes on titles in Russian poetry in the 1980–90s.]. *Arion*, 1998, no. 1, pp. 114–120. (In Russ.)
- Volynkina S. V. [Role repertoire of the appraisal genre of praise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2016, no. 2, pp. 200–204. (In Russ.)
- Voznesenskaya M. M. [Blokha v karmane da vosh' na arkane. About insects in Russian phraseology]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 3, pp. 97–104. (In Russ.)
- Zapadov V. A. [Commentary: Derzhavin "Praise to Mosquito"]. Derzhavin G. R. *Stikhotvoreniya* [Poems] / Ed. by D. D. Blagoi Leningrad, 1957, pp. 447–448. (In Russ.)
- Zapadov V. A. *Transformatsiya zhanra ody v poezii G. R. Derzhavina* [Transformation of the ode genre in the poetry of G. R. Derzhavin]. Available at: <https://students-library.com/library/read/45818-transformacia-zanra-ody-v-poezii-grderzhavina-raboty-avzapadova-oderzhavine> (accessed 01.08.2022). (In Russ.)

Синтаксис пейзажа в цикле И. А. Бунина «Тень птицы»

Ольга Александровна Селеменова, Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина (Россия, Елец), o.l.semeneva2011@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170023740-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается синтаксическая организация пейзажей в цикле «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы». Отмечено, что для создания пейзажных зарисовок писатель использует определенные синтаксические структуры: номинативные предложения с собственно-бытийной и предметно-бытийной семантикой, глагольные безличные предложения со значением ольфакторного восприятия мира, двучленные сложносочиненные предложения с соединительно-результативными отношениями между частями и некоторые другие. Синтез подобных синтаксических единиц обеспечивает смену объективного характера пейзажа на субъективный, статичного на динамичный, медитативного на одухотворенно-восторженный, создание антиномичного, контрастного пейзажа, соединение масштабности изображаемого, общих планов с акцентуацией конкретной детали. Установлено, что в анализируемом бунинском цикле разным сюжетно-композиционным типам пейзажей соответствуют разные синтаксические доминанты. Так, для пейзажей-завершений характерны ряды повествовательно-восклицательных предложений, для пейзажей-ретардаций — эллиптические предложения; пейзажи-экспозиции формируются преимущественно за счет простых предложений, осложненных однородными составными именными сказуемыми, и двучленных бессоюзных сложных предложений с перечислительными отношениями, а пейзажи-мотивировки — сложносочиненными предложениями с соединительно-перечислительными и соединительно-результативными смысловыми отношениями, бессоюзными многокомпонентными предложениями несгруппированной структуры и сложными синтаксическими конструкциями с бессоюзием

и сочинением, бессоюзием и подчинением. В цикле «Тень птицы» пейзажные зарисовки выступают значимыми коммуникативно-эстетическими единицами текста, в которых выражается свойственная художественному сознанию И. А. Бунина чувственность и конкретность в восприятии мира, а также динамичность, красочность и любовь к чуждой экзотичности в изображении окружающей действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиостиль И. А. Бунина, пейзаж, синтаксис прозаического текста, структурно-семантические типы предложений, синтаксическая доминанта

для цитирования: Селеменова О. А. Синтаксис пейзажа в цикле И. А. Бунина «Тень птицы» // Русская речь. 2022. № 6. С. 94–105. DOI: 10.31857/S013161170023740-3.

The Language of Fiction

Landscape Syntax in I. A. Bunin's Cycle "The Bird's Shadow"

Olga A. Selemeneva, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), ol.selemeneva2011@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of syntactic organization of I. A. Bunin's texts. The aim of the work is to describe the features of the landscape syntax of eleven 'travel poems' of 1907–1911, included in the writers's cycle 'The Bird's Shadow', and to identify the syntactic dominants of various compositional and plot types of Bunin's landscape. As a result of the conducted research, it is established that in his landscapes I. A. Bunin regularly uses these structural and semantic types of sentences: nominative sentences with proper-being and subject-being meanings; verbal impersonal sentences with the meaning of olfactory perception of the world; binary complex sentences with connective-productive relations; multicomponent asyndetic complex sentences with enumerative semantic relations, and some others. It is noted that in different plot-compositional types of landscapes (for example, exposition landscape, completion landscape, retardation landscape and motivation landscapes) Bunin as a prose writer uses different syntactic

dominants. Due to the synthesis of various syntactic units the writer constantly changes the objective landscape to a subjective and measured, meditative tone to the soulfully-enthusiastic. The above mentioned syntactic structures help to create antinomic, contrasting landscape, as well as ensures the merging of the long shot picture and a close-up, with the accentuation of specific details. The article reveals that in the analyzed Bunin's cycle, different plot-compositional types of landscapes correspond to different syntactic dominants. Thus, completion landscapes are characterized by rows of narrative-exclamatory sentences, retardation landscapes — by elliptical sentences. Exposure landscapes are formed mainly due to simple sentences complicated by homogeneous compound nominal predicates, and binomial asyndetic complex sentences with enumerative relations. Motivation landscapes are formed by compound sentences with connective-enumerative and connective-resultative semantic relations, asyndetic multicomponent sentences of an ungrouped structure and complex syntactic structures with an asyndetic coordination or asyndetic subordination. In the cycle 'The Bird's Shadow' the landscape sketches are important communicative and aesthetic units of the text, which express the sensuality and concreteness in the perception of the world of I. A. Bunin's artistic consciousness, as well as dynamism, colorfulness and love of exoticism in his image.

KEYWORDS: I. A. Bunin's idiosyncrasy, landscape, syntax of prose, structural-semantic types of sentences, syntactic dominant

FOR CITATION: Selemenewa O. A. Landscape Syntax in I. A. Bunin's Cycle "The Bird's Shadow". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 94–105. DOI: 10.31857/S013161170023740-3.

С момента выхода в советском и зарубежном литературоведении первых монографий об И. А. Бунине (В. Н. Афанасьев, О. Н. Михайлов, А. А. Волков, С. Крыжицкий) прошло более полувека, однако самобытность его художественного сознания и дара до сих пор вызывает неизменный интерес филологов. Эволюция авторского мировоззрения в контексте эпохи и своеобразии творческого метода писателя, особенности стиля и сегментная структура текстов, жанровая морфология и жанровые новации — далеко не полный перечень рассматриваемых учеными вопросов.

В фокусе именно лингвистических исследований регулярно оказывается язык художественных текстов писателя, те конкретные единицы, средства, приемы поэзии и прозы, которые создают индивидуально-

авторскую картину мира, играют заметную роль в экспликации «голосов» персонажей и повествователя, служат репрезентантами ключевых мотивов, тем, идей эстетико-художественной системы. Например, блоки ассоциаций и звукоподражания, антропонимы и топонимы, лексика свето- и цветообозначений, диалектизмы, эмоционально-оценочные глагольные формы, качественные наречия, морфемные повторы, сложные имена прилагательные и т. д. Однако при всем многообразии работ, посвященных идиостилю И. А. Бунина [Николина 1990, 1994; Коренькова 2003; Краснова 2005; Курносова 2009; Павлюченкова 2011, 2018 и многие другие], синтаксическая организация текстов художественного и публицистического наследия писателя остается малоизученным феноменом, хотя именно «синтаксическая конструкция как форма существования смысла ограняет его, делает возможным его понимание» [Герасименко 2020: 10].

Одним из первых синтаксисом произведений И. А. Бунина заинтересовался пионер советского периода исследования текста И. А. Фигуровский [Фигуровский 1970]. Он указал на наличие в новеллах бунинского цикла «Темные аллеи» синтаксических конструкций, достигающих большого размера и используемых исключительно в открывающей позиции при описании героя, места или времени действия [Фигуровский 1970: 63–64]. Тяготение И. А. Бунина к многокомпонентным предложениям с разными видами связи при создании портрета персонажа отмечает и Н. А. Родионова [Родионова 1999: 184]. Как средство ритмизации прозаического бунинского повествования И. А. Ефремов рассматривает простые предложения, осложненные рядами однородных членов, обособленными определениями, а также сложные предложения, построенные по принципу контраста [Ефремов 2012: 96–99]. Т. А. Павлюченкова указывает на усиление экспрессивности поэтических текстов И. А. Бунина за счет восходящего еще к гоголевской традиции приема регулярного расчленения атрибутивных словосочетаний [Павлюченкова 2018: 47–48]. Т. Е. Шаповалова характерной чертой индивидуально-авторской манеры Бунина-поэта считает использование расчлененных и нерасчлененных номинативных предложений [Шаповалова 2020: 61].

Наш интерес к особенностям синтаксической организации пейзажей «путевых поэм» 1907–1911 гг., вошедших в сборник «Тень птицы», обусловлен тем, что И. А. Бунин всегда считался мастером пейзажной живописи, в произведениях которого пейзаж, занимая значительную часть художественного пространства, выполняет не только текстообразующую функцию, но и выступает «объектом эстетического отношения» [Зеленцова 2013: 167]. Своеобразие жанровой поэтики произведений цикла «Тень птицы» — синкретизм литературного путешествия и прозаической поэмы — изначально предполагает широкое использование пейзажных зарисовок, обеспечивающих целостность как отдельно взятого очерка, так

и всего цикла в целом. Пейзажи в пространственно-временной организации цикла «Тень птицы» включают картины первозданной природы, окультуренной природы (преображенная человеком природа, различные природно-предметные комплексы), городов (городские пейзажи), имеют разный объем, отличаются местом в сюжетно-композиционной структуре конкретного произведения.

В анализируемом цикле «Тень птицы» пейзажи часто выстроены строго вертикально, поскольку «путь бунинского путешественника “по морю”, начало которому положил одесский порт, един, непрерывен и устремлен в небо...» [Пращерук 1999: 31]. Небесно-земная вертикаль позволяет к основным объектам изображения отнести небо, воздух, землю, море, солнце, город. Лексемы, номинирующие перечисленные объекты, становятся ключевыми, обеспечивающими глобальную связность пейзажных единиц за счет формирования посредством ситуативно связанных с ними слов определенного смыслового контекста. Например, *небо* — облака, закат, рассвет, звезды, простор, Большая Медведица, Млечный Путь и др.; *море* — вода, даль, корабль, пролив Босфор, Эгинский залив, волны, Нил, канал, порт и др.; *город* — Стамбул, Афины, Каир, Иерусалим, Яффа, запах, суета, тишина, улица, мечеть, сады, храм, минарет, площадь, крыши и др. Так писатель не только детализирует маршрут путешествия по Ближнему Востоку, фиксирует его знаковые точки, но и реализует принцип космической целостности изображаемого внешнего мира.

Бунинский пейзаж «путевых поэм» характеризуется рядом специфических черт. Прежде всего он чрезвычайно изменчив: в закатных лучах солнца и полумраке ночи таинственный, волшебный, немного размытый, на рассвете — прозрачно-дрожащий, наполненный тишиной и влажной свежестью, днем — яркий в многообразии красок, звуков, запахов. Динамику пейзажа, изображение непостоянства наблюдаемого героем-повествователем обеспечивают двучленные сложносочиненные предложения с соединительно-результативными отношениями, в которых вторая часть называет свойство, состояние объекта, ставшее следствием состояния или явления, указанного в первой части: *А потом я смотрел на Саронскую долину, вдоль которой мы шли на север. Все смутней и печальней становилась долина. Солнце погасло, и вода у берегов стала тяжелой, кубовой* [Бунин 1987: 557]; *Солнце село, и, как всегда на Востоке, стало на минуту особенно светло. И в этом странном свете без солнца, в пространстве, как бы лишенном воздуха, резко обожженные красноватым загаром колонны вдруг приобрели ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту* [Бунин 1987: 582] и др.

Средством документальной фиксации сиюминутных впечатлений повествователя выступают простые двусоставные предложения с простыми

глагольными сказуемыми, обычно находящимися в препозиции к подлежащему. Такие конструкции номинируют самые разные экстралингвистические ситуации: существования или перемещения объекта, проявления его свечением, изменением температуры, исчезновением или появлением, положением в пространстве и т. п.: *До земли висели ветви мимоз. Высоко возносились в пламенный воздух, в пыльно-серебристое небо пальмы. Накалялись цветники* [Бунин 1987: 537]; *А налево, до нежно-туманной сини Принцевых островов, и впереди, до еще более туманных гор Азии, все шире разбегались сияющие среди утреннего пара заливы. Над их необозримой гладью кое-где висели дымки невидных пароходов...* [Бунин 1987: 517] и др.

В цикле «Тень птицы» происходит постоянная смена объективного пейзажа на субъективный, что хорошо прослеживается на примере употребления двусоставных предложений со значением бытия признака объекта. При создании объективного пейзажа в таких конструкциях И. А. Бунин использует сказуемые именного типа (часто однородные) с нулевой связкой и присвязочной частью, морфологически представленной именами прилагательными, причастиями и предложно-падежными формами, а субъективного — сказуемые именного типа с полужнаменательной связкой *кажется*, подчеркивающей эфемерность, зыбкость увиденного. Ср.: *Мечети плечисты, полосаты, как абаи, все в огромных и пестрых куполах-тюрбанах. Минареты высоки, узорны и тонки, как пики* [Бунин 1987: 530]. — *Ночью, при звездах, старые деревья во дворе казались сказочны-высоки и ветвисты. Теперь они принимают обычные очертания* [Бунин 1987: 569]. Усиление субъективного характера пейзажа происходит при осложнении простых предложений различных структурно-семантических типов вводно-модальным словом *кажется*: *Кажется, близок рассвет! Кажется, стихает, замирает бред и топот вокруг* [Бунин 1987: 568].

Сочетание картин общего плана и крайне детализированных — еще одна характерная черта бунинского пейзажа рассматриваемого цикла. Двучленные и многокомпонентные бессоюзные сложные предложения с перечислительными смысловыми отношениями (реализуется преимущественно значение одновременности явлений, признаков, состояний) и синтаксическим параллелизмом строения помогают писателю запечатлеть общие планы картин природы и городов, охватывая значительное по объему пространство по горизонтали и вертикали: *Чист и силен предвечерний свет, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы в садах и виноградниках. ...Бледный серебристый свет их стоит над далеким мертвенно-бледным морем. Бледные пески долины мерцают как бы манной* [Бунин 1987: 562]. Созданию таких масштабных пейзажей способствуют и номинативные предложения с собственно-бытийным и предметно-бытийным значениями, контекстуально неполные двусоставные предложения и эллиптические

предложения со значением бытия объекта: *Я на темени Иудеи... <...> Застывшие перевалы, глубокие долины, куполообразные холмы... За мной, в закате, — оливковые рощи и раскиданные по холмам здания: католические приюты, школы, госпитали, виллы. На севере, на горизонте, — четкий известковый конус, гора Самуила* [Бунин 1987: 542]; *С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. С юга — желто-серые филитимские пески. На востоке — знойно-голубой мираж Иудеи. Там, за горами, — Иерусалим* [Бунин 1987: 539]. За счет подобных синтаксических единиц пейзажи цикла «Тень птицы» нередко приобретают вневременной характер, соединяя прошлое, настоящее и будущее.

В цикле «Тень птицы» детализации картин первозданной и непервозданной природы, городских пейзажей, изображению их в материальной конкретности вещей способствуют простые предложения с сочиненными рядами, компоненты которых представлены именами существительными в косвенных падежах или именами прилагательными: *И на этом месте зачался «Победоносный», Великий Каир. Его узкие, длинные и кривые улицы переполнены лавками, цирюльнями, кофейнями, столиками, табуретками, людьми, ослиами, собаками и верблюдами. <> Его базары равны шумом и богатством базарам Стамбула и Дамаска. В нем полтысячи мечетей, а вокруг него, в пустыне, — сотни тысяч могил* [Бунин 1987: 530]. Как правило, подобная детализация характерна для экзотических городских пейзажей, в которых автор задается целью воссоздать национально-культурный колорит.

Для усиления эстетического эффекта, подчеркивания новизны увиденного повествователем-путешественником, акцентуации конкретной детали И. А. Бунин в границах одной коммуникативной единицы использует лексические повторы: *Но цветов еще много, слишком много. Всюду мак, мак, мак...* [Бунин 1987: 540]; *Первые турецкие сады, первые черепичные крыши, первый минарет и первый кипарис...* [Бунин 1987: 502].

Предложения с лексическими повторами, рядами однородных членов, синтаксическим параллелизмом создают ритмичность пейзажных описаний, которая, по мнению американского русиста Т. Виннера, выступает одной из характерных черт бунинской прозы в целом [Лощинская 2001: 736].

Чувственность бунинскому пейзажу придают безличные предложения глагольного и именного типа с семантикой физического состояния природы, проявляемого изменением температуры, исчезновением или появлением света, звуков, запахов, веяний. Особо значимыми в художественной картине мира писателя становятся безличные предложения, номинирующие ситуации, связанные с ольфакторным восприятием мира: *Близок Иордан, — уже тянет запахом речной воды, запахом горячего ила... Теперь и от великой реки остался только узкий и мутный поток...* [Бунин 1987: 571];

С вечера было тепло и ясно. <...> **Пахло морем** [Бунин 1987: 557]. Ядром городских пейзажей стран Ближнего Востока становятся создаваемые И. А. Буниным ольфакторные пирамиды. Каждый город пахнет у него по-своему и не сразу раскрывается повествователю. Так, Стамбул пахнет ванилью, арбузной свежестью воды, кофейными зернами, кебабом и лепешками, нагретым солнцем, вонью базарных улиц, чадом; Каир — сладкими цветами, пылью, жаром нагретых мостовых, влажной пылью; Яффа — хлебом, жареной рыбой, цветущими оливами, горячей землей; а Иерихон — благовониями бальзамических растений и трав, ароматом эвкалипта.

Использование двучленных бессоюзных сложных предложений и сложных синтаксических конструкций с сопоставительными отношениями между компонентами способствует созданию антиномичного, контрастного пейзажа. Антиномии прошлого и настоящего, внешнего мира и внутреннего пространства (Кесария, сады Сералия и т. п.) основаны не столько на способности повествователя созерцать, воспринимать окружающий мир в момент настоящего, сколько воображать далекое прошлое, проживать это прошлое в момент настоящего: *Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, камни и колючий кустарник... И так — по всему побережью* [Бунин 1987: 557]; *В мире, в котором я существую, нынче весеннее утро, здесь — тишина, узорчатые тени, пение птиц и незримое присутствие девушек за стенами мертвых дворцов* [Бунин 1987: 510].

В разных сюжетно-композиционных типах пейзажей цикла «Тень птицы» И. А. Бунин использует и разные типы предложений, некоторые из которых становятся синтаксическими доминантами и играют особую роль. Так, пейзаж-экспозиция, изображающий своеобразие ландшафта местности, времени дня, года и связанный в структуре анализируемых произведений мотивом пути-дороги, формируется преимущественно простыми двусоставными предложениями со значением бытия признака объекта, осложненными однородными составными именными сказуемыми, а также двучленными бессоюзными сложными предложениями, между частями которых устанавливаются перечислительные смысловые отношения с оттенком одновременности описываемых событий: *Второй день в пустынном Черном море. Начало апреля, с утра свежо и облачно. Воздух прозрачен, краски несколько дики* [Бунин 1987: 499]; *Каир шумен, богат, многолюден. К вечеру улицы политы. Нежно пахнет цветами, тепло и пряно — влажной пылью и нагретыми за день мостовыми* [Бунин 1987: 529]. Оба типа синтаксических конструкций пейзажей-экспозиций обычно невелики по объему и составляют 4–8 знаменательных слов. Увеличивая или уменьшая объем конструкции, применяя синтаксический параллелизм, только прямой или, напротив, обратный порядок слов, Бунин-прозаик придает пейзажу объемность.

В пейзажах-ретардациях, замедляющих развитие редуцированного сюжета «путевых поэм», синтаксической доминантой выступают эллиптические предложения. Например: *За мной, в закате — оливковые рощи и раскиданные по холмам здания: католические приюты, школы, госпитали, виллы. На севере, на горизонте, — четкий известковый конус, гора Самуила. На востоке, за Кедроном и горой Елеонской, — Иудейская пустыня, долина Иордана и стеной нежно-фиолетового дыма заступивший полнеба, ровный и высокий хребет от века таинственных Моавитских гор* [Бунин 1987: 542–543]. Такие конструкции особо любимы И. А. Буниным, поскольку создают своеобразный эффект панорамной фотографии, охватывающей огромные пространства по горизонтали.

В пейзажах-завершениях цикла «Тень птицы» особую смысловую нагрузку несут цепочки простых и сложных предложений с эмотивной семантикой. Например: *Как сладок, как ласков здесь изредка набегающий, теплый от дыхания затуманенных зноем гор, сильный южный ветер! Как широко, все светится и темнея, бежит перед ним лиловая зыбь по зеркалам у берегов, где свещатся золото пригорий! Как долго, как дремотно кланяются после него кипарисы и шелестят вайи пальм, напоминают о Египте, сохранившем его драгоценную жизнь во младенчестве!* [Бунин 1987: 586]. Соединяя коммуникативную и эмотивную функции, такие синтаксические единицы обеспечивают, с одной стороны, восторженно-торжественную тональность пейзажной единицы, с другой — оценочно-субъективный характер. Для идиостиля писателя это явление очень характерно: бунинские картины природы часто «выходят за рамки хронотопа, они полны поэтических раздумий и субъективных ощущений человека» [Зеленцова 2013: 168].

Единичные синтаксические конструкции с эмотивной семантикой используются И. А. Буниным и в других сюжетно-композиционных типах пейзажа, например, в тех, что связаны с развитием сюжета или его замедлением. Причем в таких типах пейзажа они занимают не столько традиционную финальную позицию, сколько интерпозицию. Разрывая ткань повествования, восклицательные предложения разной структуры становятся средством выражения гедонистического восторга человека, наслаждающегося простором и открывающимися видами, остро ощущающего себя частицей этого необъятного, многоликого и уникального мира Ближнего Востока: *А за Арайей подъем пошел еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымом сползали облака по скатам. Миновавши Алэй, мы опять повернули к востоку. Был туннель. Налево открылась долина Хамана, за ней — горы в сплошных темно-зеленых борах... **За Софаром мы опять окунулись в тьму, дым и грохот, а когда выскочили, о, как дико и вольно стало кругом!** Из-за голых вершин Джебель-Кенэзэ весь в ярких серебряных лентах, четко, одиноко засиял в этой ясной, прохладной пустыне* [Бунин 1987: 575].

В пейзажах-мотивировках дальнейших событий И. А. Бунин преимущественно использует сложносочиненные предложения с соединительно-перечислительными и соединительно-результативными смысловыми отношениями, бессоюзные многокомпонентные предложения с перечислительными смысловыми отношениями и сложные синтаксические конструкции с бессоюзием и сочинением, бессоюзием и подчинением: *Свежеет, и горы и холмы, овеваемые морским воздухом, принимают лиловые тоны. Босфор вьется, холмы впереди смыкаются — кажется, что плывешь по зеркально-опаловым озерам. <...> Солнце меж тем скрывается за Стамбулом — и багряным глянцем загораются стекла в Скутари, мрачно краснеет кипарисовый лес его Великого кладбища, в фиолетовые тоны переходит сизый дымный воздух над рейдом, и возносятся в зеленеющее небо печальные, медленно возрастающие и замирающие голоса муззинов...* [Бунин 1987: 503].

В целом пейзажи цикла «Тень птицы» живописны, глубоки, гармоничны и идейно закончены. Они выступают теми коммуникативно-эстетическими единицами текста, в которых сокрыта «тайна бытия», обозрено «лицо мира» и зашифровано индивидуально-авторское отношение к нему. Пейзажные зарисовки служат фоном разворачивания действия и средством создания национально-культурного колорита, они помогают читателю интерпретировать психоэмоциональные состояния повествователя, выражают авторское миропонимание, мироощущение.

В анализируемом цикле И. А. Бунина разным композиционно-сюжетным типам пейзажа соответствуют разные синтаксические доминанты. Если для пейзажей-завершений характерны двусоставные предложения с эмотивной семантикой, то для пейзажей-ретардаций — эллиптические предложения. Бессоюзные сложные предложения с перечислительными смысловыми отношениями и простые предложения, осложненные однородными составными именными сказуемыми, формируют пейзажи-экспозиции, а сложносочиненные предложения с соединительно-результативными смысловыми отношениями, бессоюзные многокомпонентные предложения и сложные синтаксические конструкции с разными типами связи — пейзажи-мотивировки.

Чередование определенных структурно-семантических типов предложений обеспечивает постоянную смену объективного характера пейзажа на субъективный, статичного на динамичный, способствует созданию антиномичного, контрастного пейзажа. Благодаря используемым синтаксическим структурам тональность пейзажных единиц цикла «Тень птицы» постоянно меняется: от размеренного, медиативного до одухотворенно-восторженного. Бунин-прозаик органично вплетает в пейзажные единицы философские, религиозные, этические размышления. Так писатель связывает прошлое с настоящим, миф с реальностью, вечность с мгновением.

Исследование синтаксиса бунинского пейзажа имеет широкие перспективы. Ведь сопоставление синтаксического строя разных циклов очерков или отдельных произведений, прозы и лирики позволит продемонстрировать эволюцию художественной манеры автора, создать полноценную модель языковой личности И. А. Бунина.

Источники

Бунин И. А. Тень птицы (1907–1911) // Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1987. С. 499–587.

Литература

- Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.
- Ефремов Е. А. Ассоциативные аспекты ритма лирической прозы (на материале цикла И. А. Бунина «Темные аллеи») // Научный диалог. 2012. Вып. 8. Филология. С. 88–104.
- Зеленцова С. В. Сюжетно-композиционная функция пейзажа в рассказах И. А. Бунина (на материале произведений до 1917 года) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 166–172.
- Коренькова Е. В. Качественное наречие как элемент идиостиля (на материале художественной прозы И. А. Бунина и Б. К. Зайцева): дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2003. 168 с.
- Краснова Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2005. 246 с.
- Курносова И. М. Очерки лексикологии и лексикографии языка писателей Центрального Черноземья (А. И. Эртель, И. А. Бунин, Е. И. Замятин). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. 220 с.
- Лощинская Н. В. «Уникальность», «традиция», «модернизм»: Творчество И. А. Бунина в восприятии английских и американских славистов на рубеже 1960–1970-х годов // Иван Бунин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология / Отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2001. С. 731–749.
- Николина Н. А. Лингвостилистический анализ рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник» // Русская словесность. 1990. № 3. С. 79.
- Николина Н. А. Образное слово Бунина // Русский язык в школе. 1994. № 4. С. 51.
- Павлюченкова Т. А. Мастерство Бунина-поэта // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 52–55.
- Павлюченкова Т. А. Язык поэзии И. А. Бунина и русская классическая проза // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2 (42). С. 42–55.
- Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург: МУМЦ «РО», НОУ «Фонд “Созидание”», 1999. 254 с.
- Родионова Н. А. Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина: лингвостилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Самарский государственный университет. Уфа, 1999. 201 с.
- Фигуровский И. А. О синтаксисе прозы Бунина. Синтаксическая доминанта «Темных аллей» // Русская речь. 1970. № 5. С. 63–66.

Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2020. № 4. С. 60–67.

References

- Efremov V. A. [Associative aspects of the rhythm of lyrical prose (based on the material of I. A. Bunin's cycle "Dark alleys")]. *Nauchnyi dialog*, 2012, iss. 8, pp. 88–104. (In Russ.)
- Figurovskii I. A. [About the syntax of Bunin's prose. Syntactic dominant of "Dark alleys"]. *Russkaya rech'*, 1970, no. 5, pp. 63–66. (In Russ.)
- Gerasimenko N. A. [Syntax of I. A. Bunin's diary entries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaya filologiya*, 2020, no. 4, pp. 7–14. (In Russ.)
- Koren'kova E. V. *Kachestvennoe narechie kak element idiostilya (na materiale khudozhestvennoy prozy I. A. Bunina I B. K. Zaitseva)*. Diss. kand. fil. nauk [Qualitative adverb as an element of idiostyle (based on the material of fiction prose by I. A. Bunin and B. K. Zaitsev). Cand. phil. sci. diss]. St. Petersburg, 2003. 168 p.
- Krasnova T. V. *Rossiiskaya toponimiya v khudozhestvennoi proze I. A. Bunina* [Russian toponymy in the I. A. Bunin's fiction prose]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2005. 246 p.
- Kurnosova I. M. *Ocherki leksikologii i leksikografii yazyka pisatelei Tsentral'nogo Chernozem'ya (A. I. Ertel', I. A. Bunin, E. I. Zamyatin)* [Essays on lexicology and lexicography of the language of writers of the Central Black Earth Region (A. I. Ertel, I. A. Bunin, E. I. Zamyatin)]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2009. 220 p.
- Loshchinskaya N. V. ["Uniqueness", "tradition", "modernism": The work of I. A. Bunin in the perception of English and American Slavists at the turn of the 1960s–1970s]. *Ivan Bunin: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [Ivan Bunin: PRO ET CONTRA. The personality and creativity of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2001, pp. 731–749. (In Russ.)
- Nikolina N. A. [Linguostylistic analysis of I. A. Bunin's story "Clean Monday"]. *Russkaya slovesnost'*, 1990, no. 3, p. 79. (In Russ.)
- Nikolina N. A. [Bunin's figurative word]. *Russkii yazyk v shkole*, 1994, no. 4, p. 51. (In Russ.)
- Pavlyuchenkova T. A. [Bunin's skill as a poet]. *Russkii yazyk v shkole*, 2011, no. 7, pp. 52–55. (In Russ.)
- Pavlyuchenkova T. A. [The literary language of I. A. Bunin's poetry and Russian classic prose]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2 (42), pp. 42–55. (In Russ.)
- Prashcheruk N. V. *Khudozhestvennyi mir prozy I. A. Bunina: yazyk prostranstva* [The artistic world of I. A. Bunin's prose: the language of space]. Yekaterinburg, Foundation "Creation" Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)
- Rodionova N. A. *Tipy portretnykh kharakteristik v khudozhestvennoi proze I. A. Bunina: lingvostilisticheskiy aspekt*. Diss. kand. fil. nauk [Types of the portrait characteristics in Bunin's fiction: linguostylistic aspect. Cand. phil. sci. diss]. Ufa, 1999. 201 p.
- Shapovalova T. E. [Nominative sentences with determinative word forms in I. A. Bunin's poetic texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaya filologiya*, 2020, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.)
- Zelentsova S. V. [Plot-compositional function of the landscape in the stories by I. A. Bunin (based on the material of works before 1917)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2 (52), pp. 166–172. (In Russ.)

Карцевский в начале научной деятельности (по материалам архива)

Ирина Ильинична Фужерон, независимый исследователь (Париж, Франция),

i.fougeron@orange.fr

DOI: 10.31857/S013161170023741-4

АННОТАЦИЯ: Предлагаемая читателю подборка текстов является фрагментом перевода на русский язык материалов архива С. И. Карцевского. Архив хранится в Швейцарии. Полностью эти материалы были опубликованы нами в *Cahiers Ferdinand de Saussure* 72, 2019. На русском языке тексты печатаются впервые. Тексты относятся к 1913–1914 гг. Это выдержки из переписки студента Карцевского с его преподавателем, профессором университета Шарлем Балли. Тексты проливают свет на то, как 100 лет назад освещались некоторые вопросы языкознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Карцевский, Балли, лингвистика, переписка, архив
для цитирования: Фужерон И. И. Карцевский в начале научной деятельности (по материалам архива) // Русская речь. 2022. № 6. С. 106–116.
DOI: 10.31857/S013161170023741-4.

Science and Persons

Kartsevsky at the Beginning of His Scientific Career (Based on Archive Materials)

Irina I. Fougeron, independent researcher (Paris, France), i.fougeron@orange.fr

ABSTRACT: We offer a selection of texts from the archive of S. I. Kartsevsky translated into Russian. The archive is kept in Switzerland. These materials were published in full by us in *Cahiers Ferdinand de Saussure* 72, 2019. The texts (1913–1914) are printed in Russian for the first time. These are excerpts from the correspondence between Kartsevsky as a student and his teacher, university professor Charles Balli. The texts shed light on how some questions of linguistics were covered 100 years ago.

KEYWORDS: Kartsevsky, Bally, linguistics, correspondence, archive

FOR CITATION: Fougeron I. I. Kartsevsky at the Beginning of His Scientific Career (Based on Archive Materials). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 6. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170023741-4.

Сергей Иосифович Карцевский находится как бы на перекрестке трех течений — Московского лингвистического кружка, Женевской школы и Пражского лингвистического кружка. Долгое время его считали всего лишь проводником идей этих трех течений, особенно идей *Фердинанда де Соссюра*. Личный вклад Карцевского в лингвистику оставался в тени. Его имя как эмигранта было фактически вычеркнуто из советской науки. А тот факт, что языком коммуникации он выбрал французский, а предметом его анализа был почти исключительно русский язык, не способствовали признанию его трудов на Западе. Но не надо забывать, что для

Карцевского русский язык был лишь основой, базой: какому бы вопросу ни была посвящена та или иная статья, этот вопрос всегда рассматривался ученым в свете общего языкознания, будь то дискуссия о понятии «система», о минимальных единицах, о природе слова и его отношении к фразе.

Однажды в языковедческой среде я услышала оброненную фразу о существовании архива Карцевского. Мне это имя стало известно с середины 70-х гг., когда, работая над докторской диссертацией, я прочитала статью «О фонологии фразы». Статья была так интересна, что захотелось побольше узнать об авторе и познакомиться с другими его работами. Это оказалось нелегкой задачей. После выхода в 1956 г. сборника статей Карцевского, посвященного его памяти¹, работы ученого не переиздавались. Ранее изданные работы находились в разных сборниках и очень редко фигурировали в каталогах. Понятно, что при таком положении дел известие об архиве вызвало живой интерес. Я узнала, что в 1957 г., следуя воле Карцевского, его жена и сын привезли его прах в Москву. Они передали в Институт русского языка часть архива Карцевского — рукописи на французском языке. То, что хранится в архиве ИРЯ, представляет собой большую часть грамматики русского языка для франкоязычных. В своей статье «О структуре русского существительного» Карцевский пишет, что он работает над «Структурной грамматикой русского языка». Эта работа, как писал Р. Якобсон в своем некрологе, «была делом всей его жизни», и каждую статью Карцевского можно рассматривать как вклад в этот труд. К сожалению, труд так и остался незавершенным.

Кроме глав грамматики, в архиве ИРЯ хранится несколько статей с вариантами. Эти последние порой так отличаются от опубликованных статей, что могут быть приняты за самостоятельные работы². Эти «варианты» позволяют проследить за развитием мысли ученого, заглянуть в его лабораторию. В архиве Карцевского в ИРЯ только одна статья «О залогах в русском языке» была написана по-русски.

В 1998 г. во время работы по систематизации этого архива я узнала из телефонного разговора с сыном Карцевского, что Игорь Сергеевич сохранял некоторые материалы отца. Но, кроме первой страницы рукописи на русском языке «Среди вогул», я тогда ничего не смогла получить.

В 2012 г. я узнала о смерти Игоря Сергеевича. Судьба архива оставалась неизвестной, но идея найти его меня не покидала. Зная, что Карцевский с 1927 г. жил в Женеве, логичнее всего было искать его архив там. Я начала с Женевской городской библиотеки. Там архива Карцевского не было, но в фонде Шарля Балли (Ms.fr.5002) есть письма Карцевского Шарлю Балли. Это уже была находка.

¹ *Cahiers Ferdinand de Saussure*, v. xiv, Genève, 1956.

² См. [Карцевский 2004].

Я продолжала поиски. От декана филологического факультета Женевского университета я узнала, что на факультете архива нет и о его судьбе ничего не известно. Тогда я обратилась в центральный архив Женевского университета (AAR). Здесь я и нашла архив Карцевского.

В архиве я обнаружила удивительного «свидетеля» отношений между студентом С. Карцевским и его профессором Шарлем Балли⁵. В одной из папок шестой коробки находятся 12 рукописных текстов, написанных рукой Карцевского, с пометами на полях, а часто сопровождаемых и более пространными комментариями Шарля Балли. Все эти тексты, на французском языке, датированы и, за исключением первого, пронумерованы. Здесь невозможно говорить о тематической целостности, но можно говорить о временном единстве: эта эпистолярная беседа происходит между 14 нояб. 1913 г. и концом июня 1914 г. Можно предположить, что перед нами задания, данные студентам Шарлем Балли. Комментарии Балли к некоторым текстам очень кратки, к другим крайне развернуты и подробны. Полностью эти материалы мы опубликовали в *Cahiers Ferdinand de Saussure* 2019 (165–212). Здесь мы предлагаем для чтения некоторые из этих текстов в русском переводе.

Можно различить два типа текстов: с одной стороны тексты, касающиеся теоретических проблем, с другой — в некотором смысле словарная работа, размышления о структуре некоторых слов и их употреблении.

Эти тексты дают представление о том, как сто лет назад рассматривались вопросы, которые занимали лингвистов в течение всего XX в. Они интересны и тем, что в некоторых из них впервые ставятся вопросы, к которым Карцевский вернется позже в своих работах.

И. И. Фужерон

Текст № 1 (14/IX-1913)

Слова типа *возможно* — *невозможно*

[Куда отнести эти слова? К прилагательным или к наречиям? Вопрос об отнесении этих слов к той или иной части речи занимал русских лингвистов еще в конце XVIII в. А. Х. Востоков (1831) относил их к категории глагола. Вопрос ставился и А. М. Пешковским (1914). Л. В. Щерба (1928) рассматривает их как особую категорию слов — *категорию состояния*. Этот термин будет позднее взят и В. В. Виноградовым (1947).]

Мне кажется необходимым подчеркнуть различие между частями речи и членами предложения. Части речи — это «интеллектуальные категории», в которые мы вкладываем элементы нашей мысли. Существительное и глагол, вероятно, главные, между которыми распределяется все

⁵ Шарль Балли (Charles Bally, 4/II 1865 — 10/IV 1947) — один из выдающихся лингвистов XX века. Ученик и последователь Фердинанда де Соссюра, один из основателей Женевской лингвистической школы. Автор трудов по общему и сравнительному языкознанию. Почетный доктор Сорбонны.

содержание нашей [грамматической] мысли, в зависимости от того, воспринимаем ли мы объект как субстанцию или как действие. Все остальные части речи восходят по происхождению к одной из этих двух.

Прилагательное — одна из частных (модальностей) существительного. Оно позволяет извлечь из комплекса (которым является существительное) некоторые качества и ввести их снова, но уже как взятые извне. Эта операция позволяет нам привлечь внимание только к одной стороне объекта и игнорировать другие. И так до бесконечности. *Белый сахар*.

Наречие — тоже частность, но глагольная. Оно позволяет извлечь некоторое качество из комплекса *действие* и привлечь внимание именно к нему, к типу, к манере действия.

Говорить тихо — в комплексе *говорить* можно найти бесконечность деталей: тихо, быстро, неразборчиво, плача и т. д., но наше внимание остановилось на одной из этих деталей, оставив в стороне все остальное.

В некоторую эпоху развития языка эти грамматические категории, став менее формальными (тогда как раньше они должны были быть составляющей нашей мысли/мышления), находят отражение в языке, сведенном к формальным элементам, таким как префиксы, суффиксы, флексии. Соотношение между грамматическими категориями и функциональными знаками было настолько очевидно, что традиционная грамматика в своих определениях часто использует только эти формальные критерии.

В старославянском языке у прилагательного всегда те же окончания *-ъ, -а, -о* (их мягкие варианты: *-ь, -ѣа, -ѣо*). Современный русский представляет большее разнообразие в окончаниях прилагательных *-ый, -ий* (иногда *-ой*), *-ая, -яя, -ое, -ее*. Но прилагательное, как только оно выступает в роли именной части составного сказуемого (*attribut prédicatif*), берет старые окончания и становится несклоняемым.

Именно форма предикативного прилагательного позволяет думать, что слова типа *возможно — невозможно* являются прилагательными. Правда, окончание на *-о* — это окончание среднего рода, но здесь и оставливается сходство с прилагательным. В русском языке есть немало наречий, которые происходят от прилагательных и оканчиваются на *-о*: *весело, высоко, далеко, старó*. От прилагательных среднего рода до наречия — один шаг.

Чтобы определить, к какой части речи относится слово, надо прибегать к анализу контекста.

Вы ведете себя невозможно. Невозможно — наречие в роли обстоятельства образа действия. [Балли: согласен.] Труднее определить категорию в *Это невозможно*, где слово *невозможно* играет роль сказуемого, но это не доказывает, что оно прилагательное: другие части речи могут употребляться в роли *attribut prédicatif* (именной части составного сказуемого), не становясь, однако, прилагательным (*Он торговец; Он учитель*). В старославянском

в роли именной части употреблялось причастие настоящего времени. Между тем следует заметить, что существительные, прилагательные, причастия в роли атрибута не расцениваются как обычные существительные, причастия, и поэтому прилагательное меняет форму, как в немецком и русском, а во французском существительное часто лишается артикля.

Другой вопрос: может ли наречие употребляться в роли именного сказуемого? Иначе говоря, может ли глагол определяться наречием? Глаголы с атрибутивным определением самые абстрактные, наименее содержательные. Это просто формы, чье назначение «символизировать глагольную идею». Но в русском языке эти глаголы не потеряли окончательно их конкретный смысл, не стали еще формами, лишенными содержания. Я беру для примера русский глагол *быть*, наиболее формальный из глаголов. В русском языке он иногда сохраняет некоторые характеристики конкретного глагола. Он может предстать в двух видах: *быть* и *бывать* [Балли: тогда он больше не связка], как и все русские глаголы. То есть этот глагол не только символизирует состояние предмета, но его и описывает. Этот русский глагол может иметь косвенное дополнение в творительном предикативном (*Он был купцом*) или в родительном предикативном (*Пугачев был росту среднего*).

Может быть, теперь покажется менее удивительно, что русские глаголы с «атрибутом» могут определяться наречием, т. е. что в роли именной части предикативного атрибута будет иногда выступать наречие.

В русском языке предикативные наречия весьма многочисленны, но их употребление ограничивается безличными предложениями. Вот несколько примеров: *Мне жаль тебя; Мне скучно; Мне некогда; Пора вставать; Любопытно узнать; Стало невозможно жить; Нельзя так делать...*

Во всех этих фразах *нельзя, невозможно* и т. д. являются наречиями и играют роль обстоятельства образа действия, иначе (в противном случае) именной части сказуемого предикативного атрибута. Это можно объяснить тем, что мы привыкли к тому, что глагол *быть* определяется почти всегда по средствам именной части (предикативного атрибута) и почти никогда наречием. Я говорю «почти никогда», т. к. по-французски есть выражение *je suis bien*, которое соответствует русскому.

[Балли: *je suis bien* – *bien* наречие

Je suis bien (joli) – *bien* прилагательное]

Я делаю еще шаг в том же направлении и говорю, что в таких фразах, как *Это было хорошо, Это было невозможно, Мы были тогда счастливее*, слова *хорошо, невозможно, счастливее* – это наречия. Это возможно лишь в трех следующих случаях: 1) подлежащее выражено местоимением среднего рода, как *это*; 2) когда предложение безличное; 3) когда наречие в сравнительной степени, как *счастливее*.

Мое предыдущее рассуждение о том, что в русском языке глаголы с определяющей именной частью не совсем стали чисто формальными, приложимо и к таким фразам, как *Это невозможно*. Замечу также, что разница между предикативным прилагательным и предикативным наречием проявляется иногда чисто механически: я говорю об ударении. *Это перо мне нужно́* — *нужно́* прилагательное; *Нужно учиться* — *нужно* наречие.

Вот выводы, к которым я прихожу:

- 1) прилагательное как грамматическая категория не то же самое, что именная часть составного сказуемого [attribut prédicatif], которая может быть выражена как существительным, так и прилагательным;
- 2) в русском языке наречие часто может определять глагол с именной частью, которая и будет играть роль сказуемого;
- 3) этот последний факт возможен только в безличных предложениях или в тех, что к ним приближаются;
- 4) употребление выражений со сказуемым наречием весьма часты и характерны скорее для современного языка;
- 5) исчезновение связи *быть*, возможно, способствовало развитию этих выражений, т. к. сила предикативности связи была перенесена на наречие.

Текст № 6 (9/II-1914)

Как образуются ласкательные слова

Матери и кормилицы любят давать детям целый ряд [ласковых] названий.

Chou-chou, mi-mi,

Пуси-люси-дуси, пупулька, цаца.

На первый взгляд кажется, что эти слова создаются ex nihilo: это всего лишь сочетания звуков, которые вдруг приобретают смысл и становятся словами. Однако это не слова, это междометия. Они выражают чувства. Они даже возникают спонтанно, инстинктивно. Они рождаются и умирают в любой момент и «понятны» лишь в очень ограниченном кругу, в одной семье или между матерью и младенцем. Они становятся по-настоящему словами, только когда переступают границы одной семьи.

Тогда их судьба двояка:

- некоторые становятся настоящими словами: *цаца* — игрушка или красивая; польская *лала* — кукла; может быть, так образовались слова *бэбэ*, *пупс*;
- некоторые станут собственными именами — фр. *шушу*.

[Балли:

Создание слова — процесс психологический, а не социальный. Совсем другое дело, как оно принимается лингвистической (языковой) группой. Если одно из слов, которые вы цитируете, понятно тем, кто его создал, [тогда] слово

создано, существует. Но с этого момента оно перестает быть просто криком, просто рефлексом.]

Мне кажется, что то же самое можно сказать об уменьшительных собственных именах: *Маня, Аня, Леля, Еня* (Евгений), *Лили*.

Но, чтобы выйти из их среды, эти слова должны потерять аффективный характер, он должен побледнеть, интеллектуализироваться.

[**Балли:**

Обычно название предмета сначала – имя собственное, прежде чем стать нарицательным. Тот, кто первым создал слово бэбэ, обозначил определенного ребенка. Позже, через абстракцию доминирующих характеристик этого определенного ребенка, слово смогло быть применено к другим детям.]

Текст № 7 (11/II-1914)

Слова типа *нетерпение*

Мне кажется, что слова этого типа неразложимы. (1) Это слова простые, которые даже не всегда имеют антонимы.

Incommoder = déranger — мешать; ingrat — неблагодарный;

Infirmité — немощь; improductif = stérile — непродуктивный;

Interminable — бесконечный; impuissance — бессилие;

Infini — бесконечный;

Infinité — бесконечность; immoral — безнравственный;

Inexprimable — невыразимый; insouciant — беззаботный;

Impiété — нечестие/беззаконие; inactivité — бездействие;

Это слова простые, у которых даже не всегда есть антоним.

[(1) **Балли:**

Утверждение слишком общее.

Существует 3 класса:

а) слово простое без антонима (incommoder);

б) слово простое с антонимом (ingrat – reconnaissant);

с) слово, разлагаемое на простое и антоним (impiété).

Мои замечания касаются только этого типа слов.

Impiété (производное *порочность*) — факт быть порочным, нечестивым;

Impie — не набожный, неблагочестивый.]

Надо отметить, что слова, приведенные выше, легко приобретают аффективное значение: *бесконечные дороги, это невероятно*. В последнем примере перед нами слово «*inouï*» («невероятно») совершенно изолированное, его этимологическая семья полностью исчезла. Но именно это слово надделено аффективным значением.

[(2) **Балли:**

Как только слово приобретает аффективный характер, синтагматика затемняется, значение приближается к типу б), а потом к типу а).

Отсутствие какого-нибудь качества расценивается как негативность или как что-то плохое. Так, *irréligieux*, *impie* хотя и разлагаются, но склоняются к синтезу; *immoral* разлагается, но обратное *moral* будет *amoral*.

Степень разлагаемости зависит особенно от ситуации или от контекста; слово *infini* простое, но анализируется иначе в такой фразе, как *Нелепо, чтобы человек, силы которого ограничены (предельны), имел бы неограниченные (беспредельные) желания.*]

В русском языке *нехороший* значит *плохой* (а не *не хороший*), *непослушный* не является антонимом *послушному*, но имеет свое собственное существование. *Непослушный* понятен сам по себе, вне мысли о послушном.

Несложный характер прямо значит *простой*, малооригинальный, а во все не понимается как характер *не сложный*.

Еще несколько подобных образований: *contrefaçon*, *contrepoison* (не является антонимом *poison*), *contravention*, *contretemps*, *contrevent* (это последнее слово можно рассматривать как перифраз — что-то, что служит защитой от ветра).

[(3) Балли:

Эти слова стали простыми — *contrefaçon*, *contrepartie*, *contrordre*, по-моему, не относятся к тому же типу, что *contrepoison*, *contre-attaque*! Стоило бы исследовать это (с помощью словаря), оставляя в стороне слова редкие (*contre-barre*) и агглютинированные (*contrebände*), останавливаясь на образованиях ясных и недавних (*contredéclaration*).

Надо рассмотреть возможные типы.

Я различаю:

Тип а) *contre-partie* = *partie opposée*; ТТ

Тип б) *contrepoison* = что-то против яда. Т(t) как *melon* в *chapeau-melon*.]

Тогда как такие образования, как *déboucher*, *décoller*, *décharger*, можно рассматривать как перифраз действия, обратного *boucher* и *coller*, *charger* и т. д.

Однако *désonneur*, *décolleter*, *déboire* — слова простые и не имеют антонимов.

Слова, образованные при помощи отрицательного префикса или выражающие оппозицию, легко становятся простыми словами и создают свою семью.

Infirmité,

Ingratitude,

Insouciant > *insoucieux*, *insouciance*

Но *insoucieux de*; *insoucieux de ses intérêts*

Непослушный > *непослушание*

[(4) Балли:

Осторожно — связь между *infirmier* и *infirmérie* еще вполне очевидна; *infirmier* слово не совсем простое из-за того, что существует *confirmer* и *affirmer*.]

Текст № 9 (24/II/814)

«Платье темной зелени», Т(ТТ’); «темная зелень» — это приложение; приложением называется особый вид отношений между Т и Т’, который характеризуется чем-то вроде параллелизма.

[Балли:

Понятие *приложения* одно из самых деликатных (трудных, опасных) из тех, что существуют в синтагматике; вам следовало бы уточнить ваше определение. Я считаю, что *robe vert foncé* нельзя сравнивать с *Cicéron consul romain*, классический пример приложения. На мой взгляд, приложение (аппозиция) характеризуется паузой между Т и Т’. Для меня *ville de Genève*, как и *ville suisse*, не является аппозицией, т.к. для моего лингвистического сознания Т’ недостаточно независимо, тогда как он независим (относительно) в *Cicéron consul romain*.

На мой взгляд, есть три типа аппозиции: *Le consul romain Cicéron*; *Cicéron consul romain n’est pas à la hauteur...*; *Cicéron consul romain*. Только в третьем мы имеем дело с настоящей аппозицией. Может быть, вы могли бы углубить эту тему, которая частично идет в параллель с синтаксисом определительных предложений, которым предшествует или нет пауза (или запятая).

Город Женева (без паузы) = город, который называется Женева. Женева швейцарский город = Женева считается швейцарским городом = это не относится к области аппозиции.]

В выражениях *город Женева*, *город Москва* Т’ более автономно, чем в обычной синтагме *швейцарский город*. Указателем на этот параллелизм является отсутствие согласования между *платье* и *зелень* и в том, что, произнося это, мы делаем паузу после *платье*.

[Балли: Мы не делаем паузы.]

Т’, которое служит приложением, обычно бывает выражено существительным, и я думаю, не правильнее ли будет считать, что *зеленый* — это прилагательное, которое остановилось в своей эволюции на пути к существительному.

В русском языке известны синтагмы типа *путь-дорога*, *правда-истина*, где оба члена существительные.

Я знаю, что категория определяется функцией. А функция Т’ — это функция прилагательного. Значит, *vert* (‘зелень’) должно мыслиться как прилагательное. Однако не наблюдается, чтобы такие синтагмы, как *город Женева* или *город Москва*, стремились бы преобразоваться в *швейцарский город* или *московский город* [Балли: однако *cité genevoise*], и скажу даже больше: по смыслу *правда-истина* и *истинная правда* не одно и то же.

Robe verte foncée «Платье зеленое темное» (ТТ') Т' — *зеленое*, это прилагательное. То, что мы особенно акцентируем, — это *темное*, которое становится детерминантом к *зеленому платью* и превращает эти два слова в одно целое. Тогда как *платье темной зелени*, *зелень* имеет свой собственный детерминант, который сообщает слову характер существительного.

Robe vert foncé мне кажется равнозначным *robe verte et foncée*, что значит «зеленое, но в то же время темное». Мы наблюдаем тенденцию поставить оба детерминанта на один уровень.

Но я сближаю *robe verte foncée* с *un homme pauvre et honnête*, и я нахожу, что Т' в каждой из этих синтагм не параллельны друг другу, а противопоставлены. Однако этот ритм контраста настолько естественен для нашего мышления, что мы без особого труда представляем эти пары детерминантов как составляющие одно целое. Я не знаю, какова может быть формула синтагм этого типа? Может быть, Т(Т'хТ''), во всяком случае не Т(Т'+Т'').

[Балли: По-моему, *Homme pauvre et honnête* = Т(ТТ'). Но я считаю и тот и другой лишь посредниками, недостаточно охарактеризованными.]

Сочетания типа *un homme pauvre et robuste* или *pauvre et beau*, *une robe verte et rouge*, *une robe verte et déchirée* кажутся очень странными, т. к. мы не привыкли сближать (ни противопоставлять) подобные качества. Однако все зависит от контекста и от ситуации.

Un homme pauvre et malade, на мой взгляд, представляют в нашем сознании единство.

[Балли: на мой взгляд тоже.]

Мы привыкли наблюдать почти всегда, что бедность и болезнь следуют друг за другом, и, т. к. они всегда сближены в разговоре, они становятся почти синонимами.

Литература

Карцевский С.И. Из лингвистического наследия II, Москва, 2004. 296 с.
Cahiers Ferdinand de Saussure, v. XIV, Genève, 1956.

References

Cahiers Ferdinand de Saussure, v. XIV, Geneva, 1956.
Kartsevsky S.I. From Linguistic Heritage II, Moscow, 2004. P. 296.

Книжные новинки

Вот тебе, бабушка, и коронавирус! (О «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»)

Владимир Иванович Заика, Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Россия, Великий Новгород), w.i.zaika@gmail.com

Олег Викторович Никитин, Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170023742-5

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (2021) в аспекте изучения современных социолингвистических явлений, вызванных пандемией 2020–2021 гг. Отмечается расширение тематического поля «коронавирусная инфекция» за счет образования новых слов, аббревиатур, представляющих собой спонтанное речетворчество носителей языка. Подчеркивается стилистическое разнообразие словообразовательных и лексических приемов использования слов медицинской терминологии. Делается акцент на вариативности и экспрессивно-оценочных характеристиках «языка коронавирусной эпохи». Особое внимание уделено социолингвистическим экспериментам: окказиональному употреблению неологизмов, отражающих коммуникативную ситуацию; появлению группы слов, включенных в лексикон ковид-диссидентов; оригинальной паремиологии и другим явлениям. Авторы комментируют экспликацию семантики новых слов и значений в Словаре, своеобразии агентивного лексикона, рассуждают о специфике языковой картины мира в «пандемийном дискурсе». Большое внимание уделено анализу иллюстративного материала, приемам подачи и толкования окказионализмов, формульным номинациям. Указывается на необходимость кодификации необычных фактов разговорной речи. Говорится об их влиянии

на норму литературного языка и особенностях лексикографирования неологии. Делается вывод об изменении социолингвистической ситуации и внедрении в языковое сознание новых слов, нуждающихся в профессиональной оценке и осмыслении для грамотного использования в письменной и устной речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, лексикология, социолингвистика, языковая норма, стилистика, речевая экспрессия, неологизм

для цитирования: Заика В. И., Никитин О. В. Вот тебе, бабушка, и корона-вирус! (О «Словаре русского языка коронавирусной эпохи») // Русская речь. 2022. № 6. С. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170023742-5.

Book News

COVID-19, Who Could Expect This! (On the “Dictionary of the Russian Language in the Coronavirus Era”)

Vladimir I. Zaika, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod),
w.i.zaika@gmail.com

Oleg V. Nikitin, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the “Dictionary of the Russian language in the coronavirus era” (2021) in the aspect of studying modern sociolinguistic phenomena caused by the pandemic of 2020–2021. The expansion of the thematic field “coronavirus infection” in the Russian language is noted due to the formation of new words and abbreviations, which represent spontaneous speech-making by native speakers. The article discusses stylistic diversity of word-formation and lexical methods of using medical terminology. The emphasis is placed on the variability and expressiveness of the “language in the coronavirus era”. The paper pays special attention to sociolinguistic experiments: the occasional use of neologisms reflecting the communicative situation; the appearance of words included in the lexicon of covid-dissidents; original paremiology and other phenomena. The authors comment

on the explication of the semantics of new words and meanings in the Dictionary, the originality of the agentive lexicon and discuss the features of the linguistic picture of the world in the "pandemic discourse". Much attention is paid to the analysis of illustrative material, methods of presentation and interpretation of occasionalisms and formula nominations. The paper points out that it is necessary to codify the unusual facts found in colloquial speech and emphasizes their influence on the literary language norm and the peculiarities of neological lexicography. The article draws a conclusion about the change in the sociolinguistic situation and the introduction of new words into the linguistic consciousness that need professional evaluation and comprehension for competent use in written and oral speech.

KEYWORDS: lexicography, lexicology, sociolinguistics, language norm, stylistics, speech expression

FOR CITATION: Zaika V. I., Nikitin O. V. COVID-19, Who Could Expect This! (On the "Dictionary of the Russian Language in the Coronavirus Era"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170023742-5.

Разговорная речь как существенное явление культуры стала предметом лингвистического изучения в первые десятилетия XX века, когда антинорма начала влиять на «коллективную модель». По мнению А. М. Селищева, написавшего полемически талантливую книгу о «языке революционной эпохи», «в социальной жизни огромное значение принадлежит процессу подражания, взаимного внушения...» [Селищев 1928: 9]. И сейчас мы можем без исключения принять слова почтенного ученого, уловившего одну из основных тенденций «культурно-общественной и языковой жизни», — желание человека выйти за рамки стандарта, изобрести новое слово или выражение, творчески переосмыслить исторический момент. Еще несколько лет тому назад мы не могли и подозревать, что наступит очередная «революционная эпоха», которая ворвется в литературную стихию оригинальным новоязом и станет культурным взрывом.

Ученые Института лингвистических исследований РАН откликнулись на этот вызов созданием «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»¹ (далее — Словарь), где описан большой массив новой лексики,

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. ISBN: 978-5-6044839-0-9.

категоричной, как ссылку на прецедент номинации: «*антиваксер — [так говорят] О противнике обязательной вакцинации...*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 20].

Толкование слова часто сопровождается объяснением в иллюстративном высказывании: «*ковироучер ... О лекторе, преподавателе в период пандемии, работающем удаленно. Кто-то их называет ковиручерами — это те, кто учит во время ковида-19*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 135].

Описания семантики в примерах настолько информативны, что позволяют обходиться в словарной статье без дефиниции: «*зумер ... Участники видеовстреч в Зоот также называются зумеры*», в особенности если в примере описывается ситуация, в которой родилось несколько названий: «*...Подписчики паблика тут же предложили назвать новую породу собак — карантинной, ковидогом или вируспаниэлем*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 59, 40].

Иногда не все признаки, приведенные в толковании, подтверждаются примерами. В статье *голомордый* указывается: «*...о принципиальном противнике ношения ... медицинских масок*», хотя две иллюстрации не свидетельствуют о враждебном отношении сторонника соблюдения мер. Между тем пояснения слова *голоносик* «*...о том, кто носит медицинскую маску спустив ее с носа*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 42] показывают явное неодобрение приверженца противоэпидемических мер. В статье *дивановирус* пример иллюстрирует не толкование «*...о нахождении дома...*», а неуказанное недомогание: «*Купил консервы, водку, гречку, к чаю цитрус, законопатил в окнах форточки и двери. Но за неделю подхватил ДИВАНОВИРУС. И что-то ноет в правом подреберье...*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 44]. Наличие в текстах указанных явлений свидетельствует о раннем возрасте слова, о незавершенной конвенции.

Эффективным средством экспликации семантики является так называемая словообразовательная справка, в которой наиболее заметными являются объяснения контаминации: *вжоперти, вирусокосный, гречкодемья, ковидятня, ковидохост, маскобесие*. Случаев использования контаминации настолько много, что, возможно, сама тенденция реализации этого способа имеет вирусную природу. Контаминация (наряду со сложением) делает заметной внутреннюю форму окказионализма, сведения о точке зрения говорящего, который воплощает в слове мысль о называемом предмете. Поэтому столь ясна предметная семантика окказионализмов и очевидна их прагматика: *вируспруденция, диванстарция, ковидобесие, ковидопаника, ковидономика, коронакирдык, радиоковидствующий, пантемионат*. Приводимый авторами словаря исторический комментарий (см. *вывозной*) также существенно способствует экспликации семантики окказиональной номинации.

Поскольку в новой ситуации носитель языка поставлен в беспрецедентные условия выбора собственной позиции: своего отношения к опасности заболевания, целесообразности принимаемых ограничительных мер и т. п., а также к той позиции, которую занимают другие члены общества, — авторы включили в Словарь значительное количество эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики, с помощью которой говорящий выражает свое мнение. Такой материал регистрирует богатый и сложный спектр отношения говорящих к ситуации и реалиям пандемии. В книге можно обнаружить как лексемы, выражающие неодобрительное, презрительное, пренебрежительное отношение (*ковидла, ковидло, ковидник, ковидятня, коронка*), так и номинации, созданные с целью понизить (разг. ирон. *короняша, короняшка*, разг. шутл. *ковидушко, удаленушка*, шутл. *короньч, пандемионат*) или повысить градус тревожности (*китайская чума, ковидапокалипсис, коронакалипсис*).

Интерес представляет обширное поле слов, входящих в лексикон так называемых ковид-диссидентов (лиц, отрицающих наличие или опасность коронавирусной инфекции), которая маркируется в структуре дефиниции с помощью формулы «в речи ковид-диссидентов». К таким лексемам авторы отнесли, например, *барановирус, лоховирус, макароновирус, фейкопидемия, фуфловирус* и др. Интернет-сообщество «Ковид-сопротивление» было, пожалуй, одним из самых активных не только в социокультурном проявлении, но и в изобретении новых слов: более пятидесяти неологизмов такого свойства вошло в лексикон [Ефремов 2021: 263].

В Словаре отражена тематическая группа неологизмов (примерно 300 единиц), рассказывающая о героях коронавирусного времени: *карантинофилах и карантинифобах, карантинозаврах, ковидятлах, коронавтах* (см. подробнее: [Буцева, Зеленин 2021: 162–213]), что свидетельствует о нарастающих антропоцентрических тенденциях в языке XXI века, осмысляющем таким необычным образом окружающую действительность. Стоит согласиться с исследователями агентивного лексикона: это один из самых тематически разнообразных пластов коронавирусной картины мира, заполняющий игровыми номинациями, словесными шутками и эвфемизмами языковые лакуны. Так, в большом количестве появляются новые наименования: «Пандемия, как показывает лексический материал, не ограничивает язык, а напротив — побуждает людей к лингвокреативному творчеству. Коронавирусный лексикон оказался быстро конструируемым, быстро меняющимся, с большим числом окказиональных новообразований вследствие двух факторов: глобальности и общего медийного пространства и мультимедийного общения в социальных сетях» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 213].

Можно сказать, что, знакомясь с примерами, мы входим в своеобразную языковую картину мира в «пандемийном дискурсе». Он оказался не только ярким, насыщенным образной оценочной неологией, но и символическим. Самой заметной, по мнению исследователей данной проблемы (см.: [Ефремов 2021; Козловская 2021] и др.), стала метафора войны / борьбы / битвы. Этот акцент языка коронавирусной эпохи как бы реанимировал в словесных формах не только агрессию окружающего мира, но и катастрофу (*ковидоапокалипсис, коронаколлапс, коронаЧернобыль*), отразил своеобразную форму психического расстройства (*коронаистерия, коронапаника, коронашиза* и пр.) и в то же время показал определенный раскол в обществе, противостояние (*коронавера — коронаатеизм, коронамир — корона-война, коронамир — коронахаос*). Деление на «своих» и «чужих» стало проявлением речевой вражды. Эта семиотика культуры стала своеобразным маркером «более 30 сообществ, включая несколько региональных», юмористических групп типа «Ковид головного мозга KGM», мемов про коронавирус и других явлений рунета [Ефремов 2021: 261]. И хотя книга подготовлена коллективом академических исследователей, ее авторами де-факто являются обычные люди — носители языка, ставшие создателями и пропагандистами коронавирусного «карнавала». Уже само появление окказионализма обнаруживает голос народа, а внутренняя форма нового слова свидетельствует о мировоззрении создателей таких текстов, которое читается в примерах и разговорах. В том, что иллюстративный материал — наиболее интересный элемент книги, заключается особая заслуга инициаторов этого издания. Нужно отметить разнообразие, метафоричность и богатство эмотивных рядов этих фраз, что подтверждает народность зафиксированного в Словаре «карнавала».

Иллюстрации показывают, что окказионализм используется не только как средство названия явления и выражения отношения к конкретному факту или событию (необычность слова изображает также неординарность явления), но и как композиционный прием. Так, по нашим наблюдениям, окказионализм обеспечивает выполнение заглавием рекламной функции: «*Досамоизолировались: к ушедшим в запой жителям Сызрани начали по крышам приходить кабаны*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 50], «*Гречковирус: кто подогревает продуктовый ажиотаж на фоне пандемии*», «*Как гречкохайп победил "слемеров"...*» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 43]. Кроме того, нахождение в позиции заголовка делает окказионализм более заметным и повышает его шансы на воспроизводимость.

Сейчас сложно сказать, какие из представленных в книге единиц останутся в активном словаре, а какие уйдут из него навсегда. Восприятие окказионализма в тексте — это рецепция с повивальным оттенком. Автор

создает неологизм, а читатель, если примет его, повторит уже в своем высказывании — значит, этому слову обеспечена жизнь в языковой системе. Многие приведенные в книге новообразования являются недолговечными, если не одноразовыми, по причинам неблагозвучности, неудобопроизносимости, сложности, неактуальности и пр. (*вакцинация, вирусоносительство, вирусокризисный, ковидиворс, коронавирусобесие, карантим, коронашеринг* и др.). Список слов без семантической обработки показывает, что это преимущественно однократные использования в письменной речи. Подобные лексемы, разумеется, информативные, но не имеют возможности «оторваться» от контекста первого употребления и войти в стихию разговорной речи всего сообщества. Слова типа *антикоронавирусно-стимулирующий, карантинно-виртуальный, коронавирусно-каникулярный* трудно воспроизвести, а это одно из главных условий вхождения неологизма в словарь. Однако важно то, что мы успели зафиксировать в культурном пространстве языка необычное явление, ставшее почти родным для «домосидельцев», прошли невероятный «зум-спектакль» и не стали «карантиноидами».

Книгу дополняют оригинальный «Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок», подготовленный Х. Вальтером и В. М. Мокиенко — известными специалистами в области паремиологии, а также ряд материалов, отражающих системные связи внутри лексики. Как отмечено в предисловии, в приложениях показаны контакты более 500 единиц словника с теми культурными явлениями в языке, которые используют эти примеры. Образцы статей, приведенные Х. Вальтером и В. М. Мокиенко, свидетельствуют, что антипословицы имеют во многом схожие славянские параллели и близкую символику. Например, выражение *Не было заботы — купила баба летучую мышь [на уханьском рынке]*, переделанное из *Не было у бабы хлопот, так купила порося*, сохранило в оригинальном варианте «в своем составе древнюю общеславянскую форму поросенка — порося». Пословица *Вот тебе, бабушка, и коронавирус [и коронавирус день]* восходит к известному выражению *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* [Приемышева (отв. ред.) 2021: 437–439]. Особенно интересными, на наш взгляд, являются такие вербальные результаты пандемии, как языковая игра и ковидный фольклор. Это частушки-ковидушки, стихи-карантинки, антипословицы и поговорки, мемы, прецедентные тексты, которыми были наполнены СМИ и интернет-пространство. Таким образом безвестные авторы реагировали на непростой вызов времени, смягчали напряженность, вызывая у читателей сочувственный смех. «Ковидные» антипословицы типа *Бойся китайцев, дары приносящих, Самоизоляцию пережить — не поле перейти, Мал санитаризер, да дорог, Не хвались вакциной в пустой избе* и мн. др., по мнению Х. Вальтера и В. М. Мокиенко,

«гораздо интенсивнее отражают собственно национальную специфику... При этом их аксиологический портрет в целом универсален, ибо диктуется общечеловеческим негативным отношением к коронавирусной пандемии как таковой» [Вальтер, Мокиенко 2021: 566]. В речевой практике даже сформировались определенные тематические блоки антипословиц («происхождение вируса», «пути распространения инфекции», «меры предосторожности» и т. д.) [Приемышева (отв. ред.) 2021].

Материалы, представленные в Словаре, необычные, живые, экспрессивные, как будто только что снятые с языка очередной «революционной эпохи». Думается, что они потребуют некоторого осмысления. Но уже сейчас ясно, что представленная в книге лексика является своеобразным отражением социокультурных процессов в нашей стране и вышла далеко за пределы лингвистического знания. Она нуждается в квалифицированном анализе, возможно, адаптации. Ее спонтанная включенность в систему литературного языка вызвала в обществе неоднозначную реакцию и, безусловно, раздвинула стилистические рамки речи. Значит, с новой силой встает вопрос о подвижности письменной и устной нормы, об особенностях фонетической, грамматической и лексической кодификации *живой* речи не только в научных, но и в образовательных целях. Например, мы часто слышим слово *ковид* с разной акцентуацией и начинаем привыкать к изменчивости произносительной нормы — *кóвид* и *ковíд*, не задумываясь над тем, какой вариант более предпочтительный, а главное — грамотный. Здесь важно провести социолингвистический анализ употребляемости разных форм, понять, какие законы проявляются в речи, услышать в прямом смысле человеческий голос из народа (подобно тому, как это делал А. М. Селищев) и только тогда оценить с филологической точки зрения сложившуюся ситуацию. Примечательно в этом отношении исследование О. В. Антоновой, доказывающее, что «у варианта *ковíд* налицо оба фактора, необходимых для кодификации: устойчивое бытование в узусе и успешное встраивание в существующую в языке модель акцентологического оформления названий определенного класса болезней» [Антонова 2021: 45]. Ср.: в Словаре указаны две формы, но отмечается, что *ковид* с ударением на первый слог встречается реже [Приемышева (отв. ред.) 2021: 82].

Как ни парадоксально, это грустное с медицинской точки зрения явление вызвало всплеск словесного творчества, будто таившегося в душе рядового служащего, работника банка, торговца или чиновника. Все они стали народными языковедами и по-своему проявили внимание к русской речи.

Не только наличие словарей-предшественников, которые упоминают авторы в предисловии, свидетельствует о всплеске интереса к родной речи. Иллюстративный материал, который во многих случаях содержит

толкования лексикографируемых окказионализмов, характеризуется своего рода метаязыковой направленностью. Многочисленны и частотные формулы, отмечающие факт новообразования: *появились новые слова..., люди назвали..., люди предложили назвать..., теперь называют...* и др. Можно заметить, что некоторые примеры показывают отнюдь не употребление слова: *«Я принял решение временно до конца года переименовать эту рубрику в “Ковидославие”, не “Ковидобесие”, а именно в “Ковидославие”»* [Приемышева (отв. ред.) 2021: 127], но рассуждение о нем. Впрочем, отдельные пространные метаязыковые рефлексии содержат именно примеры употребления: *«Есть прекрасная фраза — “зум-русалка”. Спрашивают: «Ты сегодня на паре был зум-русалкой? Или по-серьезному?»...* [Приемышева (отв. ред.) 2021: 61]. Остальные примеры — это по большей части разговоры не о пандемии, а о словах, в которых представляет интерес для анализа не только семантика: *«Муж продолжает, как он выражается, “ковидеть”, то есть работать с коронавирусными больными»*, но и стилистика текста: *«“Ковид-бумерами” в шутку называют это будущее поколение многие пользователи сети...»* [Приемышева (отв. ред.) 2021: 92, 89].

Мы обратили внимание на те примеры, где, кроме иллюстрируемого слова, употребляются и другие пандемийные единицы: *«каранте ...Пока “ковидиоты” отрицали опасность вируса, “ковиднутые” и просто люди, застрявшие дома на “карантикулах”, либо упражняясь в “каранте” — умении владеть собой в условиях самоизоляции, либо погружались в процесс “рассхламинго”, разбирая старые ненужные вещи и наводя порядок там, куда раньше руки не доходили»* [Приемышева (отв. ред.) 2021: 65]. В подобного рода высказываниях предметом является, конечно, язык. А описанная в изобретенных терминах пандемии ситуация — экспрессивное средство, изображающее степень проникновения ковида в нашу жизнь.

В Словаре коронавирусной эпохи ошутимо присутствие творца. Перед нами книга не только о языке, но и о народе, который создает неологию. Конечно, наиболее продуктивными подмастерьями являются журналисты, блогеры, неймеры. Зафиксированные в окказионализмах и представленные в иллюстрациях употребления этих слов, сведения о событиях борьбы с коронавирусной инфекцией необычайно разнообразны. Поэтому Словарь будет полезен не только специалистам, но и психологам-практикам, культурологам, историкам и социологам — всем, кто изучает и слушает разговорную речь, кто способен разглядеть маску языка и увидеть под ней живой мир словесных образов и эмоций. Думается, что особый интерес опубликованные материалы могут вызвать у студентов, изучающих русский язык как иностранный, так как содержат совершенно новые факты, нуждающиеся в профессиональном анализе.

Обсуждаемая книга со временем перейдет в разряд исторических явлений. И пока «коронавирусная эпоха» не забыта, мы будем наблюдать еще немало языковых локдаунов. Главное, чтобы они остались только на бумаге и в наших филологических фантазиях.

Описанная в Словаре «коронавирусная эпоха» показала и возможности лингвистической науки, которая откликнулась на неординарное явление словотворчества и на страницах журналов стала активно обсуждать эту проблематику. Известный языковед Л. П. Крысин еще задолго до описанного явления предлагал изучать возможности «социолингвистической интерпретации “неправильностей”», говорил о необходимости создания специального словаря, в котором была бы отражена «социально-стилистическая паспортизация речевых ошибок» [Крысин 2021: 214–215]. Впереди, возможно, нас ждут и другие лексикографические жанры, а также новые исследования, рассматривающие ковидную лексику с точки зрения коммуникативной стилистики и грамматики, концептологии и социолингвистики. Стоит согласиться с авторами книги, взявшими в качестве одного из эпиграфов такие слова: «Мы вступаем в ... коронавирусную эпоху, конца которой не видно». В этом заключается филологический пафос Словаря.

Литература

- Антонова О. В. *Ковид или ковид* (К вопросу об акцентуации новейших заимствований) // Русский язык за рубежом. 2021. № 6. С. 39–47.
- Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Наименования лиц в период коронавирусной пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 162–213.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Коронавирус и его оценка в зеркале современной паремологии // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 563–572.
- Ефремов В. А. Язык вражды: ковидный извод // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 254–264.
- Козловская Н. В. Военная метафора в медиадискурсе коронавирусной эпохи: от слова к тексту // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 234–253.
- Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

References

- Antonova O. V. [Covid or covid (On the issue of accentuation of the latest borrowings)]. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*, 2021, no. 6, pp. 39–47. (In Russ.)
- Butseva T. N., Zelenin A. V. [Names of persons during the coronavirus pandemic]. Priyomysheva M. N. (ed.). *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Inst. of Linguistic Research Publ., 2021, pp. 162–213. (In Russ.)
- Efremov V. A. [Hate speech: covid variety]. Priyomysheva M. N. (ed.). *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Inst. of Linguistic Research Publ., 2021, pp. 254–264. (In Russ.)
- Kozlovskaya N. V. [Military metaphor in the media discourse of the coronavirus era: from word to text]. Priyomysheva M. N. (ed.) *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Inst. of Linguistic Research Publ., 2021, pp. 234–253. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 360 p.
- Priyomysheva M. N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of coronavirus epoch]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2021. 550 p.
- Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [The language of the Revolutionary Era: from observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. Moscow, Rabotnik Prosveshcheniya Publ., 1928. 248 p.
- Valter H., Mokienko V. M. [Coronavirus and its assessment in the mirror of modern paremiology]. Priyomysheva M. N. (ed.) *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2021, pp. 563–572. (In Russ.)